

№ 11 * 1963

ლიტერატურная რუზია

10.335
1963/2

Номер посвящается
Советской Армии

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ЖУРНАЛ

„Литературная Грузия“

(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

знакомит читателей с лучшими произведениями прозаиков и поэтов Грузии, печатает стихи, повести и рассказы писателей Москвы, Ленинграда, братских республик Советского Союза и прогрессивных зарубежных авторов, а также очерки о строителях коммунизма, тружениках семилетки, литературно-критические статьи и рецензии на новые книги; ведет разделы «Искусство», «Спорт» и др.

В портфеле редакции журнала на 1964 год имеются произведения:
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. «Игра с тенями». Автобиографическая повесть.

РЕВАЗА ДЖАПАРИДЗЕ. «Марухские белые ночи». Повесть.

НОДАРА ДУМБАДЗЕ. «Я, бабушка, Илико и Илларион». Юмористическая повесть.

ИАКИНТЕ ЛИСАШВИЛИ. «На развалинах». Роман.

АНАТОЛИЯ КУЗЬМИЧЕВА. «Тревога». Роман.

ТАМАЗА ЧИЛАДЗЕ. «Полдень». Повесть.

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Н. Тихонова, К. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая, Г. Натрошвили, Ю. Нагибина, Г. Шатберашвили, Э. Фейгина, Э. Зедгинидзе, Л. Гатуа, И. Тарба, Т. Донжашвили, Б. Сейраняна, Л. Мрелашвили, А. Сулакаури, Э. Майсурадзе, Э. Кипиани, О. Иоселиани и др.

ЦИКЛЫ СТИХОВ

Г. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, И. Абашидзе, П. Антокольского, К. Каладзе, А. Межирова, А. Мирцхулава, Б. Ахмадулиной, А. Гомиашвили, И. Нонешвили, Е. Евтушенко, М. Мревлишвили, Гафеза, И. Цховребова, Г. Гублиа, А. Каландадзе, М. Мачавариани, Ю. Мориц, О. Чиладзе, М. Поцхишвили и др.

ОЧЕРКИ

С. Цверава, И. Дубинского, Л. Сулаберидзе, Л. Вольнского, И. Хуцишвили, И. Месхи, Л. Браиловской и др.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Б. Жгенти, С. Чилая, К. Чуковского, Г. Гвердцители, Ю. Суровцева, В. Мачавариани, Г. Маргвелашвили, Г. Асатиани, В. Замбахидзе, С. Рассадина, Э. Карелашвили, В. Огнева и др.

СТАТЬИ О НАУКЕ

Э. Андроникашвили, В. Асатиани, В. Чавчавадзе, Г. Твалчрелидзе и др.
Читатель найдет в журнале цветные репродукции лучших картин художников Грузии.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“

Подписная цена:

на год — 4 руб. 80 коп.

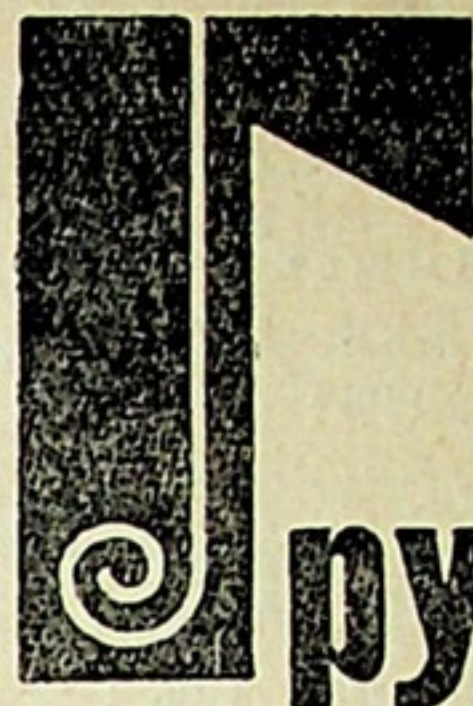
на 6 мес. — 2 руб. 40 коп.

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати»

10.333
1963/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

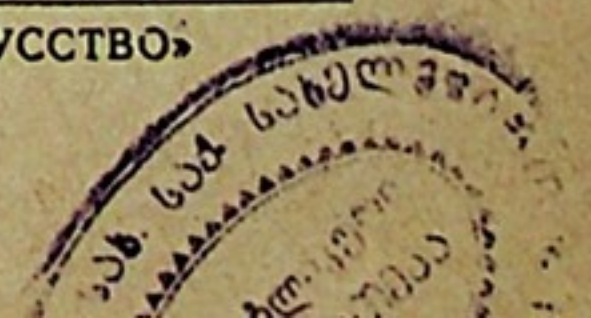
ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Добро пожаловать, друзья!	3
СИЛЬВА КАПУТИКЯН. На старте космической эры. ОВАНЕС ШИРАЗ. Жизнь для людей. ГУРГЕН БОРЯН. Весенний гром. МАРТИН КАРАМЯН. Завтра. ЛЮДВИГ ДУРЬЯН. Солнце выплесну- лось на воду огнем... Стихи. Переводы с армян- ского В. Корнилова, Ю. Хазанова, В. Звягинцевой, Вл. Приходько, А. Тер-Акоповой	5—6
АКСЕЛЬ БАКУНЦ. Двадцать пятого октября. Рассказ. Перевод с армянского Е. Алексанян	7
ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН. Шпана, главарь ее Айро и собака Чало. Рассказ. Перевод с армянского А. Баяндур	11
КАРЛЕН АКОПЯН. Песня о родном доме. РАЧИЯ ОВАНЕСЯН. Если б только я мог... ГУРГЕН МААРИ. Воспоминание. ПАРУИР СЕВАК. От- ступление с песней. ОВАНЕС КАРАЯН. Гла- зами матери. Стихи. Переводы с армянско- го Е. Николаевской, Г. Павловской, В. Звягинцевой, Р. Рождествен- ского	15—16
РАЧИЯ КОЧАР. Дети большого дома. Роман. Главы из второй книги. Перевод с армянского В. Гроссмана и А. Тароян	17
НАИРИ ЗАРЬЯН. Сыну, еще не рожденному. ГЕВОРГ ЭМИН. Спутник запущен. ВААГН ДАВТЯН. Ро- дина. МИКАЭЛ АРУТЮНЯН. Горы зовут. СУ- РЕН МУРАДЯН. Колос. Стихи. Переводы с ар- мянского Э. Левонтина, Б. Слуцкого, Т. Задонской, В. Звягинцевой	36—37
ВАРДГЕС ПЕТРОСЯН. Окна города полуоткрыты. Рассказ. Перевод с армянского Э. Канановой	38
ЛЕОНИД ГУРУНЦ. Мой друг Георгий Цагоев. Быль.	42

72.580

11

НОЯБРЬ

1963

ГЕГАМ САРЬЯН. Песня из Грузии. АШОТ ГРАШИ. Поезда. ВААГН КАРЕНЦ. Ты — Армения. АМО САГИЯН. Скалы. МАРО МАРГАРЯН. Моя песня. Стихи. Переводы с армянского Е. Николаевской, С. Куняева, Г. Павловской, В. Дробышева, З. Поповой 43—44	
ВАЛЬТЕР АРАМЯН. Кусочек солнца. Рассказ. Перевод с армянского Э. Канановой 45	
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АРМЕНИИ	
ГАРО ТЕВОСЯН. Ереван, 1963 49	
ГРАНТ БАГРАЗЯН. Голубые артерии плодородия 55	
ЮРИЙ МАРЯН. Наш город — Кировакан... 59	
ДРУЗЬЯ О ДРУЗЬЯХ	
ЛАДО ГУДИАШВИЛИ. Большой художник 64	
ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. Горячее сердце писателя 65	
АНДРЕЙ БАЛАНЧИВАДЗЕ. Певец своей страны 66	
ГЕОРГИЙ ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ. Годы, встречи, дружба 66	
НОНА ГАПРИНДАШВИЛИ. Мой друг — чемпион мира 68	
КРИТИКА	
ВАЗГЕН МНАЦАКАНЯН. Поэзия правды 71	
ИСКУССТВО	
ЭММА КАНАНОВА. Молодость, поиск, дерзание 77	

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе, 14, телефон 3—44—08.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Добро пожаловать, друзья!

«Литературная Грузия» радушно открывает страницы своего очередного номера для поэтов и прозаиков, публицистов и очеркистов, критиков и художников Советской Армении. Читатель получает книжку журнала, объединенную глубокой — я бы даже сказал, глубинной — цельностью, той цельностью, которая создается не тематическим или хронологическим единством, не какими-либо внешними признаками, а высоким идейным настроением литературы социалистического реализма, общностью древней национальной традиции, единством художественного метода.

Что можно сказать о целевом номере, посвященном целиком литературе и искусству братской республики? Может быть, это один из приемов журналистской подачи материала? Или оправдавший себя способ комплексной информации, когда плоды творческого труда говорят сами за себя, без посредников и комментаторов? Да, конечно, все это несомненно.

Но в данном случае, по-моему, мы имеем дело с явлением большей важности и значительности. Культурный, творческий обмен между народами — это даже не только и не столько гостеприимство добрых соседей, много веков проживших бок о бок и испытавших друг друга и в беде и в радости. Перед нами одно из повседневных проявлений подлинной духовной потребности в творческом, деловом, практическом общении, как это бывает у членов одной семьи, многочисленной, дружной, единой.

Каждый из нас может не задумываясь перечислить немало примеров подобного сотрудничества. Только за последнее время, и только на примерах культурного взаимообмена между Арме-

нией и Грузией можно составить довольно длинный список: встречные гастроли Тбилисского и Ереванского театров оперы и балета; большие вечера мастеров искусства Армении в Тбилиси; выставка произведений Елены Ахвледиани в Ереване; десятки книг писателей братской республики, переведенных и напечатанных в наших издательствах...

А совсем недавно большим празднеством всех трех закавказских республик было отмечено 250-летие со дня рождения нашего Саят-Новы. Мне довелось принять участие в торжествах, посвященных этой знаменательной дате, в Ереване и Тбилиси. И я могу засвидетельствовать, что армяне, азербайджанцы, грузины равно отдали дань уважения замечательному поэту, который с одинаковой страстностью и одинаковым мастерством пел свои стихи на трех языках. Саят-Нову с полным правом можно назвать вдохновенным певцом братства народов Закавказья. Поэтому и сегодня мы справедливо гордимся его принадлежностью всем нашим трем народам.

Как видим, истоки нашего братства уходят далеко в глубь веков. Свидетельство этому мы находим в созданной на протяжении тысячелетий истории двух народов — армянского и грузинского, написанной белым по черному, или, что более соответствует нашей истории, — написанной красным по белому. В первой главе этого письменного памятника говорится о двух братьях — Картлосе и Хайосе, родоначальниках грузинского и армянского народов.

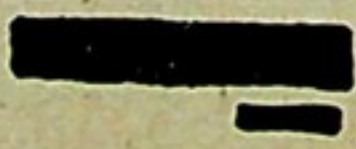
История дала нашим народам общий фундамент под их домами. На протяжении веков этот общий фундамент выдержал тысячи бурь и невзгод, перенес тысячи нашествий и испытаний, устоял под напором тысяч иноземцев. Но, как говорил замечательный армянский поэт Ованес Туманян, яд вражды никогда не проникал в глубины душ братских народов, «непоколебимо связанных друг с другом многотрудными историческими судьбами и великими воспоминаниями».

Эта благородная мысль целиком и полностью разделялась каждым подлинным гражданином и патриотом нашей родины. Ее активно пропагандировал наш Илья Чавчавадзе. Ее воспевал Акакий Церетели, более полустолетия назад написавший:

Ты армянин, а я грузин,
И вместе братья мы родные.

Грузия всегда радушно и гостеприимно приветствовала лучших посланцев армянского народа, находивших ласку и уют под ее небом, на ее земле, в сердцах ее сынов и дочерей.

В Советской стране это братство крепнет и развивается. Писатели и поэты наших народов в меру своих сил трудятся для укрепления этого исконного братства. И этот номер «Литературной Грузии» может служить, пусть и небольшим, но достойным одобрения вкладом в сокровищницу дружбы всех народов нашей страны.

Поэзия Советской Армении

Сильва КАПУТИКЯН

НА СТАРТЕ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Перевод с армянского В. Корнилова

Нынче все в поэты записались.
Лишь луна да звезды на устах.
За ракетой молодость и старость
Устремились в мыслях и мечтах.
А вот сердце... сердце так же бьется
И все той же следует судьбе.
Все гляжу я на твое оконце,
Все еще тоскую по тебе.

Столько нового прибудет в мире!
Человек, к созвездьям устремясь,
Оборвавши притяженья гири,
На Луну подыметя, на Марс.
Но и там в душе его проснется,
Разольется музыкой любовь,
И в далеких сферах, близких Солнцу,
Затоскует он и вспомнит вновь
Комнату и огонек в оконце
На далекой обжитой Земле...
И со всех дорог домой вернется,
О земном затосковав тепле.

Ованес ШИРАЗ

ЖИЗНЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Перевод с армянского Ю. Хазанова

Я не завидую скитальцам — морякам,
А только облакам,
Что жемчуг капель отнимают у морей
И дарят берегам.

Я не завидую певцам — полубогам,
А только ручейкам,

Что человеку дарят песни и цветы,
И жизнь несут морям.

Земле завидую, что бескорыстно нам
Дары кладет к ногам.
Хочу землею стать—чтоб жизнь свою отдашь
И людям, и мирам!

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Перевод с армянского В. Звягинцевой

Что ж ты молчишь, весенний гром,
Скрываясь за свинцовой тучей?
Что в сердце яростном твоём,
Не ревностью ль ты болен жгучей?
Печалью неба полон ты,
Любовью ли к земле прекрасной?
Зачем же с темной высоты
Не грянешь ты грозою властной?
Зачем так хмуро ты молчишь?
Разбей предгрозовую тишь!
Скорее загреми, скорей!
Плачь, если грому плакать должно,
Не хмурь угрюмых туч-бровей,
Не мучь нас тишиною ложной...
Спешь, весенний гром, спешь, —
Ты схож со мной огнем души.

Мартин КАРАМЯН

ЗАВТРА

Перевод с армянского Вл. Приходько

Говоришь:
Садись и напиши
О земле,
О щедрости души,
О луче
Погаснувшей звезды,
О дорогах,
Где твои следы...
Погоди, родная,

Подожди.
Голубые выпадут дожди.
Все хлеба
В степи
Заколосятся.
Все огни
В озерах
Отразятся.

Людвиг ДУРЬЯН

* * *

Перевод с армянского А. Тер-Акоповой

Солнце выплеснулось на воду огнем,
Облака каймою красною расшив.
С ветром слились, слились в шепоте одном
Камыши, речные камыши.

В дымке прячутся далекие хребты,
Тропкой старой я домой к себе вернусь.
Вечер ласково простится, добр и тих.
И растает вместе с ветром грусть.

Аксель БАКУНЦ

Двадцать пятого октября

РАССКАЗ

Перевод с армянского Е. Алексанян

«Аврора» бросила якорь перед Балтийским заводом. За ней стоял крейсер «Император Павел», рядом с ним знаменитая «Висла», где в июльские дни помещался Центральный балтийский штаб, и уже целый лес матч покачивался на серо-свинцовой поверхности моря.

Старый матрос «Авроры» Стефан Борга нес вахту: посасывая трубку, он, не отрываясь, смотрел в сторону города. Светило солнце, холодное северное солнце, под его ослепительно белыми лучами пламенел купол Исаакиевского собора. Блестели медные поручни палубы.

С вахтенного мостика Борга наблюдал за городом. На улицах было обычное оживление: через мосты шли трамваи, машины. Два чухонца, нагрузив лодку бочками, мирно гребли к берегу. По временам появлялись небольшие воинские отряды. По Царскому мосту проскакал казачий эскадрон. Блеск шашек был виден издалека. Старой была даже казачья песня, будто в Питере ничего не изменилось. Все было прежним, как Нева, как ее гранитные берега.

Борга повернул голову в сторону «Императора Павла», и лицо его

озарилось улыбкой. Вот над мачтами полощется красный флаг, первый красный флаг, поднятый моряками Балтики. И Борга вспомнил день, когда льдины сомкнулись, увлекая под воду окровавленный труп мичмана Булича. Мичман обругал первого часового при красном знамени, часовой выстрелил, и тело мичмана грузно полетело за борт.

По вахтенному мостику тяжело шагал Стефан Борга. Он напевал под нос унылую эстонскую «Дзасму». Внизу, на палубе, кипела обычная судовая жизнь. Одни драили палубу тяжелой щеткой и песком, другие играли в кости, несколько человек собрались у пушечных цепей и о чем-то беседовали.

— Говорят, уже печатают объявления, что власть переходит к нам.

— А Керенский, слышь, вызвал с фронта казаков, две дивизии...

— Руки коротки...

— Вот если бы нас послали на Зимний, уж я бы знал, что делать...

— А что?

— Взял бы в плен человек десять из женского батальона и, сам

понимаешь... Особенно эту толстенную Феню.

Раздался хохот. Улыбнулся даже Борга, слушающий беседу с мостика. Ему захотелось вмешаться в разговор, но как раз в это время он заметил знакомую машину, которая свернула к берегу, прямо против «Авроры».

— Едут, — возвестил он, и трап плавно опустился на гранит.

Это прибыли представители Военно-революционного комитета и Красного флота.

* * *

Густой дым заполнил сводчатую комнату, напоминая подземную келью. Копилка едва освещала людей, склонившихся над картой Петрограда. Они вынуждены были зажигать свечи и спички, чтобы разглядеть улицы, строящиеся баррикады, мосты, которые нужно будет разводить по мере надобности, здания почты, телеграфа, банка, министерств и особенно казарм, которые надо было захватить во что бы то ни стало.

— Значит, еще раз напоминаю распоряжение ЦК, — хрипло сказал Подвойский, — без паники... мы должны арестовать Временное правительство, Керенского, Главный штаб... Нужно взять Зимний. Ясно?..

— Ясно, — слышалось с разных сторон.

— Товарищ Подвойский, ночным часовым можно разжигать костры? — спросил кто-то.

— Нашел о чем спрашивать, — одернули его.

— Спокойно, товарищи. Время дорого. Костров не зажигать...

Без конца входили и выходили матросы, рабочие, красногвардейцы, опоясанные крест-накрест пулеметными лентами, обвешанные ручными гранатами. Они степенно проходили через обе комнаты, похожие друг на друга, как все кельи, сообщали новости, получали инструкции и оружие. Во дворе бес-

прерывно трещали мотоциклы, деди машины, цокали копытами лошади курьеров.

Приходили делегаты от воинских частей, они выражали свою готовность биться плечом к плечу с восставшими рабочими. Другие обещали только нейтралитет. Они уходили подавленные, унося вести о восстании. Временами ночные лазутчики сообщали сведения о подозрительных передвижениях войск в окрестностях города.

— Немедленно усилить наблюдение за мостами... Послать красногвардейцев на железнодорожные вокзалы... Разоружить офицеров «Авроры». В случае неповиновения будьте решительны. Товарищ Мокшин, сверьте часы.

— Без десяти минут одиннадцать.

И оба взглянули на часы.

— В двенадцать доложите, что «Аврора» больше нам не будет мешать. Быстро.

В темных переулках слышался металлический звук шагов по булыжнику, потом прогремели три грузовика, и отряды вооруженных матросов промчались по направлению к «Авроре».

— Значит, окружить от Невы до Марсова поля и затем от Мойки до Мариинского дворца. Артиллерия бьет по Дворцовой площади. Записал, Вася?.. Потом броненосцы...

Кто-то вошел, два часа назад его посылали со срочным заданием.

— Они закрыли ворота... Но в окнах пулеметы. Ждут два эскадрона казаков.

— Занять мост между Миллионной и Невской набережной, Прекратить по этим улицам движение трамваев. Если подойдут к мосту, разоружить эскадроны. Кто поддерживает связь с «Авророй»?

— Мы, — встали три молодых матроса и Стефан Борга.

— Крейсер подтянуть ближе к мосту... Следить за сигналом и немедленно стрелять по Зимнему

дворцу. Двадцать матросов послать в распоряжение товарища Антонова, для штурма Зимнего...

— Есть, — сказал Борга.

У дверей кто-то быстро отметил их фамилии и задания.

Мимо темного дворца молча шли четыре матроса. Было холодно, с моря дул сырой, пронизывающий ветер, на улице фонари покачивались из стороны в сторону и вместе с ними колебались темные тени зданий. Ворота домов, ставни были заколочены наглухо, ни звука не доносилось с верхних этажей... Иногда им навстречу попадались вооруженные патрули и, спросив пароль, проходили.

Море бушевало. Громадные валы накатывались против течения Невы, река вздувалась, билась о гранит берегов. «Аврора» потушила огни и бесшумно поплыла к Царскому мосту. Матросы в темноте снимали чехлы с орудий и направляли стальные жерла в сторону Зимнего дворца...

* * *

Первые броневики пошли в атаку с Сенатской площади. В тот же час полевая артиллерия, стоявшая перед собором, получила приказ кратчайшим путем соединиться с путиловцами. Колонны восставших солдат наступали от Манежа и Инженерного замка. Красногвардейцы обстреливали ворота Зимнего со стороны Александровского сада.

Из дворца и с крыш соседних домов юнкера отвечали пулеметными очередями. Пули с визгом отскакивали от жестяных вывесок, булыжников, пробивали толстые стекла. Испуганные горожане заперли окна и двери, заставили все входы и выходы столами, книгами. И тряслись от страха. Дрожали, проклинали и молились.

Толпа в триста-четыреста человек с белым флагом подошла к позициям красногвардейцев.

— Стой.

Медленно подъехала бронемашина.

— Дорогу! — закричали из толпы. В общем шуме выделялся женский голос.

— Мы, представители Петроградской Думы и общественных организаций, идем просить Временное правительство остановить это кровопролитие.

— Временного правительства не существует, оно свергнуто. Есть революция...

— Пропустите нас.

— Прочь от моста, будем стрелять.

— Разбойники, предатели родины! — истерично крикнула та же женщина. Это была графиня Панина.

— Отойдите от моста! — Пулеметная очередь прорезала воздух.

— Уйдемте, господа... Уступим насилию и помолимся господу, чтоб он спас матушку-Россию, — испуганно крикнул кто-то.

Толпа отступила.

— Стой! — Молодой часовой взял винтовку наперевес.

Автомобиль остановился.

— Выходите...

— Что за беспорядки? — рассердился сидевший в машине человек с портфелем.

— Вы пойдете в Смольный пешком, — спокойно ответил часовой. — А машина останется...

— А вы знаете, кто я? — повысил он голос, — я министр Прокопович... Как вы смеете поднимать руку на члена правительства! Это безобразие! Ваша фамилия, сударь? — и он вытащил из кармана блокнот.

— Идите в Смольный, там вам скажут...

И министр Прокопович, как арестант, пешком проследовал в Смольный.

После трех часов все воинские части получили приказ:

— Усилить атаку, взять штурмом дворец... Скоро в Советах будет выступать Ильич. Арестованных и

пленных направить в Смольный. Первому комиссару, взявшему Зимний, приказываю сейчас же установить внутри строгий порядок и без обыска никого не выпускать.

Через пять минут загрели пушки с «Авроры» — раз, два; потом стали стрелять со стороны Петропавловки. Полевая артиллерия, поступившая в распоряжение путиловцев, била по воротам Зимнего со стороны площади. Послышалось громкое «ура», и со всех улиц хлынули вооруженные повстанцы.

В Зимнем дворце умолкли пулеметы.

Смелым штурмом отряды моряков и красногвардейцев ворвались во дворец и с бомбами наготове стали подниматься по мраморным лестницам. Среди бойцов, штурмовавших Зимний, было семнадцать матросов с «Авроры» и в их числе Стефан Борга.

Восставшие искали Керенского. Уже были арестованы члены Временного правительства, разоружены юнкера — их построили, чтобы вывести из дворца, — но отдельные группы рабочих и матросов еще искали в многочисленных комнатах и подвалах дворца бесславного «Бонапарта».

Вдруг снизу кто-то крикнул:

— Поймали, поймали!..

Несколько матросов вместе со Стефаном Боргой задержали в темном переходе подвала двух человек, закутанных в черные пальто, — и ликующие голоса сотрясали своды.

Комиссар потребовал у задержанных удостоверения личности.

Старый матрос заметил под черным пальто золотую бахрому эполет, дернул за воротник. В ту же минуту комиссар прочел удостоверение:

— Генерал-майор Багратуни, начальник штаба Петроградского округа.

Стефан Борга отстегнул у него от пояса браунинг и сорвал золотые эполеты.

А во дворе Зимнего слышался

гомерический хохот. Вооруженная толпа смеялась и шутила.

Разоружили последнюю надежду Керенского — женский батальон. Женщин выстроили в ряд и ждали приказа — куда вести.

— Ну, Феня, снимай брюки.

— А та тетка, видать, командир их.

— Ах, вы, невесты Керенского... Пошли к нам в казармы.

Комиссар распорядился отделить женский батальон. Потом спросил:

— Так куда же вас послать?..

— Товарищ комиссар, пусть идут к себе... Там в сундуках, небось, еще сохранились платья да кофты. Переоденутся — и по домам, чтоб духу их не было, — вмешался Борга.

Кто-то крикнул:

— Делегаты, в дом Советов...

* * *

Во время заседания Петроградского Совета в зал неожиданно вошел человек в сером пальто. Он некоторое время смотрел на взволнованные лица делегатов; в воздухе стояли густые волны дыма и мерно покачивались золотые подвески люстр. Человек в сером пальто смотрел с минуту, потом уверенными шагами подошел к трибуне.

Шум в зале стих.

— Товарищи! — зазвенел его голос. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всегда говорили большевики, совершилась. Угнетенные массы сами создадут себе власть... Отныне наступает новая полоса в истории России...

Зал загрел от аплодисментов, и в то же мгновение со двора Морского штаба, с крейсера «Аврора» и Петропавловской крепости грозно откликнулись пушки, тысячи заводских гудков, и эхо, как новый завет, устремилось из города в город, из страны в страну...

— В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства...

Говорил Ленин...

Дереник ДЕМИРЧЯН

Шпана, главарь ее Айро и собака Чало

РАССКАЗ

Перевод с армянского А. Баяндур

С одного — копеечку, с другого — кусок хлеба, еще где-нибудь — прихватил котлетку да впридачу подзатыльник, отпущенный щедрой рукой официанта на закуску, — глядишь и день прошел. День Айро.

Кто такой Айро, как он жил до этого, что с ним было? Айро и сам об этом ничего не знает. Как в далеком забытом сне видится ему Эчмиадзинское озеро. На берегу под деревом в странной позе лежит отец. Без движения. Страшно. И еще вспоминается ему мать. Она объясняет, что отец умер, что его надо похоронить, что вдвоем им это не под силу, а позвать некого... У мамы был тихий голос: «Не реви, а то и ты умрешь и будешь так лежать. Слышишь, не плачь». Мама умерла в Сардарабаде. От голода, как отец.

Больше он ничего не помнит. Потом была его собственная жизнь, жизнь самостоятельного двенадцатилетнего человека. Где он только не жил — в поле, на улице, под заборами, — всегда один, сам себе хозяин. Правда, были у него друзья. Многие умерли.

Сам он много болел. Было холод-

но, голодно. Часто он засыпал с мыслью о том, что завтра, пожалуй, ему уж не встать. Утром просыпался — нет, жив еще...

И чем больше жизнь трепала его, тем выносливей он делался. Он стал, как та черная липкая грязь на дороге. Он выжил, Айро.

Сейчас он не один. Есть старые испытанные друзья-приятели — Мкен, Даво, Хечо, Андрас, Ако. Это настоящие люди! Айро подружился с ними в те дни, когда всем им пришлось туго, ох как туго! Холод, голод, болезни, объединившись, заключили сильнейший союз. Они гнали, гнали мальчишек, заставляли бродить по свету и, наконец, свели всех вместе. Так началась их дружба. Сколько было всякого! Вместе они попрошайничали, вместе воровали, вместе улепетывали от преследователей. Скольким подвергались опасностям, сколько раз согревали друг друга, прикрываясь грязными лохмотьями, дружно выбивая зубами дробь...

В городе было несколько таких групп, у каждой группы была своя зона действий. Каждая зона обложена данью. Так и жили.

Раньше только и знали — воровать. А во время голода силой отнимали, нападали все вместе и обирали прохожих. Потом это перестало нравиться Айро. Можно было и по-другому. Айро облюбовал себе столовые и пекарни. Подходили арбы, подъезжали машины, Айро с готовностью перетаскивал ящики, мешки, подносил дрова. Он оказывался тут как тут, если надо было сбегать за табаком, папиросами или спичками, или, скажем, деньги разменять. Ему доверяли.

Однажды забрали его в исправительную колонию. Сбежал. А что ему оставалось, что он еще должен был делать, по-вашему?! Утром — завтрак, в обед — миска супу, вечером — спи. Не разговаривай, не болтай, не шуми. Что и говорить, он сбежал.

И вновь стал шататься по городу со всей своей оравой. По рынкам, по толкучкам, по лавкам, по столовкам. Всюду совался он своей чумазой морденкой. Он все понимал, маленький, умудренный жизнью человек, он знал все — кто с кем дружит, кто чем торгует, кто что любит. Людей он просто чувствовал, человеческие характеры не представляли для него никакой загадки. Он знал, у кого какое настроение, кто на что способен, знал, когда нельзя беспокоить людей, когда с ними можно обходиться за просто. Он даже знал, когда следует промолчать.

В группе Айро был вожаком. Айро горой стоял за своих. Айро был как бы «отцом семейства».

Однажды он нашел бездомную собаку. Вернее, собака нашла его. Айро подобрал ее, несчастную, дрожащую, мокрую и, прижавшись лицом к грязному брюху, бормоча какие-то слова, притащил в город. Собаку выносили, она прижилась и всюду сопровождала Айро. Она была любимицей «семейства», общей любимицей, последней, но отнюдь не самой незначительной его ступенькой. Ее знали и другие груп-

пы. Они баловали и ласкали Чало (так называли собачонку) выражая тем самым свое уважение к Айро.

В зимние вечера, когда холод не давал заснуть, Айро посвящал вновь обращенных бродяжек в несложные законы «семейства», объяснял им простейшие из истин — то, что должен знать каждый уличный мальчишка. Милиционер громко кричит — значит, не тронет, по должности кричит. Официант погнался за тобой — не бойся, если в столовой много народу — бить не будет. На частного торговца можешь сам кричать — он из трусливых. Так проходили долгие зимние ночи.

Как всегда, пролетало лето, быстро, бурно. Пролетело лето. Настала осень. Потом зима. Только на этот раз зима пришла суровая. Зима — не милиционер, не пощадит, надо выстоять. Но как?

В эти холодные жестокие ночи Айро и его дружков можно было увидеть в какой-нибудь подворотне. Приткнувшись к мешкам, ящикам, скрючившись, прижавшись друг к дружке, лежат, не шелохнутся. Пройдет прохожий, посмотрит на них, покачает этак сожалеюще головой, но пройдет, пройдет мимо.

— Эй, вы, что тут делаете? — спросит вдруг кто-нибудь, так просто, от нечего делать.

Молчание.

Или спят, или считают лишним отвечать.

Разве только Чало высунет из-под мешков нос да зальется лаем. Таков был их общий ответ.

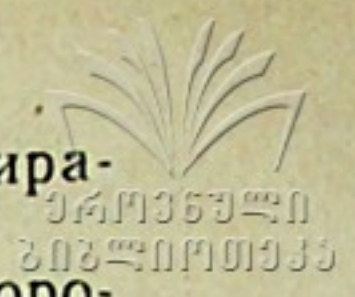
В эту зиму то ли от холода, то ли еще от чего, собаки стали беситься. И тогда работники исполкома решили устраивать облавы на собак. Айро несколько раз видел, как это делается. И страшно забеспокоился.

— Андрас!

— Чего тебе...

— Чало отравят.

— Да ну!..

— Ага. Милиция.

— Отнимут?

— Отнять не отнимут. Пусть только сунутся! А только лучше спрятать...

— Куда же ее?

— Вот что. Слушай. Ты останешься дома стеречь. Как только услышишь — приближаются, залезай в подвал. Понял? Я пошел.

— Ты недолго. А то я с утра голодный.

— Долго — недолго. Тебе сказано — стереги. Головой отвечаешь!

— Хлеба принесешь?

— Там видно будет.

И пошел. Сначала на рынок, к лавкам. Народу было мало. Холодище стоял жуткий. Лавочники переминались с ноги на ногу, прикладывали руки в варежках к ушам и проклинали все на свете, начиная с холода и кончая тем же холодом.

Ни кусочка хлеба. Айро походил немного, пошмыгал носом и пошел отсюда. Еще издали он заметил толпу. Ага! Навострил уши. Про хлеб моментально забыл. Это куда важнее! О, уличный мальчишка все променяет, душу заложит за интересный случай, необыкновенное происшествие. И Айро, расталкивая всех, пробрался вперед.

На мостовой лежала собака. Она билась в предсмертных судорогах, и толпа не расходилась, желая досмотреть все до конца. Красивая рыжая собака. Она лежала на боку, высунув язык, и часто дышала. Время от времени она жалобно поглядывала на толпу, как бы улыбаясь и извиняясь. И вдруг, вытянув лапы и вздрогнув всем телом, она начала вертеться, как колесо, вокруг невидимой оси. И замирала.

Какой-то школьник хотел наступить ей на хвост.

— Не смей, — мрачно одернул его солдат и пошел прочь.

Поглядел Айро на все это и поумрачнел.

«Чья она?», — подумал Айро и

понял, как трудно, тяжело умирают собаки.

И тут же подумал о Чало. Хорошо, что она в безопасности.

Не найдя ничего на площади, Айро прошел мясные ряды и направился к пекарне.

С превеликим трудом стащил он где-то кусок хлеба и побежал «домой».

Но на тротуаре никого не было.

— Увели собаку, конечно. — Он весь похолодел. Налег на дверь подвала — пусто. Ни Андраса, ни Чало. Айро — бегом на бульвар. И тут нет. И никто ничего не знает. Известно только одно — в этот день отравили много собак.

Айро подошел к столовой. Все друзья давно уже были в сборе и поджидали своего предводителя.

Айро, не отдышавшись, еле выговорил: «Собаку не видели?».

— Отравили?!

— Почему я знаю?!

— Кто?!

— Как?!

— Что случилось?!

— Отравили!

— Милиция!

— Бежим!

И побежали.

Впереди всех, сломя голову, летел Айро.

— А кто видел, кто видел, как ее увели?

— Бежим, бежим. Андрас, чтоб тебе пусто было, чтоб тебе ослепнуть — не уследил за одной собакой! Позор! Ищи ее теперь!..

Они облазили весь город. И все понапрасну.

— Как же это ты оставил собаку! — кричал Мкен, задыхаясь.

— Не одну же! Андрас с ней остался. А я пошел жратву доставать. Пришел — нету никого.

— А вдруг ее школьники увели? И спрятали.

— Что-о-о?! Да я ее из-под земли достану!

— А может, она домой пошла?

— Не-ет...

— Ну, а вдруг? Айда, ребята, посмотрим...

Они стояли посреди улицы, совещались, а прохожие шли мимо, ничего не понимая, недобро косясь в их сторону.

У перекрестка они увидели Даво. Он сидел на камне. Бросились к нему. Наперебой стали рассказывать.

— Ничего с ней не сделают, поддержат и отпустят, — сказал Даво.

— Да-а-а, станут они держать ее, как же, нужна им беспризорная собака!

— Пошли с нами!

Опять побежали.

На углу улицы, возле почты, толпился народ.

— Айро, что это?

Подбежали, смотрят — Андрас. Кричит, барахтается в руках какого-то человека, фельдшера, наверное.

Айро ринулся вперед, расталкивая всех, и замер: он увидел группу мальчишек, которые, окружив Чало, ожесточенно отбивались от милиционера. Завидев Айро, они тут же завопили, размахивая руками:

— Айро, сюда! Скорей! Чало хотят отравить.

Айро метнулся к ним, подхватил собаку и — давай бежать, только пятки засверкали.

— Стой! Стой!

Айро бежал, не оглядываясь. А «семейство» окружило в это время милиционера, повисло у него на руках. Ветеринар все еще кричал «Стой!», но, глядя на маленьких оборванцев, не выдержал, расхохотался, махнул рукой.

— Брось, шут с ними. Раз хозяева нашлись, что уж тут поделаешь.

Милиционер не сдавался, он стряхнул с себя всю ораву и хотел было побежать вдогонку, но слякоть, лужи, снег вдруг подействовали на него отрезвляюще, и он тоже

махнул рукой — все равно не догнать!

Толпа зевак стала расходиться. А мальчишки, шлепая по лужам, побежали за Айро.

Айро был уже «дома». Он сидел на тротуаре, крепко держал Чало и тяжело дышал. Он устал, пот лил с него градом, и капли его, смывая сажу и грязь с невымытой, чумазой рожицы, скатывались, падали на шею собаки.

Вид у Айро был довольный, счастливый. Время от времени он терся лицом о косматую шерсть Чало и улыбался.

Мальчишки, окружив Андраса, ругали, стыдили его и хором доказывали ему, что он вообще не человек после этого.

Андрас оправдывался:

— Я не виноват. Она сама убежала... Я побежал за ней...

Грозно сверкнул глазами командир — Айро:

— Молчи! Не бери греха на душу!

Андрас что-то бубнил себе в оправдание.

— Ладно, кончайте! Андрас, подай веревку!

Андрас поглядел кругом, никакой веревки не было.

Тогда Айро оторвал зубами от мешка длинный лоскут и обернул вокруг шеи Чало. И засмеялся, очень довольный собой:

— Вот вам и беспризорная собака.

Потом озабоченно оглянулся. Надо было подумать о товарищах. Все были усталые, хотели есть. И он приказал: пусть все идут за хлебом, он сам останется стеречь собаку.

Мальчишки пошли. Айро остался «дома» — то есть на тротуаре, возле наваленных мешков. Он уселся поудобнее и стал поджидать свое семейство, озабоченный, молчаливый, с собакой на руках.

Поэзия Советской Армении

Карлен АКОПЯН

ПЕСНЯ О РОДНОМ ДОМЕ

Перевод с армянского Е. Николаевской

Там, над Араратскою долиной,
Небеса из голубого ситца,
Под прохладной тенью тополиной
Старый дом наш глиняный ютится.
Перед дверью — выпадают росы,
Дышат травы — влажны и пахучи,
Свои крылья тянут в небо лозы,
Будто бы взлететь хотят за тучи,
Тонкими руками обнимают
Стены дома — льнут к нему, как дети...
А весной — над крышей поднимает
Абрикос тяжелые соцветья.
Шорохи шелковицы я слышу,
Что стоит, лучами облитая,

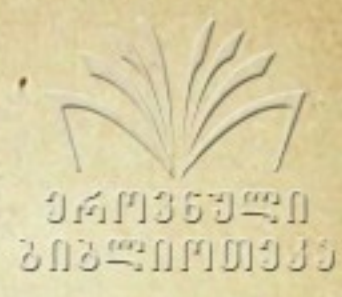
Стены дома, окна, дверь и крышу
Гибкими ветвями оплетая.
Молча опустилась на колени
Мать перед очажным полыханьем,
Терпеливо дует на поленья,
Отдавая пламени дыханье.
И горит очаг родного дома —
Тихий, пряный, матерью зажженный.
Дым сладчайший, с детских лет знакомый,
Пахнет хлебом новоиспеченным.
Матери мечта — чтоб всюду в мире
Дым был сладок, чтобы детям — греться...
Раздувает мать огонь в тондыре
И тоску по дому — в моем сердце...

Рачия ОВАНЕСЯН

ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО Я МОГ...

Перевод с армянского Г. Павловской

Ты хотела мой сад уничтожить, смести,
Превратить мои яблони
в груды поленьев,
Преградить мой ручей
и неслышно уйти
В темноту, без раскаянья, без сожаленья.
Ты холодным дыханьем цветы обдала,
Заморозила фрукты,
примяла рассаду.
Но, простивший обиду, не помнящий зла,
Я, как прежде, стою
среди цветущего сада.
Посмотри, он раскинулся и шелестит,
Как зеленая скатерть на склоне скалистом,
Для прохожих —
надежда на отдых в пути.

А для птиц —
 колыбель меж трепещущих листьев.
 Если б только я мог,
 ради жизни самой,
 Ради мирного счастья, любви и покоя,
 Мир с шипами его
 и с его целиной
 Превратил бы я в сад
 с шелестящей листвою.

Гурген МААРИ

ВОСПОМИНАНИЕ

Перевод с армянского В. Звягинцевой

Над крышей старого дома
 Шум дождевого потока, —
 Я вспомнил напев знакомый
 И ту, что сейчас далеко.
 Она дождем прошумела
 В саду моих песен знойных,
 И розы вспыхнули смело
 Под цветом деревьев стройных.
 О сад мой: полынь сомненья
 И маргаритки мечтаний,

Акации упоенья
 И тополь моих страданий!
 В саду моем благовонном
 Забил фонтан серебристый,
 Струилась вода со звоном
 И стала песней чистой.
 И вспомнил напев знакомый
 И ту, что сейчас далеко...
 Над крышей старого дома
 Шум дождевого потока.

Паруйр СЕВАК

ОТСТУПЛЕНИЕ С ПЕСНЕЙ

Отрывок из поэмы

Перевод с армянского Р. Рождественского

У рук моих — свои воспоминанья,
 Они еще не раз, наверно, вспомнят,
 Как замирали — в волосах твоих,
 Как забывались — на твоей груди...
 У ног моих — свои воспоминанья.
 Ведут они меня без разрешенья,
 Ведут меня в знакомые места, —
 О них мы прежде говорили: «Наши».
 Вот наша улица!
 Глотаю шум.
 Вот переулок наш!
 В него вбегаю.
 Аллея наша!
 Здесь деревья плачут,
 Роняя вниз тропические капли
 Под ветром наступающей весны.

Вот наше небо —
 Круглая луна
 Повисла надо мной головкой сыра.
 И туча черномордая, большая,
 Как будто издеваясь надо мной,
 Невероятно зло и аппетитно
 Вгрызается в висящую луну.
 А вот земля,
 Единственная,
 Наша!
 Как у земли, у сердца моего
 Есть тоже полюсы,
 Они открыты.
 И эти полюсы — твои слова:
 «Нет» — ледовитое.
 «Да» — тоже...

Ованес КАРАЯН

ГЛАЗАМИ МАТЕРИ

Перевод с армянского Г. Павловской

Когда я был маленьким, ростом с цветок,
 Мне мать говорила: «Будь храбрым, сынок!»
 Шли годы. Я вырос, как дуб молодой,
 Я крепок и смел, — отчего же
 Мать шепчет с мольбой,

Расставаясь со мной:
 «Прошу тебя, будь осторожен!»
 Лишь мать так пытливо, так зорко глядит,
 Так чувствует все, что нас ждет впереди.

Рачия КОЧАР

Дети большого дома

РОМАН

Главы из второй книги

Перевод с армянского В. Гроссмана и А. Тароян

I

72.580

Перед рассветом, когда ушла луна, над зимней, скованной холодом степью встал серый туман. Морозный день шел на смену морозной ночи. Генерал Геладзе, закутанный в длинную до пят шубу, стоял на склоне холма перед снежным валом и молча всматривался в предрассветный сумрак. Прямо на снегу стояли телефонные аппараты, провода от них тянулись к полкам и батальонам, к дивизионным тылам. Никто из стоявших рядом с Геладзе командиров не смотрел на часы, словно время в эти минуты измерялось лишь биением сердца. Все ждали начала великого наступления. И оно началось. Загрохотали тысячи могучих орудий — белое пламя, вырываясь из многих тысяч орудийных стволов, образовывало в предутренней мгле яркую огненную дугу. Артиллерия действовала на всем западном выступе охватывавшего немцев кольца.

Генерал Геладзе был спокоен. Человек, в чьей власти распоряжаться судьбой многих тысяч солдат, должен всегда волноваться за вверенные ему жизни, всегда испытывать сомнения и колебания. Ведь победа, доставшаяся ценой большой солдатской крови, не может принести душевного удовлетворения и радости подлинно народному полководцу; такая победа должна угнетать его, терзать его совесть.

Но на этот раз Геладзе был спокоен. Он был спокоен подобно крестьянину, который наблюдает, как уходят с неба тучи, грозившие градом его посевам, — вот-вот над полями встанет солнце.

Генерал присел на скамеечку, сметая снег полами своей шубы, и приказал вызвать к телефону подполковника Козакова.

— Как ведет себя немец? — спросил он, дыша морозным паром в телефонную трубку.

Но Козаков не расслышал.

— Я спрашиваю, как «он» ведет себя, — повторил громче генерал. — Он, противник, как ведет себя?.. Молчит, никакого движения?.. Ага... Ну вот, знай, в первую очередь будут отмечены те командиры, у которых окажется меньше потерь... Слышал? Береги людей...

Генерал положил трубку. Уже совсем рассвело. Вглядываясь в туманный горизонт, Геладзе вдруг спросил себя самого, а не следовало ли начать артподготовку ночью? Ведь противник очень боится темноты, может быть, надо было поднять пехоту в атаку еще в сумерки? Видимо, и в этот день сомнения не оставили Геладзе.

— Но хорошо бьют, очень хорошо бьют, — сказал генерал, обращаясь к стоявшим рядом офицерам штаба. Он поднес бинокль к глазам и долго смотрел в сторону немецких позиций — там рвались тысячи советских снарядов, туда стремился огонь «катюш».

— Вряд ли противник устоит против такой силы. На что же он надеется?

Капитан из оперативного отдела штаба доложил Геладзе, что его вызывает по телефону командарм.

Геладзе пошел в блиндаж.

— Ну как? Довольны работой бога войны, князь? — слышался в трубке голос Чистякова.

— Огонь хорошо, — ответил Геладзе, — но противник пока не отвечает, молчит.

— Снова напоминаю, — сказал командарм, — берегите пехоту. Возможности нашей артиллерии огромны. Повторяю: беречь, беречь и еще раз беречь пехоту! Понятно, князь?

— Понятно.

— Ну, действуйте.

Положив трубку, Геладзе вышел из блиндажа, снова вернулся на свой наблюдательный пункт. В бинокль он ясно видел широкую черную дугообразную полосу — это была передовая линия немецкой обороны, вспаханная, разрытая лемехами советской артиллерии. Вскоре удары артиллерии были перенесены в глубину немецкой обороны.

Близился час атаки.

И вот в небе вспыхнули красные ракеты. Пехота поднялась в атаку! Со своего наблюдательного пункта Геладзе не мог видеть всех подразделений дивизии, но ему хорошо был виден полк Козакова; Козакову предстояло выбить противника из передовых окопов и перерезать дорогу, ведущую из села Карповки к селу Дмитровка. Дмитровка была главным опорным пунктом немцев. Геладзе хотел лишить противника возможности подбрасывать в сторону Дмитровки войсковые подкрепления и боеприпасы.

Геладзе наблюдал, как батальоны пошли вперед к черной полосе немецких окопов. Бойцы бежали быстро, видимо, немцы пока не сопротивлялись. Но вот продвижение красноармейцев замедлилось, приостановилось. Генерал с тревогой увидел, что навстречу атакующим движется толпа немецких солдат.

— Запросите Козакова, — приказал генерал. — Спросите его, что происходит?

— Немцы сдаются, — доложил генералу капитан из оперативного отдела, — Козаков сказал: идут, размахивая белыми тряпками, с поднятыми руками.

Генерал взял у капитана трубку:

— Козаков! Будь настороже, дорогой, возможна любая провокация.

Спокойствие в эти минуты покинуло генерала, он принялся нетерпеливо шагать вдоль снежного вала.

Через несколько минут его предчувствия оправдались — неожиданно бойцы Козакова залегли.

Генерал бросился к телефону.

— Козаков! Козаков! — кричал он в трубку.

Командир полка не отвечал.

Генерал подозвал начальника артиллерии.

— Прикажите дивизионной артиллерии ударить осколочными. Сию же секунду, без промедления!

Не прошло и двух минут, как над лежавшими в снегу батальонами Козакова с воем понеслись в сторону противника советские снаряды.

— Товарищ генерал, на проводе Козаков! — крикнул телефонист.

Генерал взял трубку.

— Что случилось, подполковник?! Что, что?.. А вы что, ослепли? Ты ответишь за это!.. Как это почти нет жертв! Что означает «почти»? Горе тебе, если окончательно потеряешь мое доверие. Слышишь, ты знаешь меня! Кто там у тебя из политотдела? Аршакян? Погоню вас обоих дратья рядовыми, если повторится еще раз такое! В штрафную роту загоню!

Все, слышавшие этот разговор, были удивлены. Никто еще в дивизии не слышал от Геладзе таких жестоких слов, никто не видел его в таком бешенстве. Положив трубку, Геладзе хмуро сказал начальнику артиллерии:

— Как это мы, имея такой горький опыт, не научились до сих пор понимать врага. Немцы шли, говорит Козаков, с поднятыми руками, размахивали белыми тряпками, а потом вдруг вытащили из-под шинелей автоматы. Хорошо еще, что наши не ударились в панику.

Снова зазвонил телефон.

Майор Баланко сообщал, что выбил неприятеля из первой линии окопов и захватил в плен сто двадцать немецких солдат и офицеров. Выслушав это донесение, генерал сказал:

— Продвигайся вперед и ударь в тыл противнику, противостоящему Козакову. Дай Козакову знать о себе белыми ракетами. Так? Вслед за пехотой продвигай орудия и минометы. Ясно? Действуй, дорогой.

Этот приказ был передан также и Козакову.

Опять зазвонил телефон. Кобуров докладывал, что противник сильным огнем пулеметов и шестиствольных минометов мешает продвижению его полка.

Генерал с насмешкой закричал в трубку:

— А ты что же хотел, товарищ стратег, чтобы враг встречал белыми лилиями? Ничего не хочу слышать, Кобуров! Приказываю тебе выполнять задачу!

Генерал положил трубку и, покачав головой, поглядел на начальника артиллерии. Тот понял немой укор Геладзе и, сняв телефонную трубку, приказал «катюшам» и дивизиону 105-ти миллиметровых орудий открыть огонь по немецким окопам.

Геладзе снова подошел к снежному валу. Рядом с ним встал начальник артиллерии.

— Опозорились Козаков и Кобуров, оба опозорились, — пробормотал

мотал генерал, — молодцом оказался Баланко. А я-то возлагал все надежды на Козакова.

Из блиндажа вышел Дементьев и поспешно подошел к генералу.

— Противник атакует Баланко с тыла, товарищ генерал. Он слишком выдвинулся вперед, могут его отрезать.

— Окружить? — спросил Геладзе с насмешкой.

— Да, могут окружить, — повторил полковник.

Генерал деланно засмеялся, но видно было, что смеялся он только для того, чтобы сдержать гнев и скрыть досаду.

— И это говоришь ты, Дементьев, о немцах, которые сами окружены, дорогой? Окружить? Кого они могут окружить? Где мы находимся? Какие сейчас времена? Испугался, значит, Баланко? Вот тебе и Баланко! Сколько танков в резерве в нашем распоряжении? Пять? Хватит. Прикажи, пусть все пять танков двигаются по следам Баланко. А Баланко пусть не оглядывается назад.

— Может быть разрешите ввести в бой резервный батальон? — спросил Дементьев.

Генерал задумался.

— Нет. Не надо. Для такого дела и трех танков достаточно. Как видишь, у немцев ни одного танка и кончился бензин.

В этот момент послышались оглушительно громкие разрывы немецких снарядов и мин.

— Значит, еще жив немец, — сказал генерал, наблюдая за разрывами вражеских снарядов. Он крикнул своему адъютанту:

— Сани!

Адъютант бросился вызывать из ложины генеральские сани. Начальник штаба пошел в блиндаж передать приказ о выступлении танков.

Тревога генерала передалась всем работникам штаба; офицеры насторожились. Дементьев, вернувшись в блиндаж, склонился над картой, чтобы проследить движение полка Баланко. Три немецких снаряда один за другим разорвались у снежного вала. Трижды содрогнулась земля. Сквозь щели между бревнами на Дементьева посыпалась древесная труха, комки заледенелой глины. Взрывная волна погасила копилку. Дементьев ощупью отыскал дверь и вышел из блиндажа. Он увидел окровавленное тело связиста возле телефона. Потом Дементьев увидел офицеров, столпившихся возле лежавшего на снегу Геладзе. По телу Дементьева пробежал мороз: неужели убит? Дементьев подбежал к генералу, подхватил его своими могучими руками и поудобнее усадил среди снеговых комьев. Генерал раскрыл глаза, удивленно посмотрел вокруг.

— Что случилось? — спросил он.

Дементьев хотел расстегнуть ворот его шубы, но Геладзе жестом отстранил Дементьева, встал на ноги.

Подбежала девушка-телефонистка, отряхнула с шубы генерала снег. Зажмурив глаза, генерал с силой потер лоб. Дементьев спросил:

— Как вы себя чувствуете, Тариэл Отарович?

Генерал усмехнулся.

— Что, думаешь, убит? Дудки! Пошли танки? Где мои сани? Готовы? Я поеду на КП Кобурова, вы пока останетесь здесь, а потом перенесем командный пункт вперед.

II.

Генерал уехал. Убитого наповал телефониста унесли на носилках. Вражеские снаряды в районе командного пункта дивизии больше не

разрывались. Видимо, это было шальное попадание — немцы вели не-прицельный огонь. Полковник Дементьев сообщил по телефону Кобу-рову, что генерал направился к нему в полк.

Едва Дементьев положил трубку, как раздался телефонный звонок. Это Козаков доложил, что Баланко дерется в тылу противника: Козаков атакует его с фронта. Немцы в окопах вновь размахивают белыми тряпками.

— Не прекращать огня! — приказал Дементьев после мгновенного раздумья. — Не ходить в лобовую атаку. Артиллерия помогает? Потребуйте от командира дивизиона, чтобы бил осколочными.

Через несколько минут позвонил Баланко, с которым до этого времени не было связи. Он сообщил, что немцы сдаются в плен.

— Будьте настороже, — сказал Дементьев. — Может быть, это новая провокация.

— Они выбрасывают из окопов автоматы и пулеметы, — ответил Баланко.

Начальник штаба позвонил Кобурову, чтобы передать генералу сообщение Баланко, но генерал еще не приехал в полк. Козаков подтвердил слова Баланко: немецкие солдаты машут белыми тряпками и выбрасывают из окопов автоматы и пулеметы.

— Что же вы предлагаете? — спросил Дементьев.

— Прекратить огонь и приказать противнику выйти из окопов.

— Смотри, Геладзе снесет тебе голову, — сказал Дементьев. — Продолжайте вести огонь! Я доложу сейчас новую обстановку генералу.

Прошло несколько минут, и генерал сам позвонил от Кобурова.

Дементьев рассказал о донесениях Баланко и Козакова.

— Прекратить огонь и приказать, чтобы немцы выходили из окопов, — сказал после недолгого размышления Геладзе. — Быстро, не мешкая! Сообщи мой приказ Козакову и Баланко: пленных отправить в тыл и двигаться к дороге, ведущей от Карповки на Дмитровку. Действуй, Дементьев!

«Действуй!» было любимым словом генерала.

Голос Геладзе был звонким, сильным, видимо, генерал оправился после контузии.

Вскоре он снова позвонил Дементьеву.

— Пусть Козаков движется на Карповскую дорогу, — сказал он, — а Баланко приказываю ударить с тыла по врагу, сопротивляющемуся Кобурову. Он у нас специалист по ударам с тыла. Передай ему мою благодарность.

Но немцы, дравшиеся против полка Кобурова, не захотели сдаваться и тогда, когда попали под двухсторонний огонь. Геладзе приказал направить на немецкие окопы огонь всей имевшейся в его распоряжении артиллерии.

Советские полки уже подходили к Карповке; с захватом Карповки уже открывался свободный путь на Питомник, где находился главный аэродром окруженной немецкой армии. Медленно, но неуклонно с севера, юга и с востока сжималось кольцо вокруг армии Паулюса.

А на берегу Волги защитники города, сидевшие в разрушенных домах, подвалах, оврагах, в вырытых на площадях и улицах землянках, ощущали, как с каждым часом тают силы противника, гаснут его атаки.

Поздно вечером генерал Геладзе вернулся в штаб дивизии. Дементьева он встретил с такой радостью, словно не видел его год. В

штабе генерала ожидало подробное боевое донесение о результатах боев. Были подсчитаны наши потери и потери противника, число плененных солдат и офицеров, учтены трофеи. Генерал быстро просмотрел докладную и с деланным безразличием положил ее на стол. Он был оживлен, весел. Геладзе с Дементьевым сидели в креслах в удобном и теплом немецком командирском блиндаже.

— Видишь, Дементьев, как немцы умеют жить на фронте? — сказал Геладзе. — А наши саперы еще не научились строить такие землянки. Крепко, надежно, удобно! Во сколько рядов уложена кровля?

Дементьев выглянул в тамбур, подсчитал.

— Семь накатов.

— Видишь!.. Из дворцов культуры и из театров доставили сюда кресла и диваны. Уют, покой, черт их задери!

Генерал замолчал.

— Пленные говорили, что это был блиндаж командира полка, — сказал Дементьев.

Неожиданно генерал подошел к Дементьеву и обнял его.

— Хорошо поработали сегодня, не так ли, Владимир Михайлович? Хорошо поработали! Прекрасные командиры у нас: и Козаков, и Баланко, и Кобуров. Правда, Кобуров любит малость помудрить.

В блиндаж вошел начальник политотдела Федосов. Генерал подошел к нему, взял его за руки.

— Спасибо, Федосов, благодарю. Политработники здорово нам помогли. Только знаешь, некоторые твои помощники бросаются в бой с автоматами, как рядовые бойцы. Это нехорошо! Дело политработника — организация масс! Представь, если бы ты и я взяли автоматы и пошли в атаку вместе со взводом. Наказали бы нас за это, дорогой мой. И крепко наказали бы. Имей это в виду на будущее, прошу.

— Просьба высокого начальства — приказ, — шутя сказал Федосов.

— Нет, нет, в самом деле прошу тебя, чтобы ты это имел в виду. А сейчас давайте подумаем, как нам захватить поскорее Карповку.

III

На следующий день немцы бросили в район Карповки крупные подкрепления — пехоту, танки, артиллерию. Потерять Карповку для Паулюса означало поставить под удар свой самый большой аэродром, находящийся в Питомнике. Советские части яростно атаковали — немцы с иступленным упорством защищались. В течение всего дня Карповка оставалась в руках немцев. К вечеру Геладзе попросил командарма усилить его дивизию артиллерийскими и танковыми средствами. Получив подкрепление, Геладзе решил ночью атаковать. Он хотел тайно сосредоточить пехоту в непосредственной близости от позиций неприятеля и атаковать Карповку одновременно с трех сторон всеми своими пехотными и танковыми силами.

— Подойти с тыла, крадучись, как тигр, прыгнуть на плечи противника, вонзить когти ему в горло и сокрушить его, — говорил он Дементьеву о предстоящем ночном сражении.

И вот настала ночь. Генерал и Дементьев сидели возле телефонов на командном пункте дивизии. Они с волнением поглядывали на часы. Без трех минут четыре была назначена атака. И хотя молчали телефоны, хотя гнетущая тишина еще царила в блиндаже, Геладзе мысленно видел, как двигаются в ночной тьме его полки, как они приближаются к засыпанному снегом остаткам домов, к прогоревшему пожарищу в

том самом месте, где когда-то было село под названием Карповка. Он видел немецкие окопы, видел людей, с которыми в эту минуту, казалось, шагал по снежной целине, чувствовал, как холодный ветер со свистом бьет ему в лицо, слышал, как снег хрустит под ногами. Генерал вновь взглянул на часы. Время пришло. Но в ночной тишине еще не было слышно ни одного выстрела.

Сегодня наблюдательный пункт командира был расположен очень близко от места сражения. Но все было тихо. Минутная стрелка ползла и ползла, но это не беспокоило генерала, а даже радовало его. Значит, враг еще не заметил приближения советской пехоты.

Лишь в десять минут пятого на КП стала слышна винтовочно-пулеметная стрельба.

Дементьев, дежуривший у телефонов, сообщил, что полк Козакова вышел к первой линии немецкой обороны.

— Умница Козаков! — сказал Геладзе.

В течение получаса полки Баланко и Кобурова тоже преодолели первую линию немецких окопов. Потом снова позвонил Козаков.

— Докладываю, товарищ генерал, — два моих батальона вышли на восточную окраину Карповки, Карповка занята.

— Большие у тебя потери? — спросил генерал.

— Убито несколько человек, число раненых уточняю. Ранен в руку батальонный комиссар Аршакян.

— Аршакян? — удивился генерал. — Как это его ранило?

— Он шел с первым батальоном.

— Что он там делал?

— Повел батальон в атаку, сам захотел. А с другим батальоном шел Микаберидзе, товарищ генерал.

— Ты что, Козаков, решил поставить под удар всех комиссаров? Сам воевать не можешь, что ли? Передай им мой приказ: немедленно вернуться в штаб, сейчас же, немедленно! Понятно?

— Отдохнули бы, Тариэл Отарович, — предложил Дементьев.

Генерал стянул брезент, закрывающий окно. Слабый дневной свет проник в блиндаж.

— Нет, — покачал головой генерал, — поеду к Козакову.

По дороге в полк генерал проехал мимо развалин Карповки. Несколько раз он приказывал кучеру остановиться и внимательно рассматривал узлы немецкой обороны, окопы и ходы сообщения.

В течение дня генерал побывал во всех своих полках, подробно осмотрел места боев; во второй половине дня Геладзе вызвали к командарму. По дороге в штаб армии генерал повсюду видел одну и ту же картину: разбитые танки, машины, брошенное оружие и трупы, трупы, трупы.

Командарм был недоволен результатами боев. Не было надобности, полагал он, в сильных лобовых атаках, надо было окружать немцев, не уничтожать их, а брать в плен, воевать так, чтобы жертв было меньше, а темп операций быстрее. Командарм поставил перед командирами дивизий новую задачу — с трех сторон как можно стремительнее двигаться на Питомник, чтобы в кратчайший срок захватить этот жизненно важный для противника пункт.

Командарм уточнил задачу, поставленную перед каждой дивизией. На полки генерала Геладзе возлагалась задача атаковать аэродром.

Генерал возвратился в штаб поздно вечером и коротко сообщил Дементьеву о задаче, поставленной перед дивизией. Он предложил на-

чальнику штаба разработать в деталях план наступления, а сам от правился отдохнуть в свой «княжеский замок».

Возле своей комнатки-фургона он встретился с Аллой Сергеевной.

— Что вы здесь делаете, доктор? — удивленно спросил генерал.

— Командир медсанбата прислал меня осмотреть вас, — ответила Алла Сергеевна.

— Я здоров.

— Мне приказано, товарищ генерал. Должна же я выполнить приказ, — с лукавым упрямством сказала она.

— Я говорю вам, что я абсолютно здоров. Великолепно себя чувствую.

— Я рада, но приказ есть приказ.

Генерал понял, что не переспорит Аллу Сергеевну.

— Хорошо, — со вздохом согласился он и, пропустив молодую женщину вперед, поднялся вслед за ней в кузов закрытой машины.

IV

День и ночь грохотали орудия — все туже сжималось кольцо окружения, советские войска шли по трупам неприятеля. Среди взятых в плен было много жестоко обмороженных, потерявших рассудок.

Пленные часто даже без конвоя толпами шагали в тыл, просили хлеба у каждого встречного, обессиленные падали в снег.

Главный немецкий аэродром в Питомнике был окружен с трех сторон. Четверо суток лился на него огненный ливень. Приземлившиеся в Питомнике немецкие самолеты не могли подняться в воздух сквозь сплошную завесу огня; находившиеся в воздухе самолеты не могли приземлиться среди этого огненного моря. Они беспорядочно сбрасывали с большой высоты оружие и продукты, пытались поскорей улететь из зоны огня, но это им редко удавалось — подожженные советскими зенитками тяжеловесные транспортные «юнкерсы», разваливаясь в воздухе, рушились вниз.

Четыре дня и четыре ночи немцы в Питомнике упорно сопротивлялись, стреляя из разбитых танков, автомашин и тягачей, из боевых самолетов, оставшихся на аэродроме, из двухэтажных санитарных автобусов.

На четвертую ночь дивизия генерала Геладзе получила приказ атаковать аэродром.

Полки должны были подняться в атаку одновременно, следуя за огненным валом советской артиллерии.

Батальонам предстояло ворваться во вражеские окопы, работая штыками и прикладами, уничтожить врага или вынудить его к сдаче.

В полночь генерал вместе с командиром полка Кобуровым и комиссаром Микаберидзе появился в штабе батальона Малышева, который располагался в маленькой белой палатке, окруженной плотной оградой из снега. Влезая в палатку, генерал смеясь объявил, что торжественно приветствовать его нет надобности и, запыхавшись, уселся на походную полотняную табуретку. По его распоряжению на КП вызвали командиров рот и из каждой роты двух-трех солдат-ветеранов. Когда люди собрались, генерал жестом пригласил их сесть. Командиры и солдаты уселись на землю, подвернув под себя полы полушубков и шинелей.

— Вот я пришел к вам поговорить, — сказал генерал, оглядев собравшихся. — Было бы время, я обошел бы все роты. Но времени, товарищи, нет. Я прошу вас передать всем бойцам, что на ваш батальон

я возлагаю свои главные надежды. Бывает, что победа одного полка, одного батальона, и даже одной роты приносит победу всей армии. Бывает, что разгром небольшой вражеской войсковой части ломает хребет всей армии противника. Пусть каждый из вас считает, что сегодняшнее сражение именно таково. Я люблю ваш батальон, знаю и доверяю вам. Я пришел, чтобы сказать вам об этом, пришел, чтобы увидеть вас перед боем, ничего больше. А как вы должны выполнить свою задачу — это вам разъяснят подполковник Кобуров и майор Малышев.

Генерал почувствовал, что все с ожиданием смотрят на него, ждут продолжения речи.

— Хотел бы подольше побыть с вами, — сказал Геладзе, — сердечно побеседовать — о многом мы могли бы вспомнить, — но времени нет. Сейчас время приказывает нам: действуйте, действуйте!

Генерал встал. Встали и его слушатели.

— Что ж, пойдём выполнять этот приказ. Всем бойцам передайте мой привет.

Генерал по очереди пожал руки солдатам-ветеранам. Немного задержав в своей руке руку Тонояна, он, улыбаясь, посмотрел ему в глаза.

— Чувствую, руки твои стосковались по мирному труду.

— Верно, товарищ генерал.

Глядя на Аник Зулялян, генерал щелкнул ее пальцем по носу и сказал Малышеву:

— Берегите девушку. Не всем батальонам дана такая радость.

Вместе с командиром полка генерал пошел в другие батальоны.

Микаберидзе поглядел на Аник и печально улыбнулся. Улыбка его совершенно была похожа на улыбку покойного Ираклия. Ираклий, уже ставший воспоминанием, грустным сном, снова ожил и улыбнулся Аник. Глядя на Шалву, Аник часто вспоминала Ираклия, и он, видимо, это чувствовал и относился к ней с особой нежностью. Он помнил, как мать, провожая их, на тбилисском перроне сказала Ираклию: «Бережно относитесь к девушке, пожалейте ее, как свою сестру». Целая вечность прошла с того дня!

— Какие у тебя вести от Шуры? — спросил он.

— Вчера только получила от нее письмо. Их часть все еще в составе нашей армии. Письма доходят на третий день.

— Будешь писать, передай ей привет, пусть не забывает меня!

— Я всегда пишу ей о вас.

— Спасибо, — сказал Микаберидзе и, крепко пожав Аник руку, вышел.

Выходя из палатки, Бурденко и Тоноян ласково поглядели на Аник. Вот так они ежедневно встречались и расставались и каждый день с тревогой думали, что, может, больше уже никогда не увидятся.

— Снова остались мы с тобой вместе, Анна Михайловна, — пошутил майор Малышев. — Как ни хочешь убежать от меня — не получается. Судьба связала нас вместе. Подойди к печке, холодно.

— Судьба связала сотни тысяч, миллионы людей, не только нас, — негромко отозвалась девушка. — И как было бы хорошо, если бы она не разлучала нас, пока не пройдет это испытание.

— А после?

— После этого соединились бы миллионы разлученных... ты со своими родными, я — со своими.

— Какая ты, Анна, мастерица каждую шутку переводить в серьезный разговор... боишься веселого слова.

— Нет, не боюсь. Я сама мечтаю посмеяться, поболтать, только не получается. И от тебя убежать не желаю. Поверь, Степан, без тебя мне будет многого не доставать.

— Спасибо и за такое признание.

— Могу сказать тебе больше, ты давно уже родной мне человек.

— Ты прямо смущаешь меня.

— Я правду говорю, Степан. Ты очень, очень родной мне человек, как брат.

— Снова переводишь разговор на серьезное.

— Я говорю искренне.

— Понимаю, — сказал Малышев, — понимаю и верю.

Малышев посмотрел на часы. «Сегодня приказывает время», — сказал командир дивизии.

Малышев позвонил командирам рот. Все были на своих местах, все ждали приказа о наступлении. Бойцы надели поверх шинелей белые маскировочные халаты.

Кобуров вызвал по телефону Аник в штаб полка. Штаб находился на расстоянии километра. Малышев предложил, чтобы Аник сопровождал связной боец.

— Не надо, сама дойду, — сказала девушка.

Выйдя из-за снежных стен, окружавших штаб батальона, она сразу почувствовала силу мороза. В первые секунды ночь казалась очень темной — в спешке Аник споткнулась и упала. Присмотревшись, она увидела, что у ее ног лежит труп в зеленой шинели. Она уже привыкла к таким жестоким картинам. Трупов было много. Тела мертвецов окаменели, и казалось, что они лежат на этих заснеженных полях очень, очень давно. Они не внушали ни страха, ни жалости, как мумии, засохшие тысячелетия назад. Аник споткнулась о ногу убитого немца, как могла бы споткнуться о камень или о корень дерева. Она шла в штаб полка. Замерзшие трупы лежали на каждом шагу — трудно копать окаменевшую от холода землю, чтобы зарыть их, да и некогда заниматься этим. «Как хорошо, что сейчас зима, — подумала Аник. — А ведь сколько еще на полях, на околицах деревень, на полустанках и на проселочных дорогах лежит непогребенных мертвецов, и сколько их еще будет, пока закончится война».

Возле штаба полка Аник встретила группу бойцов в белых маскировочных халатах.

Это шел комендантский взвод.

— Аник! — окликнул ее Каро. — Куда ты идешь?

— В штаб. А вы?

— В батальон.

Она поняла: командир полка приказал комендантскому взводу участвовать в ночном бою.

— Я не знаю, почему меня вызвали в штаб, — сказала Аник.

Каро на несколько шагов отстал от товарищей, он, видимо, хотел сказать Аник что-то важное, но его окликнул командир взвода.

— Ну, будь здорова, дорогая, — торопливо сказал Каро.

— До свидания.

Аник долго смотрела вслед Каро, пока белые халаты не слились со снежной пеленой.

В штабе Аник сказали, что она вызвана по распоряжению командира полка, но что сам он сейчас находится во втором батальоне — ей надо подождать его возвращения. Аник хотела тотчас пойти во второй батальон, но начальник штаба сказал ей:

— Полковник приказал, чтобы вы ждали его здесь. Идите в санчасть, отдохните, а когда он придет, я позову вас.

Палатка санчасти находилась недалеко от штаба. В палатке никого не было. Аник легла на раскладушку; она ждала долго, больше часа, но никто не приходил за ней. «Да у кого сейчас есть время помнить обо мне? — подумала она с горечью. — А я, как дура, должна торчать здесь всю ночь».

Ей было горько и стыдно лежать на койке в тихой палатке в то время, как ее товарищи сражаются с врагом. Ей даже казалось, что кто-то со злым умыслом оторвал ее от боевых друзей. Волнение ее становилось все сильнее, тишина и покой в палатке все невыносимей. Она надела полушубок и вышла из палатки. Морозная ночь была полна боевых звуков — ревела артиллерия, то и дело вспыхивали и гасли мерцающие огни. Вот стихнет огонь артиллерии, и бойцы поднимутся в атаку, бросятся на немецкие окопы. А сейчас они ползут, ползут по снегу.

Сквозь ночную муть Аник словно видела их, видела, как временноми солдаты замирают, прячут головы, всем телом прижимаются к земле, чтобы уберечься от осколков снарядов, а затем снова ползут вперед вслед за огненным валом. Может быть, враг уже заметил их, может быть, сейчас, затаившись в самолетах на аэродроме, он обрушит на них пушечный и пулеметный огонь, и раненые бойцы начнут замерзать на снегу?

Бой, происходивший вдали от Аник, казался ей страшнее, чем те жаркие бои, в которых она непосредственно участвовала. Находясь в гуще боевых событий, не чувствуешь, как огромна их опасность.

Аник сжала кулаки. Нет, в эту ночь она не имела права находиться в палатке санчасти.

Она быстро, почти бегом, направилась к штабу полка. Атоян говорил по телефону. Не прерывая разговора, Атоян махнул на Аник рукой, предлагая ей выйти из палатки, но она притворилась, что не заметила его жеста. Ей было необходимо знать, что происходит сейчас на передовой, она должна была вернуться в свой батальон.

Атоян положил трубку.

— Зачем ты явилась? — спросил он. Его маленькие глаза, землистое от постоянных бессонных ночей лицо казались усталыми и безразличными.

Атоян почти не изменился с первых дней войны. Он не начал войну юношей, чтобы возмужать, как это произошло с Малышевым, но он не был и пожилым человеком, чтобы быстро состариться от военных испытаний и невзгод.

— Что мне в штабе делать? Чего я должна здесь ждать? — нетерпеливо спросила Аник.

— Возвращайся в санчасть и отдыхай! — строго повторил начальник штаба. — Понятно?

— Непонятно, товарищ майор.

Она ощутила неловкость от грубости своего ответа. Атоян, видимо, тоже был смущен, но ничего ей не сказал. Конечно, он должен был накричать на эту девчонку, препирающуюся со своим начальником.

Но это была Аник, к которой он относился с нежностью и уважением. Стесняясь присутствующих работников штаба, он тихо по-армянски сказал:

— Начальство приказало, чтобы ты пошла в санчасть, понимаешь? — и продолжил уже по-русски: — Идите в санчасть, товарищ старший сержант: У меня нет времени давать вам пояснения.

Снова зазвонил телефон. Атоян взял трубку.

— Что-что? — обрадованно спросил он. Его серое, утомленное лицо оживилось. — Уже? Молодец, Малышев!

Он медленно положил трубку и, хотя в палатке было всего три человека, торжественно, точно на смотре, произнес:

— Товарищи, наши батальоны заняли аэродром противника!

Аник никогда не видела Атояна таким взволнованным.

Снова зазвонил телефон. Атоян взял трубку и приник к ней. Аник вышла из полкового штаба и побежала в сторону своего батальона той самой дорогой, по которой пришла в полк. Ночь была светлой; снежные сугробы сверкали, серебрились; артиллерийский грохот отдалился; слабо доносилась трескотня автоматов и пулеметов. Аник бежала, сбиваясь с узенькой тропинки. Несколько раз она падала в снег, вскакивала, на ходу отряхивалась, бежала дальше. Она добежала до штаба батальона в ту минуту, когда Малышев со своими связистами, разматывающими с катушек телефонный кабель, шел по направлению передовой. Остановившись на мгновение, майор крикнул:

— Зачем ты вернулась, Анна?

Аник пошла рядом с ним, она так тяжело дышала, что не смогла ответить сразу.

— Я узнала, — сказала она задыхаясь, — что наши захватили аэродром, наш батальон.

— Не только наш, — ответил Малышев, замедляя шаги, — все наши полки, вся наша дивизия! Но первыми ворвались на аэродром мы. Знаешь, сколько самолетов оказалось на аэродроме? Около ста больших самолетов. Сто самолетов, ты понимаешь, что это такое?!

Нагоняя ушедших вперед связистов, Малышев, обернувшись, крикнул:

— Но немцы сейчас начали контратаки. Видно, хотят вернуть аэродром обратно.

Эта мысль поразила Аник: значит, еще предстоят атаки и контратаки, снова будут жертвы!

VI

Постепенно из тумана показались несколько уцелевших зданий, засыпанные снегом развалины. Аник всмотрелась. Нет, это были не здания, не развалины, а немецкие самолеты, разбитые танки, машины и тягачи.

Через несколько минут Малышев и сопровождавшие его связисты покинули это хаотическое царство мертвых машин и вновь вышли в степь. Они приближались к передовым подразделениям, туда связисты тянули телефонные провода. Теперь уже стали видны люди, закопавшиеся в снег.

Пулеметные очереди вздымали облачка снежной пыли недалеко от того места, где остановились Малышев, Аник и связисты. Вокруг на снегу лежали люди. То и дело вспыхивали выстрелы. Трудно было отличить живых от мертвых — неподвижное тело, лежавшее на снегу.

вдруг оживало, человек вскакивал и, пробежав шагов десять, прикивал к земле.

Выбрав показавшееся ему удобным место в углублении между сугробами, Малышев приказал связистам:

— Поставьте телефон вот сюда.

Над головой Аник, шипя, пронеслась мина, послышался близкий разрыв, отвратительный свист осколков. Стало совсем светло.

В сражение были втянуты все полки и батальоны дивизии Геладзе. Со всех сторон слышалась трескотня пулеметов и автоматов, со всех сторон вспыхивало белое пламя, вырывавшееся из орудийных стволов. На белом поле лежали темно-зеленые фигуры — трупы немецких солдат.

Малышев, пригнувшись к телефону, разговаривал с командирами рот, отвечал на вопросы командира полка. Рядом с ним примостились адъютант и писарь. Так среди огня и снежных сугробов работала эта маленькая оперативная группа.

Нервы у Аник были напряжены, слух обострен. Воздух то и дело вздрагивал и звенел от выстрелов и взрывов. Столбами взлетали к небу снег и мерзлая земля.

— Двадцать пять, двадцать пять, двадцать пять! — кричал в трубку командир батальона. Но передовая не отвечала.

— Связь прервалась, товарищ майор! Разрешите исправить? — крикнул один из связистов, небольшого роста сержант с почерневшим от ветра лицом.

— Бегом! — крикнул майор.

Сержант, пригнувшись, побежал, перебирая руками серый провод. Аник следила за ним.

Сержант несколько раз падал, поднимался и снова продолжал бежать. Аник думала: если его ранят или убьют, побежит другой, после второго — третий, пока связь не будет налажена.

Воспользовавшись минутой затишья, Малышев ласково сказал:

— Иди сюда, Анна, здесь удобнее.

Связист был уже далеко. Аник жестом попросила у Малышева бинокль.

Она увидела, что сержант-связист уже не бежал, а стоял на месте. «Соединяет провод», — подумала Аник. Вдруг сержант покачнулся, упал на землю. Аник видела, как он несколько раз всплеснул руками. «Ранило, и наверное тяжело!» — подумала она. Дрожащей рукой она отдала бинокль Малышеву, побежала в ту сторону, где упал сержант.

Она бежала, прыгая через трупы немецких солдат, спотыкалась, падала, но не выпускала из руки провода, снова вставала и, задыхаясь, бежала дальше. Она уже была недалеко от того места, где упал сержант. Аник показалось, что кто-то сильно толкнул ее, провод выскользнул из руки.

— Ложись, сестра, ложись! — крикнул бежавший следом за ней боец-связист. Он обогнал Аник, она на мгновение взглянула связисту в лицо — он был незнаком ей. Теперь Аник была ближе к роте, чем к батальону. Лежа на снегу, девушка слышала совсем близко от себя пулеметные очереди. Не имело смысла возвращаться к Малышеву, если за две-три минуты она смогла добежать до роты. Но почему она лежит на снегу, для чего теряет дорогое время?

Серый провод подрагивает рядом с ней — это незнакомый связист ликвидирует разрыв; Малышев сейчас узнает, что делается на передовой. Может быть, сегодня идет последний бой, может быть, сегодня

немцы капитулируют, и тогда наступят тишина и мир в этой степи и солдаты, встав во весь рост, походным шагом войдут в измученный многострадальный город.

Аник еще раз оглянулась и, пригнувшись, побежала к залегшим за снежным валом бойцам. На боевом поле видны были тысячи маленьких снеговых бугров, под их защитой лежали бойцы в белых халатах, а вокруг вспыхивало смертное пламя, мутный дым полз в воздухе.

Аник поняла, что расстояние, отделяющее ее от ведущей бой роты, ей предстоит преодолеть ползком. Она ползла по снегу, и все сильнее, пронзительней был свист осколков и пуль. Но у Аник почему-то притупилось чувство страха — приближаясь к своим, она всем существом ощущала, что через несколько минут будет уже не одна.

До снегового вала оставалось проползти несколько метров. В это время разорвался снаряд, и Аник обдало снегом и дымом. Она на некоторое время потеряла сознание. Очнувшись, девушка почувствовала, что чьи-то руки поднимают ее. Как сквозь сон, слышала она звуки выстрелов, ощущала острый запах пороха. Аник открыла глаза и увидела высокий снеговой вал, закрывающий горизонт.

— Кажется, не ранена, — произнес над ней чей-то знакомый голос.

Аник слабо улыбнулась склонившемуся над ней бойцу.

— Микола, а где Каро? — с усилием сказала она.

— Ты лежи спокойно, Анна, тебя здорово кинуло взрывной волной... Каро в порядке.

Она лежала на полушубке, расстеленном на снегу, и смотрела в небо, видела, как стынет в воздухе ее дыхание, инеем ложится ей на грудь. Небо было ясным. Ей казалось, что небо сделано из голубого прозрачного льда — оно опускалось все ниже и ниже, покачивалось над Аник и вдруг снова становилось неподвижным.

— Где Каро? — спросила она.

Но около нее никого не было. Бурденко ушел. Слышались только грохот и скрежет разрывов. Сверху сыпались невидимые иголки и кололи Аник щеки, лоб, губы. Она щурилась, иногда плотно сжимала веки, потом снова открывала глаза. И снова, и снова она видела, как качается небо. Небо то багровело, то становилось серым, то удалялось от нее, то приближалось к ней. Действительность ли это или нелепый, путанный сон? Где Каро, где Бурденко? Аник закрыла глаза. О чем она думала? Ах да, их батальон занял Питомник, захватил немецкий аэродром. Она побежала сюда, чтобы соединить разрыв провода, чтобы найти Каро. А сейчас... Сейчас... Что сейчас? Немцы контратакуют, пытаются отбить аэродром?

Она открыла глаза. Все небо мерцало красным огнем. «Бьют гвардейские минометы», — подумала Аник и с трудом поднялась на ноги. Голова кружилась, Аник показалось, что она сейчас упадет. Она потеряла рукавицами щеки и лоб. Если лежать неподвижно, можно отморозить лицо, ноги.

— Ложись, чего встала! — закричал кто-то совсем рядом. — Убьют!

Это был Савин.

— Где Каро? — спросила она.

— Каро? — Савин усмехнулся: — Вот твой Каро.

Под снеговым валом лежал у ручного пулемета боец. Это и был Каро, ее Каро! А впереди все смешалось: клубы дыма оседали на снег, стерлась граница, разделявшая небо и землю. Аник ползком добралась до Каро и легла на снег рядом с ним.

— Каро!

Он посмотрел на нее без удивления, словно ее появление не было для него неожиданным, и голосом, не выражающим ни радости, ни волнения, спросил:

— Зачем ты пришла?

Аник поняла, что Каро недоволен.

— Перебило провод. Потом... хотела быть рядом с тобой, понимаешь?

— Идут, немцы снова поднялись в атаку! — крикнул чей-то пронзительный голос.

— К пулеметам! — властно прокричал Бурденко.

Аник лежала у пулемета рядом с Каро и Савиным.

В мутном дыму стали вырисовываться темные фигуры. Это были немцы.

— Вот тебе немецкий автомат, — сказал Савин. — Сумеешь бить из него?

— Сумею, — ответила Аник.

Немцы двигались медленно и неуверенно, эта контратака была совсем не похожа на те, какие видела Аник весной прошлого года и в дни летних боев: в атаку шли покачивающиеся, спотыкающиеся призраки, готовые свалиться при первом порыве ветра.

Положив палец на спусковой крючок автомата, Аник напряженно ждала — вот сейчас, когда немцы подойдут близко, все бойцы, как один человек, откроют дружный ружейно-пулеметный огонь. Но все произошло совсем не так, как представлялось Аник.

Внезапно по надвигающимся немцам хлестнул огненный ливень — гвардейские минометы дали залп. В дыму и пламени засвистели осколки над головами красноармейцев.

— Отползти на пятьдесят метров, — скомандовал властный командирский голос.

Савин потянул Аник за руку, и она вместе с другими бойцами то ползком, то нагибаясь стала отходить в глубь обороны. А там, где несколько мгновений назад в сторону советских позиций двигались атакующие немцы, Аник увидела лишь стену черного дыма, — дым поглотил и небо, и степь, и снеговые ложбины, и шедших в атаку призраков.

Теперь весь батальон Малышева поднялся на ноги, солдаты стояли во весь рост, не пригибаясь к земле.

Темная завеса дыма ширилась и ползла, поглощая все большее пространство земли и неба.

Аник не заметила, как взвилась в небо сигнальная ракета, но она увидела, как дружно ринулись в атаку бойцы. Прижимая автомат к груди, Аник бежала рядом с Каро и Савиным. Они миновали разбитые снеговые укрепления. Дошли до дымовой полосы. Снег здесь был черным — черный дымовой туман стоял перед глазами. Казалось, что это с черного неба валил черный снег, Аник не видела земли, по которой бежала. Бойцы, стреляя, бежали рядом с ней. Но вот земля снова побелела, небо прояснилось, войска пересекли, миновали пространство, по которому били «катюши». Впереди показались белые снеговые стены, и Аник поняла, что это оборонительная линия немцев. Немецкая оборона молчала, противник не встретил атакующих огнем. Может быть, немцы покинули оборону, бегут к Сталинграду?

Атакующие цепи подошли вплотную к снеговой стене. Кто-то во все горло крикнул «ура». Этот крик подхватили сотни хриплых голосов.

Аник тоже пыталась кричать «ура», но голос у нее сорвался. За снежными укрытиями, в глубоких и узких окопах она вдруг увидела немецких солдат. У большинства из них головы были обвязаны тряпками и полотенцами.

В немецких окопах начали рваться гранаты.

Бойцы прыгали в окопы, размахивая автоматами. Немец, стоявший в окопе, направил на Аник черное дуло автомата. Но вдруг немец покачнулся, упал — советский боец опередил его. Аник спрыгнула вниз, побежала по окопу. Она увидела, как, опершись спиной о стенку окопа, немецкий солдат стрелял по советским бойцам.

Аник нажала на спусковой крючок автомата, и немец согнулся, стал на колени, упал головой на дно окопа. Аник побежала дальше. Навстречу ей шел низкорослый немецкий солдат, без оружия, с поднятыми вверх руками. Аник опустила автомат, но в ту же секунду в руке солдата оказался черный пистолет. Аник выстрелила из автомата, и немец упал у ее ног. Рядом с ней появился Тоноян.

— Ну и чертовка ты, Аник! — сказал он и стал вылезать из окопа.

Аник приподнялась на цыпочки, чтобы посмотреть, куда побежал Арсен. Она увидела, что по снежной степи бегут советские бойцы, — стремительное наступление продолжалось.

Очевидно, сопротивление атакующим оказали лишь немногие немецкие солдаты. Враг, не приняв боя, бежал.

Аник выбралась из окопа, побежала следом за бойцами: цепи советских бойцов залегли, навстречу им вновь двигались колонны черных призраков. Кто-то потянул ее за рукав.

— Сюды, Анна, тутычки удобнее.

Это снова был Бурденко. Как это ребята находят ее в самые трудные минуты? И вдруг сердце Аник замерло — она увидела Каро с белой повязкой на лбу. Каро был бледен, на его изогнутых монгольских бровях запеклась кровь. Аник хрипло позвала:

— Каро! Ты ранен?

— Пустяки, царапина! Иди назад!

Аник растерянно смотрела на него. Каро повторил:

— Иди назад! Уходи отсюда!

— Почему? — спросила Аник.

— Иди, говорю!

Эта суровость была ей приятна — в ней проявилась его любовь, в ней был его страх за жизнь Аник.

А немцы вновь шли в атаку.

— Ты что, не слышала, что я говорю? — уже совсем сердито сказал Каро.

Немцы подходили все ближе и ближе.

— Огонь! — раздалась команда.

Крепко сжав губы, Каро застрочил из пулемета.

Аник стреляла из автомата. Она видела, как редуют ряды наступающих, и ей казалось, что немцы падают в снег от ее пуль и что если она, Аник, перестанет стрелять, немцы снова захватят Питомник, вновь завладеют своими ста самолетами, машинами, танками.

И вдруг ее автомат замолчал. Она трясла его и, чуть не крича от ярости, нажимала на спусковой крючок. Автомат молчал — Аник расстреляла все патроны! С отчаянием она оглянулась вокруг. Плотно сжав губы, насупив брови, Каро стрелял, плавно поводя дулом ручного пулемета направо и налево. Немного поодаль стреляли Савин, Тоноян... Они даже не заметили, что Аник перестала стрелять, не почувствовали охватившей ее тревоги.

Необходимости в ее помощи никто не ощущал. Значит, не будь ее здесь, ничто бы не изменилось.

Вдруг сильно, с разных сторон, затрещали советские пулеметы. Немецкая контратака была сорвана. Нет, немцам не удастся взять обратно Питомник. Солдаты в серо-зеленых шинелях падали, ложились на землю, укрываясь от плотного огня советских пулеметов.

Пулеметный огонь затих. Аник неотрывно смотрела в сторону противника. Сперва по двое, по трое, а затем целыми группами, десятками и сотнями немцы поднимались на ноги, что-то кричали безумными голосами, махали белыми тряпками, платками, полотенцами. Кто-то рядом с Аник веселым, пьяным голосом крикнул:

— Не стреляйте, ребята, я пригоню это стадо сюда!

Это кричал лейтенант с толстой короткой шеей, с выпуклыми налитыми кровью глазами. Аник сразу же узнала его. Это был Павел Ухабов.

VII

Держа в руках автомат, Ухабов неторопливо шел в сторону немцев. Затаив дыхание, Аник смотрела на него. Ухабов подошел вплотную к первым рядам немцев, зычным голосом закричал:

— Руки вверх! Бросай оружие! Шнелер! Шнелер!

Все росла толпа оборванных людей с закутанными в пестрое тряпье головами. Их было много — десятки, сотни...

«Вот и кончился бой», — подумала Аник и застегнула распахнувшийся на груди полушубок.

Спотыкаясь, толкаясь, медленно шли сотни немецких солдат и офицеров с поднятыми вверх руками. Слева доносились орудийные раскаты, справа слышался скрежет пулеметов, а на этом участке фронта уже воцарилась тишина.

Ухабов шагал рядом с толпой пленных, властно прикрикивая, торопил отстающих. Два раза Ухабов выстрелил по отставшим, и Аник видела, как упали в снег убитые им немцы.

— Шо ты робышь, Ухабов? — крикнул чей-то возмущенный голос.

— Лелеять их, что ли, товарищ парторг? — хрипло отозвался Ухабов.

Ухабов... Аник вспомнила, как Каро прикладом автомата ударил его по лицу и Ухабов, вытирая ладонью кровь, поглядел на Каро, сказал: «Здорово ты мне дал, люблю людей, которые умеют как следует ударить».

— Анна, Анна, — крикнул Савин. — Скорее сюда!

Аник оглянулась и увидела Каро, неподвижно лежавшего возле пулемета. Аник, задыхаясь, подбежала к нему.

Девушка обеими руками подняла голову Каро, заглянула ему в глаза.

Каро...

Он посмотрел на нее и печально улыбнулся. Аник прижала голову Каро к груди и поцеловала его.

— Аник, Аник... — прошептал Каро и обнял ее за шею.

Аник уже не видела пленных, не видела горы брошенного немцами оружия, не слышала слов команды. Одна лишь мысль владела ею — скорее доставить Каро в медсанбат...

Аник и Савин помогли Каро подняться на ноги. Каро шел медлен-

но, с трудом передвигая ноги, всей тяжестью навалившись на Савина и Аник, поддерживавших его.

— Отведите меня к Люсик Аршакян, отведите меня к Люсик, шептал Каро.

Через каждые десять-пятнадцать метров Аник и Савин останавливались, чтобы дать Каро передохнуть; он с печальной, странной улыбкой смотрел на Аник и все повторял:

— Зачем ты пришла? Я ведь говорил, чтобы ты вернулась! Значит, ты меня не слушаешься?

— Буду слушаться, Каро, всегда буду тебя слушаться, — отвечала Аник, стараясь казаться спокойной.

Они подошли к Питомнику. На аэродроме стояли мертвые немецкие самолеты. Повсюду лежали трупы немецких солдат, стояли разбитые танки, орудия, исковерканные автомашины.

— Питомник? — сонным голосом спросил Каро.

— Питомник, Питомник, — сказал Савин. — Смотри, мы с тобой здесь на рассвете воевали. Сейчас у немца один аэродром остался — Гумрак.

Но Каро не слышал того, что говорил ему Савин.

Вот вдали показались сани. Аник еще издали узнала полковых санитаров и стала звать их. Сани подъехали, остановились.

— Сейчас, уже скоро, — сказала Аник Каро, — потерпи еще немножко.

Они уложили Каро на разостланное в санях сено, покрыли его овчиной.

— Отвезите меня к Люсик, пусть она посмотрит мою рану, — впадая в забытие, бормотал Каро.

— Конечно, к Люсик Аршакян, конечно, к ней, — говорила Аник. Савин наклонился над товарищем.

— Ну, Каро, выздоравливай! — сказал он и поцеловал Каро.

— Скоро я вернусь, скажи ребятам, — прошептал Каро, — слышишь, вернусь!

В глазах Савина показались слезы.

— Конечно, вернешься, — сказал он. — Вместе войдем в Сталинград. Смотри только, скорей выздоравливай, не опоздай.

Лошади пофыркивали, сани мягко скользили по снегу. Каро то впадал в забытие, то снова приходил в себя. Он видел над собой зимнее небо, клубы дыма.

Аник, склонившись над ним, повторяла без конца, как заклинание: — Каро... Каро...

Она гладила его по лицу, глядела ему в глаза. Как хорошо, что она не послушалась Каро, не вернулась в штаб батальона. Она не была бы сейчас рядом с ним, не знала бы даже, что он ранен. Он потерял так много крови...

Аник посмотрела в сторону Питомника. Издали казалось, что в снежной степи стоит город, — огромные транспортные самолеты в зимнем тумане походили на дома.

— Аник... — прошептал Каро, — дай мне глоток водки.

Санитар остановил сани. Аник приложила флягу к губам Каро.

Он сделал несколько глотков. Аник показалось, что синие губы Каро порозовели, глаза стали яснее. Он обнял Аник за шею, наклонил ее голову к своему лицу и прошептал:

— Ты меня не слушаешься, да?

— Буду слушаться, всегда буду слушаться..

— Ты ведь не знаешь, как я люблю тебя! Не знаешь ты, не знаешь...

— Знаю!

— Нет, нет. Если с тобой что-нибудь случится, я сойду с ума, понимаешь? А ты меня не слушаешься.

Каро начал плакать, всхлипывать, как ребенок.

— Успокойся, Каро, успокойся, родной. Но почему ты плачешь?

Сквозь всхлипывания он произнес:

— Из-за матери, из-за тебя.

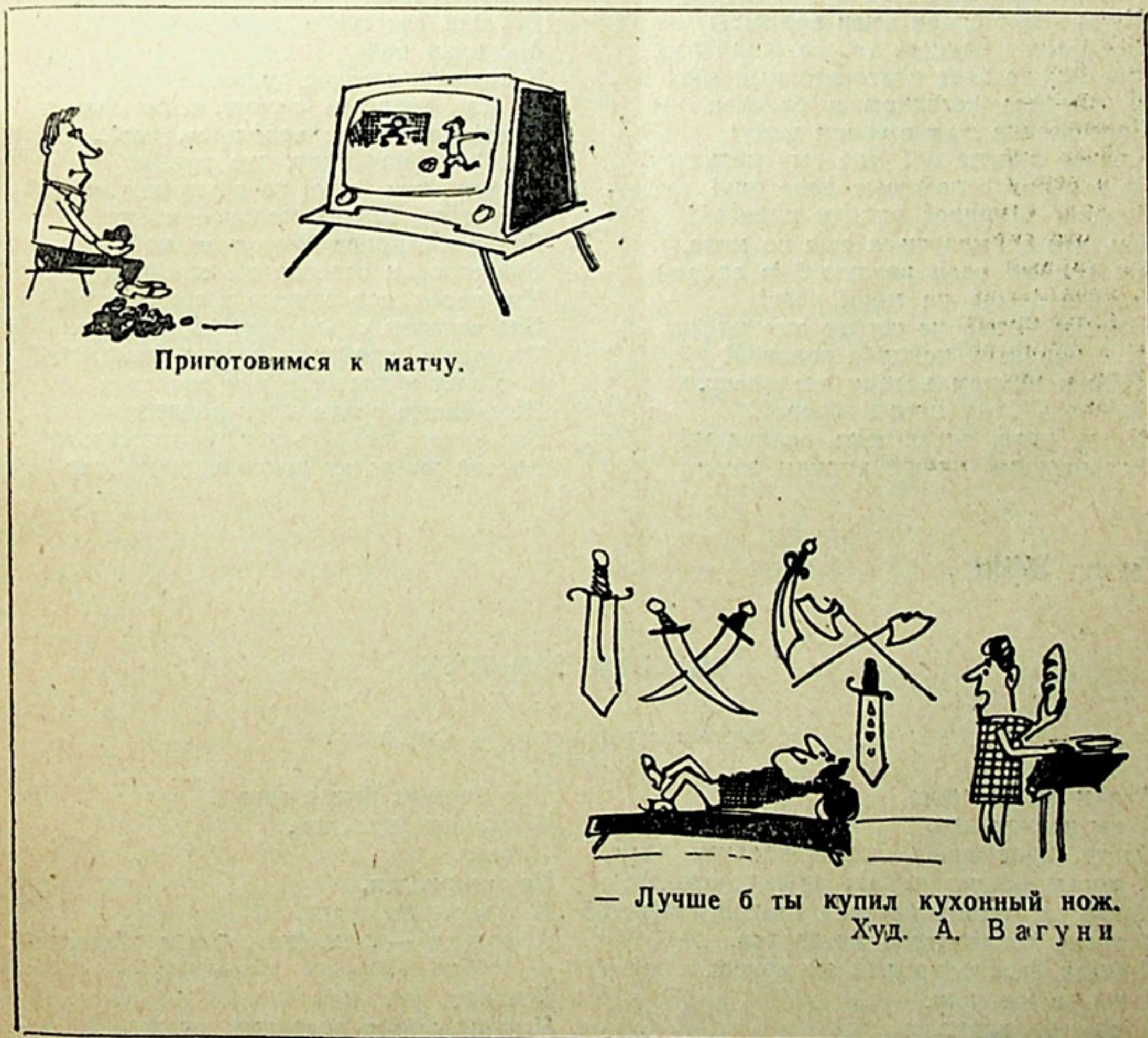
Аник вытирала его мокрые от слез глаза.

— Дорогой, дорогой мой монгол! Ты будешь жить, слышишь!

Санитар оглянулся на Аник и Каро, грустно покачал головой, сказал:

— Когда же закончится эта проклятая война, ох, когда же она закончится!

УДК 353.4
ББК 84.001.013.0

Поэзия Советской Армении

Наири ЗАРЬЯН

СЫНУ, ЕЩЕ НЕ РОЖДЕННОМУ

Перевод с армянского Э. Левонтина

Я все ищу в восторге и в волненьи
Нежнейшее среди имен родных:
Все ближе радость твоего рожденья,
Все ближе этот долгожданный миг!
Я дрожью незнакомою охвачен —
Займодавца жду в своем дому!
Сейчас войдет он! Час ему назначен,
И я верну с любовью долг ему!
Я долг сторицей оплачу работой!
Ты, что скрываешься еще во мгле,
Ты гордый след раздумий и заботы
Запечатлеешь на моем челе!
Заботы бремя не согнет мне плечи,
И с поднятой пойду я головой!
Тебя я вихрям поведу навстречу,
Баюкать буду песней боевой!
И ты, дитя, постигнешь величавый,
Бессмертный нашей родины завет,

И будешь ты расти, овеян славой,
Вкушая счастье мудрое побед!
Мы план побед и счастья начертали,
К вершинам голос родины зовет!
И вам, которым станут ясны дали,
Назначено завет исполнить тот!..
Оно уже приходит, это время!
К тому, что было, не вернуться вновь!
Растет на солнце молодое племя!
Горит в сердцах отцовская любовь!
Благословен счастливою звездою,
Что песен жар зажгла в груди моей,
Благословен страной своей родною, —
Ты жизнь пройдешь путем богатырей!
И я ищу в восторге и в волненьи
Нежнейшее среди имен родных:
Все ближе радость твоего рожденья,
Вот он приходит долгожданный миг!

Геворг ЗМИН

СПУТНИК ЗАПУЩЕН

Перевод с армянского Б. Слуцкого

А вам не казалось,
А вы не мечтали,
Когда, прорываясь сквозь дальние дали,
К ногам вашим падали дольки звезды,
Когда вы склонялись над тайной, сокрытой
В куске тепловатого метеорита,
И были бесплодны ночные труды.
А вы не мечтали,
А вам не казалось,
Что эта вот
Звездная мелочь и малость
Частицею спутника прежде была.

Что спутник был пущен
С планеты далекой,
Летел,
Но взорвался,
И сгинул до срока,
А долька — немножко тепла сберегла?

Дрожат
Под падучими звездами земли
Далеких,
Незнаемых нами планет,
Приемля куски

И осколки приема,
Которым у нас объяснения нет.
Планетич и звездич, конечно, не знает,
Что спутник запущен

Страною Труда.
И тамошний лирик,
Наверно, слагает
Стихи под названием «Упала звезда».

Ваагн ДАВТЯН

РОДИНА

Перевод с армянского Т. Задонской

Гордость вершин и глубины ущелий,
Крошево камня на склонах крутых,
Камни взлетают, —
 в гуле падений
Реки взнуздали
 и вздыбили их.
В скалах потоки бурно вскипают,
Солнце искрится на горной гряде...
Это моя сторона дорогая
В неповторимой своей красоте.
Даже орел, высоту набирая,
Не долетает к вершинам седым,
...Зимней порою
 в ущелье, как пламя,
Вспыхнет внезапно кизил.

Камни, столкнувшись в рывке неизбежном,
Искрами жгут сухобылья покров.
...Камни хранят в своем сердце
 так бережно
Робкие жизни ростков.
Здесь ураганы швыряются скалами,
Перекрывая бурлящий поток.
...Ветер не дышит над маками алыми,
Чтоб не сорвать лепесток.
Родина!..
 Твердая, мудрая, сильная —
Нежностью мягкой полна.
Родина!..
 Неизмеримы —
Гордость высот и добра глубина.

Микаэл АРУТЮНЯН

ГОРЫ ЗОВУТ

Перевод с армянского В. Звягинцевой

Горы зовут. Слышен он отовсюду —
Этот безмолвный торжественный зов.
Горы — горбы терпеливых верблюдов,
Окаменевших на тропах веков.
Горы зовут. Говорят: подымитесь,
Как ни тяжел бесконечный подъем,
Сами к вершине душою стремитесь,
Горы не бьют человеку челом.
Жизнью одной, от вершин до подножий,
Горы живут, неизменны вовек,

Вены их видит в ущельях прохожий,
Горная кровь — струи пенистых рек.
Сердце горы — это мужество горца,
Горец — вершина утесов крутых,
Кличет гора нас на единоборство,
Что ей безлюдье в туманах седых?!
Слышите, горы зовут отовсюду,
Как ни безмолвен их каменный зов.
Горы нагружены, словно верблюды,
Ноша их — мудрость бессмертных веков.

Сурен МУРАДЯН

КОЛОС

Перевод с армянского В. Звягинцевой

Ребенком растоптал я колосок.
Ушел я, распевая во весь голос,
Что сделал я — мне было невдомек:
Подумаешь, какой-то жалкий колос!
Отец увидел и сказал мне так:
«Ты губишь то, что людям на потребу,
Всем человек земли обязан хлебу».
Беспечно удивлялся я тогда:

За что отец корил меня в то утро:
Но понял я, когда прошли года.
Как слово землероба было мудро.
Теперь с глубокой болью я смотрю
На каждый колос, что загублен слепо,
И так же, как отец мой, говорю:
«Живущий на земле — чти святость хлеба».

Вардгес ПЕТРОСЯН

Окна города полуоткрыты

РАССКАЗ

Перевод с армянского Э. Канановой

Самолет летел медленно, покачиваясь... Утро только еще занималось, и город был виден сверху отчетливо, как макет. Солнце, похожее на огромный круг из золотой фольги, словно разорвалось на множество сверкающих клочков, осыпающихся на город. Людей не было видно. Только улицы и здания. Здания, многие из которых хранят след рук мастера Андраника.

Но старый мастер не смотрит вниз, на город, не радуют его и яркие краски солнца. Сына, Сурена, нет в живых...

Еще три дня назад, по телефону, он смеялся и убеждал отца уйти с работы, отдохнуть хоть немного, а сейчас... Старик едет за телом сына. Нет, ни одна слеза не скатилась по его щекам, хотя всю ночь не мог он сомкнуть глаз. И Гагик всю ночь оставался рядом с ним, всю ночь плакал безудержно и горько. Сурен погиб. Хотел спасти кого-то, не сумел и сам тоже погиб. Он был всего лишь на три

года старше Гагика, но они росли вместе, в одном дворе.

Самолет летел медленно, и в близне утра таяли очертания города. В воздухе становилось все больше и больше сверкающих клочков солнца, они прильнули к окну самолета, ворвались внутрь... Но сердце старого мастера было непроницаемо для солнца. Сурена нет, его Сурена... Нет единственного сына. Они были друзьями с Гагиком, часто приходили на стройку, надоедали старику своими вопросами. Сейчас он останется один со своей старушкой, и никто уже не будет ему мешать. И никогда уже не увидит он в окно, как, широко шагая, идет к дому сын, высокий, широкоплечий, улыбающийся... Надо будет завесить окно плотной шторой. И выключить телефон.

Внизу, под крыльями самолета, расстелен синий платок — Севан... Нет, мастеру Андранику не вспоминается другое озеро, не вспоминается Ван, на берегу которого он

родился. Всегда, проезжая с сыном по берегу Севана, вспоминал он Ван, лишь сейчас не вспомнил. Сурена нет. Гагик был его другом, хорошим другом. Что это синееет внизу? Севан... Там за озером, в высоких горах, сын его искал золото. А сейчас сына нет. Есть горы, есть озера, а сына нет.

И Гагик тоже смотрит вниз. Он еще не верит в смерть, не верит в то, что нет Сурена. Три года прожил Сурен в горах. Лишь два-три месяца проводил дома, в Ереване, и все время бывал с Гаги-ком, часами рассказывал ему о людях, о горах. Обещал как-нибудь взять с собою и Гагика, показать ему горы, таящие золото. И вот он едет к этим горам один, без Сурена.

Самолет уже идет на посадку. Мастер Андраник делает какое-то движение, застывшим взглядом смотрит вперед. Заплакать, хоть бы заплакать... Даже если б они прилетели вчера, Сурен встречал бы их там, внизу, сходя с самолета, они услышали бы его смех, и после первых же приветствий он сказал бы: «Представляете, недавно в двадцать пятой штольне...».

Сейчас никто не встретит их. Или, может быть, подойдет какой-нибудь незнакомец, кто-нибудь из тех, кто работал с Суреном и, поддерживая старика за локоть, поведет его туда, к сыну...

Самолет уже идет по земле. Мастер Андраник немигающим взглядом смотрит в окно. Руки его не дрожат, и неосведомленный человек, глядя на него, может подумать, что старик не в настроении, не более. Самолет останавливается. Летчик открывает дверь, и ветер обжигает лицо. Старик вдруг вспоминается озеро Ван, о котором так часто он рассказывал сыну. Хотел, чтобы и Сурен полюбил это озеро. А Сурен слушал его, слушал, потом говорил: «И все же не сравнится с Севаном, Севан иной, особенный...».

Гагик поддержал старика за локоть, но они не успели сделать и нескольких шагов, как их окружили человек пять-шесть, и кто-то сказал:

— Здравствуйте, отец. Мы товарищи Сурена.

Старик посмотрел на них, глаза наполнились слезами. Лишь увидев товарищей сына, поверил он в этот ужасный телефонный звонок, и ясно стало все, что казалось ему туманом,—туманом, который должен рассеяться. А Гагик вспомнил, что Сурен в последний раз приезжал домой в мае, приезжал сдавать экзамены. Он словно весь лучился счастьем и спешил. «Осталось три года, — сказал он на аэродроме, — а потом...».

Вот и потом. Грязный «виллис» везет их по неасфальтированной дороге. Товарищи Сурена молча курят. Мастер Андраник сидит рядом с шофером, смотрит на убегающую из-под колес дорогу. Да, выключит телефон. Но с работы не уйдет. Он и тогда бы не ушел, а сейчас...

Дорога вьется вверх по горному склону, липкому от размытой дождем глинистой земли. Сурен, наверное, тысячу раз ездил этой дорогой. Скоро поедет по ней и в последний раз. И лишь он один не будет знать, что это — в последний раз... Потом от него останется несколько фотографий. И много воспоминаний. Не будет его смеха, взгляда, не будет его рук...

Гагик смотрел на сгорбившуюся, словно надломленную спину старого мастера и не мог думать ни о чем. Сейчас для него существовала лишь эта дорога, липкая дорога, которая становилась все короче, все ближе к его другу, к телу друга. Наверное, и Гагик никогда уже не поедет этой дорогой. Было бы хорошо, если бы и сейчас он не ехал по ней...

Кроме мастера Андраника, все в машине курили. Наконец вдали показался поселок геологов. Зе-

лень, синева и несколько белых точек — домики, в которых живут геологи.

Потом эти точки увеличились и рядом с ними стали видны другие точки, маленькие и подвижные. Люди... Но среди них нет Сурена.

Машина уже шла между домами, между молчаливо стоящими людьми. Гагик смотрел на окна. За каким-то из этих окон Сурен.

Горы...

Горы глядели молча, склонив головы. Горы молчали. Только они могли бы рассказать, как случилось все это...

...Он вышел из дому, намереваясь пойти к товарищу. Кто-то из ребят, стоявших у дверей клуба, сказал:

— Карена что-то не видно.

— А куда он пошел? — спросил Сурен.

— Собирался в сторону пятой...

Карен был молодым геологом, а пятая штольня там, наверху. Сурен быстро взглянул на часы. Почти семь.

— Пойдем! — бросил он и побежал по горному склону.

Ребята последовали за ним. Немного спустя, поднялся на ноги весь поселок.

Сурен бежал быстро, очень быстро, земля словно ускользала из-под его ног. Карен в штольне. С утра. С утра! Эта мысль врезалась в его сознание. С утра. Он чувствовал, как тяжело бьется сердце. Значит, уже начинает уставать. Нельзя уставать, нельзя! В пятую штольню давно уже никому не разрешалось спускаться. Может, остался под обвалом. Может, потерял сознание. Ребята бегут следом. Их много. Спасут. Непременно спасут. Но ведь с утра...

Вот и черная пасть штольни.

Тьма.

Уже спустившись вниз, он зажег электрический фонарь. Наверху нет неба. Небо кончилось. Под ногами скользко. Кто-то бежит следом. На минутку оглянулся —

Гарник. Скоро подспеют и другие. Штольня не может вместить всех. Кто идет следом? Да, Гарник...

Справа виден темный уступ — пятнадцатый штрек. Короткий, узкий коридор. Потому и свет от фонарика кажется сильнее. Что это поблескивает на земле? Молоток. Молоток Карена. Значит, он был здесь. А потом? Куда направился потом? Вот и его шапка. Рядом с молотком рассыпана горная порода.

Значит, Карен спускался в штольню за образцами.

— Гарник!

— Да...

— Посмотрим в соседнем штреке.

Вышли. Свет уменьшился. Потом карбидка Гарника перестала светить. Ничего, у Сурена фонарь электрический. Гарник зажег спичку. Она не вспыхнула пламенем, тут же погасла. Значит, нет кислорода.

— Гарник!.. Немедленно иди назад.

— Нет!

— Говорю тебе, возвращайся!

Голос Сурена отдался ужасным эхом, ударился о каменные стены, разбился на тысячу частей и снова вернулся. Они были уже у входа во второй штрек. Гарник шел в темноте за Суреном, старался не отставать. Дыхание его гулко отдавалось в каменном коридоре.

— Иди назад! — голос Сурена прозвучал грубо и повелительно. — Сверни налево и беги, быстро...

— Хорошо.

Гарник побежал. Мгновение, и замер шум его шагов.

Вот шестнадцатый штрек. Длинный, с уступами по обе стороны. Вдруг начала страшно болеть голова. Нет кислорода. Он крикнул отчаявшимся голосом:

— Карен!.. Где ты? Карен!

Кончился кислород. Кончилось все. Он упал, задыхаясь. Кончилось. Все вокруг стало зеленым, зеленым, бесконечно зеленым. Почему? Наверное, это посаженные им деревца, посаженные им в поселке, у клуба.

Говорили, что саженцы не привыют-ся, засохнут. Говорили, на этих го-рах никогда еще не зеленели де-ревья. Не высохли. Зазеленели. Зе-лень. Зеле...

— Сурен! Сурен!..

Он уже не слышал эти голоса. Не для него были они. В этом большом, удивительном мире те-перь уже все было не для него.

У входа в штрек собралось мно-го народа. Но никто не мог войти в него. Теряли сознание уже через несколько шагов. Не было кислоро-да. Сразу же гасли карбидки. Ни-кто не мог войти в штрек. Люди пытались. Но не могли. Пожилой геолог стоял у входа и никому не давал войти в штрек:

— Бесполезно. Ничем не сможе-те помочь.

Люди кусали губы от бессилия. А там, у входа в штольню, собрал-ся уже весь поселок. Наверху было небо. Пустое. Равнодушное. Внизу горели огни поселка. Люди словно окаменели. Люди, много видевшие под этим древним небом. Никто не плакал. Никто не верил, что все уже кончилось. Наверное, ребята что-нибудь придумали. Каждый, кто пытался войти в штрек, терял сознание через несколько шагов, но ребята непременно что-то придума-ли. Что? Никто не задавал этого вопроса вслух.

Послышались сигналы тревоги. Наконец! Это спасательный отряд. Сейчас! Сейчас! Потерпите еще не-множко, ребята. Еще совсем не-множко. Толпа раздалась, словно дав трещину. Люди превратились в широко раскрытое ухо, в око. Толь-ко ухо и око. Спасатели вошли в штрек. Было четыре часа ночи. Мир словно потерял счет часам. Мир потерял и другое. Еще не знает, что. Узнает потом.

Ветер... Сумасшедший, заблуд-ший ветер. Ветер ворвался в штоль-ню, в штрек, скользнул между ног, потом рванулся назад, донося до

столпившихся у входа людей ужас-ные слова:

— Несут. Обоих. Поздно.

Ветер.

Ветер внизу, возле клуба, при-гнул четыре деревца. Пригнул, но не сломал. Ветер выл от бессилия. Четыре деревца, которые он поса-дил в мае.

Гагик вспомнил письмо, получен-ное однажды от Сурена. Первое письмо, присланное им из геологи-ческой партии. «Когда после 7-8-часового пути мы добрались до ме-ста, шофер наш воскликнул: «Ребята, вы что, за глобусом живе-те?» Хотел сказать, что уж очень далеко мы забрались. И действи-тельно, далеко. В поселке нашем с трудом насчитаешь тридцать до-мов. Но мы разбили его на рай-оны, как в Ереване. Я живу в Арабкире. Есть у нас и своя ули-ца Абовяна — двенадцать метров нескончаемой грязи. Вот так».

Они сидят в комнате Сурена. На столе — книги, кровать полузасте-лена. Еще вчера, днем, он спал на ней. Сейчас утро, солнце светит за окном, но в комнате горит электри-ческий свет. Свет, который вклю-чал Сурен. Наверное, перед тем, как выйти из дому. Мастер Андра-ник сидит в углу. На подоконни-ке — цветы. Наверное, последние цветы этого года. Старик обводит взглядом комнату сына. На двери висит его одежда. И карбидный фонарь, который гаснет, когда в штреке исчезает кислород. Гаснет и электрический свет. И самый ближ-ний становится дальним. Помнит-ся, отец катал его на лодке по озе-ру Ван. А он смотрел на воду, на рыбок. Чуть поодаль сидит Гагик и курит. Курит. Он никогда не ку-рил.

Их провожали только горы, пото-му что в поселке не оставалось ни-кого. И четыре деревца шелестели под солнцем, грустно помахивая вслед своими зелеными платоч-ками.

Леонид ГУРУНЦ

Мой друг Георгий Цагоев

БЫЛЬ

Мы познакомились с ним в годы войны. Георгий пришел к нам в роту разведчиков из госпиталя после ранения. Был он невысокий, широкий в кости, в висках серебрилась первая проседь. Георгий и до ранения был разведчиком, имел опыт, и потому вместе с ним отправляли в разведку новичков, чтобы те учились у него трудному военному делу.

Не раз Георгий, рискуя своей жизнью, спасал товарищей. А один из них, дагестанец, которого раненый Георгий, сам обливаясь кровью, вынес с поля боя, сказал ему:

— Смотри, Георгий, наши крови слились. Раньше мы были просто братья. Теперь мы кровные братья.

С Георгием мы крепко сдружились. Он любил рассказывать об Осетии. Я же, влюбленный в свой край, рассказывал ему о Карабахе. Мы даже, бывало, в редкие минуты затишья вместе пели «Келе, Сато, келе» — шуточную армянскую песню, которой Георгий научился у меня. И, конечно, клялись после войны непременно побывать друг у друга в гостях.

Но однажды Георгий пошел в разведку и не вернулся. Его срезала в пути пуля снайпера. Помня наказ Георгия, я решил после войны проведать его родной Цхинвали. Я не нашел в Цхинвали ни дома, ни родни друга — должно быть, он был из деревни. В Цхинвали было много солнца, яркой зелени, добротных, на городской лад построенных домов. Я ел вкусную осетинскую сдобу — и знал, что ее называют хебиджан, а когда в одной гостеприимной компании первый тост подняли за меня, я не удивился: я знал

от Георгия — гость в Осетии в почете. Знал, как называется этот тост: нуазан — гостевой бокал, который осетины пьют стоя.

Мы идем по Цхинвали. За невысокими домами Лиахвы не видно, но ее сдержанный, глухой рокот, удары волн о берег, смягченные расстоянием, заглушают наш разговор.

Мой друг, молодой поэт, чем-то напоминающий мне Георгия, поворачивается то в одну, то в другую сторону, показывая достопримечательности родного города. Мы остановились у красивого дома, который утопал в зелени. Но первое, что бросилось в глаза, — это гнезда ласточек. Гнезда лепились к карнизам, к пышным наличникам, капителям, гроздьями висели над парадным входом.

— Что это? — спросил я.

— Дом правительства, — ответил мой спутник. И тут же, заметив на моем лице недоумение, продолжал: — Обычай есть у нас такой: птиц не тревожить. Когда дом этот был выстроен и леса с него сняты, вдруг оказалось, что ласточки уже заселили вход. Пришлось открыть другую дверь.

Я долго смотрю на дом, на гроздья гнезд и почему-то вспоминаю Георгия.

Так вот та благодатная земля, которая вскормила, вспоила тебя, наградив всем тем, чем ты был дорог для всех, знавших тебя, Георгий!

Я сижу в кругу друзей. Неподалеку Лиахва катит свои шумные воды. На столе доброе осетинское вино.

Мы дружно спели «Келе, Сато, келе», и песня наша неслась над шумной Лиахвой, над притихшим вечерним Цхинвали, озаренным тысячами огней.

Поэзия Советской Армении

Гегам САРЯН

ПЕСНЯ ИЗ ГРУЗИИ

Перевод с армянского Е. Николаевской

Печали песня неустанно
Еще звучит в моих ушах,
Она томит, как сердца рана,
Как осень в желтых камышах...
Как осень, тронувшая дали,
Как плачущий во тьме камыш, —
Так песня, полная печали,
Еще звучит, тревожа тишь.
Великим горем опьяненный,
Ее певец-грузин сложил,
Народа грусть, народа стоны
И боль в ту песню он вложил.
И пахарь, мучим тяжелой думой,
Смахнувши капли трудных слез,
В своей душе сквозь век угрюмый
Ее, как веру в свет, пронес...
И вот пришел день этот новый,
Тепла и света торжество!
В сражениях, в борьбе суровой
Добыла Грузия его.

И не было боев суровой,
И сколько пало в той борьбе!
Да, потерять немало крови
Пришлось, о Грузия, тебе!..
Но кровь, пролитая народом,
В сердцах людей воскресла вновь!
Сердцебиением заводов,
Огнями стала эта кровь,
И Рионгэсом, и Загэсом,
Горящими в родном краю.
Расцветшим полем, новым лесом,
Украшившими грудь твою!
И полная веселья песня
Теперь звенит в моих ушах,
Как смех, летящий в поднебесье,
Как праздничный задорный шаг,
Как легкий вздох земли весенней,
Как ветер рвущийся в зенит...
Так песня счастья и веселья
Над милой Грузией звенит!

Ашот ГРАШИ

ПОЕЗДА

Перевод с армянского С. Куняева

Поезда проезжают леса,
соловей их встречает руладами.
— Добрый путь! Добрый путь, поезда!
Машут сосны руками крылатыми.
— В добрый путь! — Шелестят ветерки.
— В добрый путь! — Это травы прощаются.
— В добрый путь! — На перронах звонки
голосят, и прощанья кончаются.
А в лесах наступает весна.
Вдоль дороги черемуха буйствует.
Поезда, вам на счастье луна

вместе с сердцем поэта сопутствует.
Пассажиры, дыханье лесов
привозите из бора смолистого.
В отпечатках его голосов
вся природа, как книга залистанная.
— В добрый путь, в добрый путь, поезда,
где поют и сражаются в шахматы.
— До свиданья! Для вас навсегда,
поезда, мое сердце распахнуто!
Мчите нас от страны до страны!
Далеко-далеко от войны!

ТЫ — АРМЕНИЯ

Перевод с армянского Г. Павловской

Тропинкой, пробегающей в горах,
Шла девочка с корзиной мне навстречу.
Синел в корзине черный виноград,
С окрестных гор спускался синий вечер.

Шла девочка, и я замедлил шаг:
В ней было что-то близкое, родное.
Она была пленительна, как мак,
На склонах гор пылающий весною.

Густые брови — острые мечи,
Глаза — чернее ягод винограда...

И ожили заветные мечты
В лучах ее застенчивого взгляда.

Любимый образ из далеких лет
Увидел я под черными бровями,
И Арарата гордый силуэт,
И россыпь звезд над желтыми полями.

Увидел я село в родном краю,
Взлет тополей, закатов алых пламя —
Прекрасную Армению мою
Увидел я под черными бровями.

Амо САГИЯН

СКАЛЫ

Перевод с армянского В. Дробышева

Время поработало на совесть
И создало эти чудеса —
Сказочная каменная повесть
Скалами взметнулась в небеса...
Каменной броней войска оделись,
И оружие у войск — из скал.
Спят, на пробужденье не надеясь,
Спят, не просыпаются войска.
И верблюды притворились скалами,
И бубенчик не звенит пока...
Плачут скалы горными обвалами —
Так могуча времени рука.
Дальше по ущелью все тревожней,
Все тревожней и трудней идти.
И стоят гиганты осторожные —
Неприступные хранят пути.

Их давно в легенду жизнь послала —
Позабыли прошлое свое.
Никогда еще ярма не знала
Шея мшистая могучих бугаёв.
Мох на мордах, и туман на мордах,
Кажется — задышат тяжело,
И рогами потрясая гордо,
Вдруг уйдут в ближайшее село...
Близко небо к скалам подступает
У холодных снеговых границ.
На уступах горных отдыхают
Каменные изваянья птиц.
А над ними — голые вершины,
Тихо скалы голые стоят...
Только реактивные машины
В небе буйным посвистом свистят.

Маро МАРГАРЯН

МОЯ ПЕСНЯ

Перевод с армянского З. Поповой

Ты отзвук песни доброй, доброй,
Пропетой, кажется, без слов.
Ты звук колес о рельсы дробный
Давно прошедших поездов.
Ты — на моей вершине снежной
Последний луч,
Вечерний свет.
Последняя моя надежда,
Которой, может быть, и нет.

Так блеск до нас доходит ровный
Давно погаснувшей звезды...
Смотрю я на тебя спокойно:
Не знаю — есть ли в жизни ты.
Но очень ясно понимаю
И думаю наедине:
Ты песня добрая, святая,
Которая живет во мне.

Вальтер АРАМЯН

Кусочек солнца

РАССКАЗ

Перевод с армянского Э. Канановой

Я встретил Татоса, когда он только приехал на Крайний Север. Жил я в то время на левом берегу Колымы, и место это так и называлось — «Левый берег».

Был зимний вечер. В кабинете заведующего отделом кадров управления дорог сидел низенький человек с узким лицом и покрасневшими глазами.

— Я агроном, — сказал он.

— Аг-ро-ном? — удивленно переспросил Уласовский и положил ручку на стол, — а другой специальности у вас нет?

— Другой специальности нет, — отвечал Татос.

— Это плохо. Может, умеете сапожничать, портняжить... Хотите запишу вас пекарем, парикмахером, поваром, но агрономом... Нам не нужны агрономы. Вы сами отлично знаете, что в этих краях ничего не вырастишь.

Татос молчал. В кабинете было тепло и клонило ко сну.

Когда он вышел от Уласовского, уже совсем стемнело. Тайга словно почернела, отступила назад. Лишь снежные вершины гор ярко сверкали в ночи.

В эту ночь Татос не смог уснуть, ему все слышался мягкий голос

Уласовского: «А другой специальности у вас нет?»

Не было другой специальности у Татоса, и Уласовский направил его в бригаду дровосеков.

Сумрак лиял, рассеивался. Легкий ветер зашевелил кроны деревьев, колыхнулась недвижная дымка тумана. Светало... А Татос все не мог сомкнуть глаз. «Нам агрономы не нужны», — вспоминал он слова Уласовского.

Когда совсем рассвело, Татос, закинув за плечо топор, пошел с дровосеками вглубь вековой тайги. Снег, рассыпчатый и сухой, словно песок, расползался под ногами.

Слышался глухой, далекий грохот. Это стонала от боли стиснутая льдами земля.

Зимой здесь не бывает солнца. Лишь изредка, на рассвете, когда совершенно ясен горизонт, из-за гор в ослепительном сиянии выплывают какие-то кровавые пятна, смешиваются с лиловым туманом и снова исчезают. День в этих краях рано идет на убыль. Тусклый, сумеречный свет льется на землю, сливается со снегом, становится все гуще, плотнее. Тени вековых деревьев удлинняются, разбегаются по тайге. И чем ближе день к концу,

тем крепче мороз, сковывающий все окрест.

Дровосеки разожгли костер, сели вокруг огня. Тряслось от холода худое, слабое тело Татоса. Разговор шел о солнце, длинных южных днях, душных ночах, о золотой осени и теплой бесснежной зиме. Татосу же виделся огурец — «зеленый, с бородавкой», виделись краснощекие помидоры.

«Может, есть у вас другая специальность? Подумайте хорошенько».

Не о чем было думать. Не владел Татос другой специальностью. Был он агрономом, агрономом Араратской долины. Разводил на берегу Аракса овощи. И вдруг здесь, у ярко полыхающего костра, Татос подумал: «А что, если дерзнуть? Ведь дерзновением достигли люди всего нового...».

Весной, когда пришли в движение сгрудившиеся, словно горы, дремучие льды и, подталкивая друг друга, влились в Колыму, Татос решил пойти к Уласовскому. Долго говорил он о своих думах, мечтах.

— Мы можем выращивать здесь, на севере, свои огурцы, помидоры, капусту...

Не раз еще возвращались они к этому разговору. Татос убеждал Уласовского:

— Из смеси земли и навоза сделаю стаканчики, в тепличных условиях выращу рассаду огурцов. Потом посажу стаканчики в землю. Как родное дитя, буду лелеять ростки...

Уласовский слушал и думал о том, сколько неудержимой силы и смелой фантазии у этого невысокого, маленького человека.

Через некоторое время Уласовский поехал в Магадан, рассказал, кому следует, о замыслах Татоса.

Обещали помочь, отпустить денежные средства. Сказали — пусть ставит опыты.

И Татос приступил к делу. Маленькая теплица, построенная для

его опытов, вскоре стала предметом внимания всего Сусумана. Люди охотно помогали Татосу в земляных работах. А когда зацвели кусты помидора, Уласовский даже на ночь стал оставаться у Татоса. Жадно, словно не в силах насытиться, вдыхал он их аромат.

Именно в эти дни на анкете Татевоса Степаняна Уласовский большими буквами вывел слово «агроном» и подчеркнул написанное.

...

Ночь была темная, зимняя, и тропинка, по которой шли я и Хоменко, терялась во мраке. Шагали мы задумчиво, молчаливо. Хоменко еще не привык к тайге, страшился ее, мерз.

— Вернемся, Ян, — прошептал он, схватив меня за рукав.

Я успел уже подружиться с Николаем Николаевичем Хоменко. Это был добрый, хороший человек. Часто засиживались мы с ним у ярко полыхающего костра, и Хоменко пел. Голос у него был мягкий, на редкость приятный...

Сейчас он требовал, чтобы мы вернулись.

— Нет! — отвечал я сердито и продолжал идти вперед. Пройдя несколько шагов, я сдвинул шерстяную сетку, закрывавшую лицо, и затащил песню. Пел я тихо, очень тихо. И вдруг услышал, как ко мне присоединился Хоменко. Песня изменила его настроение. Мрачная тайга словно стала радушной, мороз мягче, и даже туман заколыхался, отступил.

— Куница, белая куница! — закричал Хоменко.

Животное наострило уши, на какое-то мгновение замерло, метнулось и вдруг исчезло.

На снегу были разбросаны какие-то зерна, семена.

— Ян, это огуречные семена!

Мы не верили своим глазам — это действительно были огуречные семена.

Мороз все усиливался. Снег от-

давал синевой, туман, клубясь, отступал к востоку. Молчала тайга. Мы разожгли костер.

— Куница откуда-то тащила эти семена, — сказал Хоменко.

Отблеск пламени скользнул по снегу, то удлиняясь, то укорачиваясь, костер то ярко вспыхивал, разгорался, то трепетно замирал. Казалось, тьма становится все гуще, плотнее.

Хоменко заметил вдруг следы белой куницы. Словно бусинки, тянулись они по снегу.

— Пойдем, Ян, — сказал Хоменко и шагнул вперед.

Вдруг он остановился, удивленно взглянул на меня. Неподалеку, возле большого дерева, поднимались струйки пара, их было довольно много. Здесь, возле узкой щели, и кончались следы белой куницы. Нам все стало ясно. Нарты, встречать которые так поздно вышли мы в тайгу, остановились на ночной привал здесь, возле большого дерева. Первыми проснулись собаки, запряженные в нарты. Потом из спальных мешков вылезли три парня — одинаково одетые, одного роста. Средний, улыбаясь, подошел к нам, сказал:

— Не стоило беспокоиться, мы и сами нашли бы дорогу к руслу реки.

Еще накануне Тато¹ предупредил нас, что ночью надо будет выйти встретить нарты, спускающиеся с гор, и проводить их к долине реки Сусуман. Еще он сказал, что нарты посланы по очень важному делу, спешат к месту слияния двух рек и, помолчав, добавил: «Если будет необходимость, проводите нарты до теплиц Татоса».

Видимо, эти три парня и были людьми, спецившими «по очень важному делу».

Торопливо запрягли они нарты и двинулись по направлению к теплицам Татоса.

Мы заметили на нартах поклажу, тщательно завернутую в оленьи шкуры.

— Семена, — объяснил нам один из парней, — этим летом будем иметь свои огурцы, помидоры, капусту. У слияния рек Сусуман и Берелех организуется овощеводческий совхоз.

— Ян, — заговорил, наконец, Хоменко, когда нарты исчезли вдали, — Ян, ты что-нибудь понял?

— Понял, — тихо отвечал я.

— Огурцы, помидоры... Не могу представить, — прошептал он и остановился, чтобы разжечь погасшую трубку.

— Может, теперь уже не будет необходимости «представить». Может, своими глазами увидим...

— Ты думаешь, если посадить семена, можно вырастить здесь огурцы?.. Огурцы среди льдов?.. Не знаю! — разгорячился вдруг Хоменко, — не понимаю, что это за человек — Татос!

Наступило лето, жаркое и душное лето. Солнце круглые сутки не покидало небосвод. Лишь в полночь оно спускалось к горизонту, чуть отклонялось к горам и снова потом подымалось.

Если бы не было часов и сон в привычное время не смежал уставшие веки, понятия дня и ночи слились бы, исчезли.

Такие они, белые ночи в окрестностях реки Колымы.

В три часа дня Тато позвал своего сына — Олчана.

— Приготовь плот! Едем в долину Сусумана посмотреть теплицы Татоса...

Исток реки был узким, с лесистыми берегами. Но чем дальше продвигался наш плот, тем шире, полноводнее становилась река, реже — деревья. Вот уже скрылась из виду гора Маржот и, наконец, вечером, когда птицы потянулись на ночевку вглубь тайги, перед нами открылась долина реки Сусуман. Вдали шумела, рокотала мно-

¹ Т а т о — герой рассказов из цикла «Тайга».

говодная река Берелех. Она брала свое начало в высоких горах и, разрушая берега, пенясь и клопоча, неслась к Сусуманской долине. Здесь сливались две реки и, сдерживая свой разбег, разливались по долине, орошали ее землю.

Еще издали внимание наше привлекла вереница стеклянных перекрытий. Косые лучи солнца отражались в стеклах, переливались всеми цветами радуги. Чем ближе подходили мы, тем меньше становилось мерцание этих маленьких солнц.

— Сусуманский совхоз, — с гордостью произнес Тато.

Перед нами открылось бесконечное множество парников, целый парниковый поселок. Под стеклянными перекрытиями буйно вилась зелень.

Хоменко как-то неожиданно заволновался, растерянно снял шляпу и присел у парника. За ровными рядами огурцов высились стебли помидоров, а чуть поодаль, подобно свернувшимся чашечкам лилий, белели небольшие головки капусты. Хоменко наклонился к одному из парников, сдвинул стеклянную раму и, сорвав зеленый лист, размял его в пальцах.

Глаза его наполнились слезами. Дурманящий ли запах зелени опьянил его? Воспоминания о родной Украине?..

— Не ожидал, — заговорил он вдруг, — не верил... Не верил!..

Мы присели рядом с ним, взволнованные, смущенные. Тато от потрясения казался каким-то холодным, даже безразличным. Он пы-

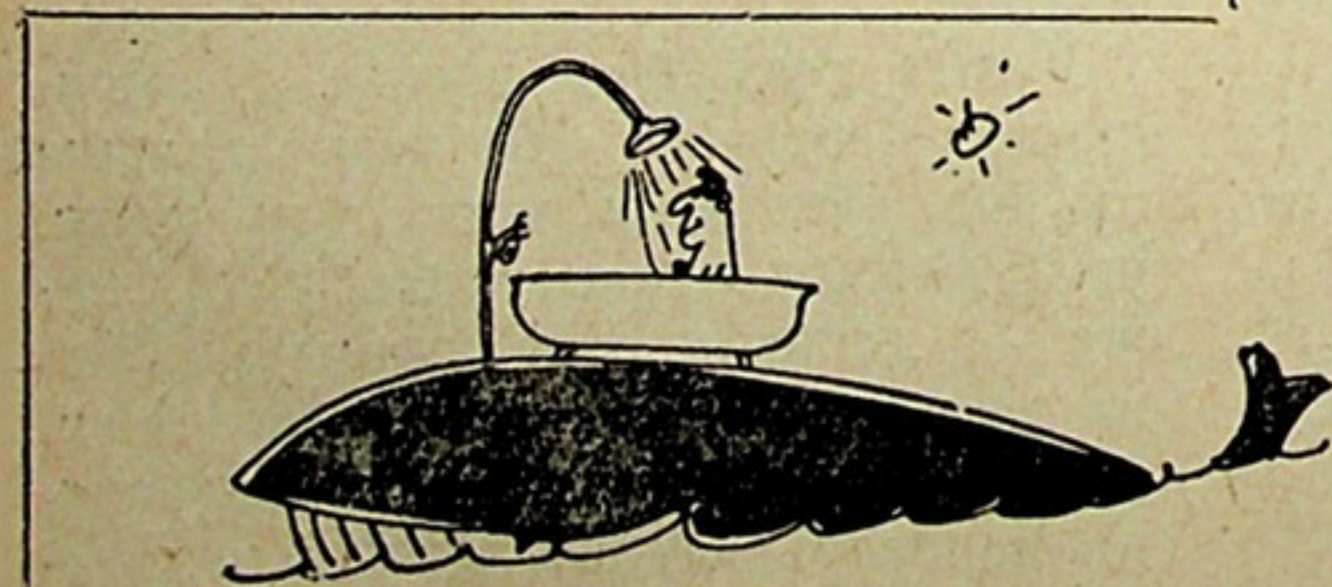
тался понять, осознать виденное... И в это время мимо нас промчалась белая куница. Она была маленькой, как котенок, на острой мордочке блестели черные, удивительно красивые глазенки.

— Семена, семена! — закричал Хоменко. — Это она рассыпала по снегу первые семена!

И припомнилась ему ночная тайга, нарты, припомнились парни, которые в суровую ночь через покрытое льдами русло рек спешили в Сусуманскую долину, везли семена для теплицы Татоса Степаняна.

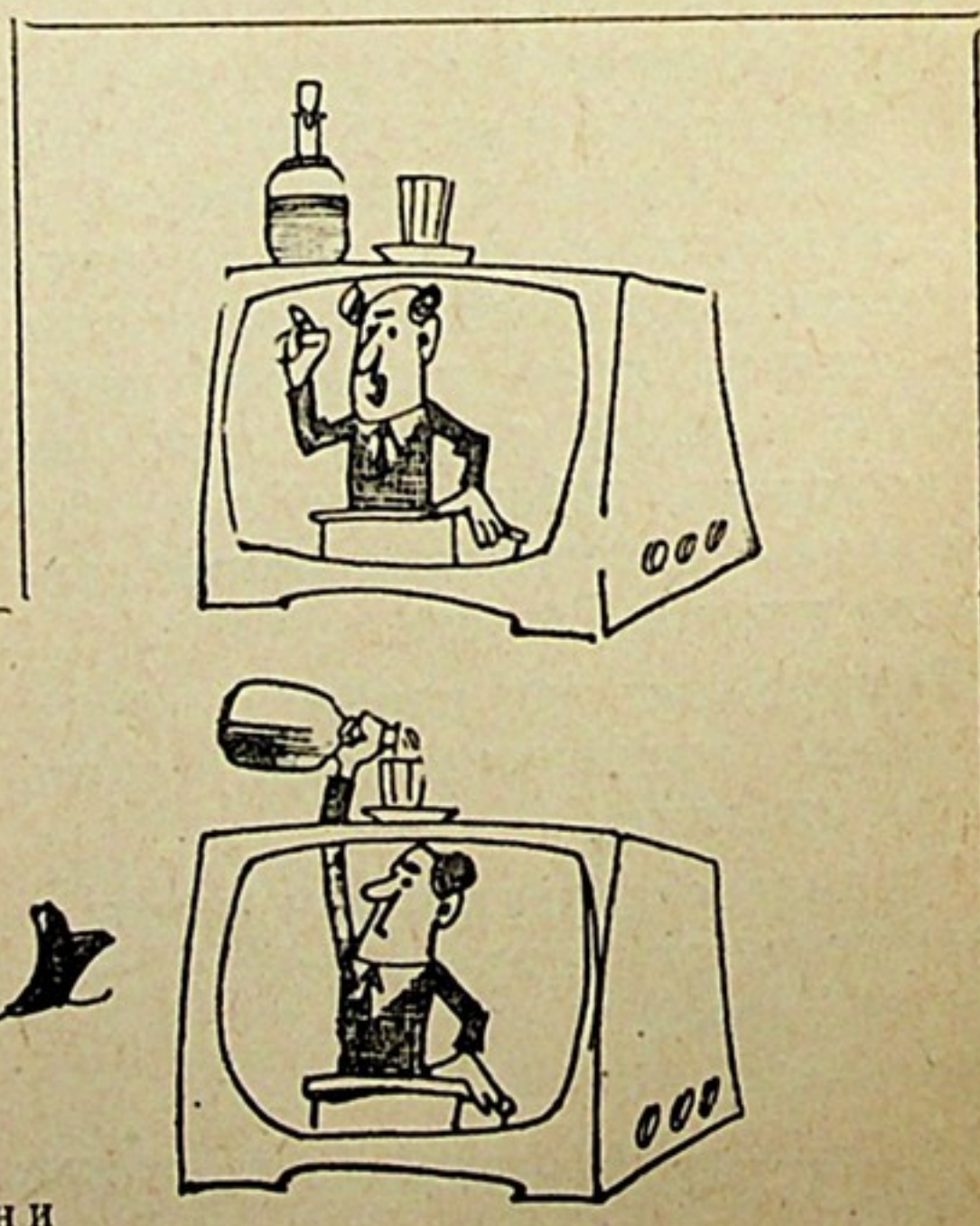
Все это вспомнил Хоменко. Встал, бросил еще один взгляд на буйно цветущую зелень и, бережно расправив смятый в пальцах листок, сложил его и спрятал во внутренний карман.

Было десять часов ночи. Но солнечные лучи еще сверкали на стеклах парников, еще не свернулись лепестки цветов на помидорных и огуречных грядках. Когда мы уже собирались домой, в конце парникового поселка показались агроном Татос Степанян и ставший его постоянным спутником Уласовский. Они закрывали рамами парники, чтобы зелень спокойно и безмятежно дремала в ночи.

Изошутки.

Худ. А. Вагуни

Путешествие по Армении

Гаро ТЕВОСЯН

Ереван, 1963

Приступая к рассказу о сегодняшнем Ереване, я заранее хочу сделать одну оговорку.

В бурно растущей армянской столице происходит так много перемен и наступают они с такой быстротой, что порою даже газеты не успевают за ними. Что же говорить об очерке, предназначенном для журнала? Но я рассчитываю на понимание и снисходительность читателя...

А теперь — несколько слов о Лебедином озере.

Нет, речь пойдет не о балете Чайковского, не о нарисованном на холсте озере и дивно пляшущих балеринах — лебедях. Имеется в виду самая настоящая вода, по которой ветер гонит нежную рябь, и настоящие лебеди, черные и белые, картинно скользящие по озеру к несказанному восторгу детворы, собравшейся на берегах.

А как хороши эти берега, покрытые сочной изумрудной травой и алыми тюльпанами! А островок посреди с бьющим из камня родником!

Тот, кто бывал в нашем городе, несомненно помнит чудесный тенистый парк вокруг здания театра оперы и балета — замечательного творения талантливейшего армянского зодчего, покойного академика А. Таманяна. Этому парку до последнего времени не хватало водного зеркала. Теперь оно есть — вот это самое озеро с лебедями, повторяющее очертания Севана. Маленький Севан в Ереване, принесший в этот уголок города горную прохладу!

Я не зря начал свой рассказ о столи-

це Армении с описания озера, которое ереванцы, словно сговорившись, окрестили Лебединым.

Благословенный ваш Тбилиси тянется вдоль крупнейшей реки Закавказья — Куры — на десятки километров. Мтквари, как вы называете Куру, недавно еще такой стремительный и буйный, а теперь, после сооружения плотины Ортачальской ГЭС, ставший многоводным и спокойным, мерно плещется меж нескончаемых гранитных набережных в пышном зеленом убранстве. Великолепное украшение города! И не только украшение.

Не то в Ереване. Большая из двух его рек — Раздан (есть еще речка Гедар) рокошет на дне глубокого каньона. Раньше на его левом берегу город обрывался.

Сейчас Ереван далеко перешагнул за Раздан, и именно на его правобережье сооружается крупнейший жилищный массив, так называемые Ереванские Черемушки, рассчитанные на 80—100 тысяч жителей. Таким образом река вошла в городскую черту. И хотя роль Раздана, как средства украшения и благоустройства, неизмеримо возросла и продолжает расти, все же он не сможет стать для нас тем, чем является Кура для Тбилиси. Поэтому ереванским строителям приходится заботиться о создании иных водных поверхностей. Вот почему все больше появляется у нас озер, бассейнов, фонтанов, каналов. В этом — одно из новейших качеств нашей градостроительной практики.

За несколько дней до заполнения

Лебединого озера заплескали волны на другом, в несколько раз более обширном, искусственном озере, созданном в парке культуры и отдыха «Победа». Здесь будут пляжи, водная станция.

Крупные водоемы строятся в пригороде Кохбет и других местах.

А кто из гостей нашей столицы не восторгался великолепными бассейнами с фонтанами на площадях Ленина, Шаумяна, Спандаряна, Вокзальной?

В городе построены и строятся павильоны для кафе, и некоторые из них — с небольшими, разнообразной конфигурации бассейнами, органически вписанными в общий архитектурный облик сооружения.

Реконструкция ряда улиц и кварталов Еревана также предусматривает создание новых водоемов.

И все же главное место в общем плане водного строительства занимает Раздан. Здесь имеются богатые возможности организации зон отдыха для ереванцев. В каньоне создается система парков, композиционно связанных друг с другом осью реки. Эта система тянется на 10 километров, и сейчас в нижнем и в верхнем ее концах ускоренными темпами ведутся большие строительные работы.

В южной части столицы в русле Раздана насыпается широкая дамба-плотина, которая, перегородив реку, образует в обширной котловине искусственное водохранилище — «Ереванское море». По плотине пройдут автобусные, троллейбусные и трамвайные маршруты, кратчайшим путем связывающие густонаселенные нагорные жилые массивы с промышленным Ленинским районом. А на берегах «моря» будет разбит парк с песчаными пляжами и лодочными пристанями, ресторанами и кафе, кинотеатром и другими парковыми сооружениями.

Шесть небольших плотин строится на верхнем конце каньона. Всего таких плотин здесь будет 24. Они создадут на реке целый каскад больших водоемов со спокойным течением, с пляжами и физкультурными площадками на берегах.

Так приходит в Ереван «Большая вода».

А зеленое строительство? Никогда еще оно не имело такого размаха и, главное, такой целеустремленности. Не будем говорить о лесопарковой зоне, опоясавшей склоны, окружающие центральное ядро города, или о парках и садах, появившихся во всех районах. Они в некотором роде являются пройденным этапом. Я хочу отметить два качественно новых явления в озеленении столицы. Первое — тротуары на многих улицах, обсаженные двумя рядами деревьев, превращаются в тени-

стые аллеи. Второе — широко внедряется так называемое вертикальное озеленение. Нынешней весной у стен домов были высажены 10 тысяч кустов розы и дикого винограда. Они разрослись и стали покрывать дома зеленым ковром.

Традиционными становятся конкурсы на лучшее озеленение балконов, лоджий, веранд и окон.

Так вместе с водой подобающее ему место занимает в городе «Зеленый друг».

* * *

Сегодняшний Ереван — это город широких проспектов, просторных площадей и обширных парков, замечательных архитектурных ансамблей, монументальных нарядных зданий из естественного строительного камня различных цветов и оттенков — розового, оранжевого и красного туфа, зеленого и черного базальта, серого и розового трахита.

В то же время наш город — это огромная строительная площадка. Пожалуй, нет в нем такой улицы, на которой вы не встретите новостроек. Строятся заводы, жилые дома и общественные здания, мосты, водопроводные, канализационные и газовые магистрали, благоустраиваются площади и улицы.

Никогда строительство не велось в таких масштабах, как в пятом году семилетки. Одновременно застраиваются целые массивы, такие, как Ереванские Черемушки, где уже сейчас живет гораздо больше людей, чем их было во всей дореволюционной Эривани, как массивы в Нор-Зейтуне, Чарбахе, Верин Шенгавите, Нор-Ареше. Это на периферии. Но комплексное, целыми кварталами, строительство развернулось в текущем году и в центральном ядре города — на улицах Абовяна, Комитаса и пересекающих их магистралях, на площади Азизбекова. Пробиваются целые улицы — Ханджяна, Мравяна, Пионерская, Саят-Новы.

Забота о всестороннем удовлетворении материальных и культурных потребностей советского человека, которую повседневно проявляет Коммунистическая партия, ярко ощущается и в строительстве Еревана, в его сегодняшнем облике.

...Прямая, асфальтированная, обсаженная деревьями улица подводит вас к покрытой цветниками обширной площади. Слева и справа — облицованные знаменитым арктическим туфом здания. Напротив, в узорной чугунной ограде — ворота. Вы входите и оказываетесь в парке. Множество деревьев, кустарники, цветы. По сторонам — широкие аллеи. Вдоль них, окруженные де-

ревьями, многоэтажные корпуса с огромными окнами.

Это — один из многочисленных промышленных гигантов столицы — электромашиностроительный завод имени В. И. Ленина, продукция которого отправляется в десятки стран мира. Завод-сад.

Таким же выглядит завод синтетического каучука имени С. Кирова, с той разницей, что в его парке сооружен обширный плавательный бассейн.

Таковы алюминиевый завод «Каназ», станкостроительный имени Ф. Дзержинского и многие другие предприятия.

Они решительно опровергают старое представление о производственных постройках, как сооружениях, лишенных архитектурного оформления, скучных, однообразных. В их цехах просторно, чисто, много света и воздуха. Они оснащены первоклассным, совершенным оборудованием, автоматикой, различными техническими приспособлениями, облегчающими труд. К услугам рабочих — душевые, комнаты отдыха, красные уголки, библиотеки, читальни.

Повсюду — проявление заботы о человеке, о труженике...

Побывайте в основных промышленных районах Еревана — имени Ленина и имени 26 комиссаров. Вы не увидите копоти и дыма, тесноты и неразберихи, присущих старым заводским районам, составляющих неизменную принадлежность окраин капиталистических городов. Напротив — здесь правильная планировка, умелое размещение цехов, простор, обилие солнца, чистота воздуха, масса деревьев — многие ереванские заводы просто не увидишь за сплошной стеной окружающей их зелени.

Таково еще одно проявление того качественно нового, что прочно вошло в строительную действительность столицы Армении.

Прекрасно утро осеннего Еревана!

Первые лучи солнца, окрасив в розовый цвет снежные громады Арарата, словно плывущего в голубом небе, медленно спускаются вниз, в долину, на краю которой раскинулся мой город. И вот, озаренные солнцем, сверкают, переливаются красками розовокаменные дворцы Еревана в оправе из пылающих багрянцем и золотом садов.

Город просыпается и начинает свой день, наполненный, как и все его дни, замечательными трудовыми свершениями.

Чем же встречают ереванцы 43-ю годовщину установления Советской власти в Армении?

Многогранная промышленность горо-

да досрочно выполнила одиннадцатилетний план. Это значит — страна дополнительно получила на миллионы рублей станков, машин, приборов, химических продуктов, алюминия, шелковых и шерстяных тканей, десятки видов других изделий.

Гордость промышленного Еревана — завод имени С. Кирова, первенец «Большой химии» республики. В бытность свою в Ереване на праздновании сорокалетия Советской Армении Никита Сергеевич Хрущев дал высокую оценку его работе. Это воодушевило кировцев на борьбу за новые трудовые успехи. Нынешний год для них оказался особенно знаменательным — завод стал предприятием коммунистического труда. Много достижений у славного коллектива, но мы скажем о главном из них. В этом году кировцы освоили выпуск синтетического каучука нового типа — наирита КР, значительно превосходящего прежние виды. Кстати, ереванцы сумели сделать наирит самым дешевым среди всех синтетических каучуков, производимых в СССР.

Вот несколько данных, красноречиво говорящих о непрерывном росте этого предприятия. За последние годы все основные технологические процессы были автоматизированы. Это позволило увеличить объем производства более чем в три раза, снизить удельный расход сырья на 30 процентов, утроить производительность труда, уменьшить наполовину себестоимость. А к концу семилетки выпуск каучука, каустической соды и другой продукции увеличится еще в два раза по сравнению с нынешним годом!

...Цех № 30—30-а. Именно здесь, в конце длинного ряда сложнейших химических превращений, получают окончательный продукт, синтетический каучук наирит, название которого уводит нас вглубь тысячелетий, в страну Наири — древнюю колыбель армянского народа.

Людей в цехе мало — автоматизация. Двое-трое — у гигантских установок, в недрах которых происходят таинственные для непосвященных процессы полимеризации, другие — у конвейера, на котором движется бесконечная лента еще сырого каучука, двое — внизу, где упаковывается готовая продукция. Это — лучшая на заводе коммунистическая бригада аппаратчиков, возглавляемая депутатом Верховного Совета СССР С. Петросяном. Бригада, в которой наряду с опытными производственниками С. Петросяном, А. Мхитаряном и А. Вартаняном, трудятся молодые аппаратчики Г. Вартанян, В. Казарян, С. Малхасян, неизменно выполняет план и дает только высоко-

сортную продукцию. Она уже сэкономила десятки тонн сырья и много электроэнергии.

А вот другое химическое предприятие Еревана — завод «Поливинилацетат». В этом году здесь начал работать так называемый комплекс ацетилцеллюлозы, дающий сырье для искусственного волокна. Впервые в стране именно у нас ацетилцеллюлозу стали вырабатывать непрерывным способом.

«Поливинилацетат» выпускает 25 важнейших видов синтетической продукции, среди них — электроизоляционные материалы. Новый изоляционный материал, который недавно получили армянские химики, экономит столько средств, сколько требуется для строительства трех крупных электротехнических заводов. Он позволит отказаться от сотен тысяч тонн шелка, хлопчатобумажной ткани, растительных масел, используемых для изоляции электропроводов. Замечательно, не правда ли?

И вот еще — в этом году дали ток два агрегата первой в Армении крупной Ереванской теплоэлектростанции на 550 тысяч киловатт установленной мощности, вступила в строй фабрика пианино производительностью в 10 000 инструментов в год, заработали новые цехи и отделения на многих других предприятиях.

Нет никакой возможности рассказать обо всем том, чего достиг индустриальный Ереван. Но об одном хочется сказать обязательно. За годы Советской власти выпуск промышленной продукции в Армении возрос в 90 раз. А в настоящее время республика экспортирует около ста наименований своих изделий в 52 зарубежные страны, в том числе и в такие высокоразвитые, как Англия. Туда мы посылаем, в частности, электродвигатели и часы. Вдумайтесь в это — ереванцы, которые сорок-пятьдесят лет назад могли только мечтать об освещении улиц родного города, сегодня посылают Англии электрические машины...

Кстати, об освещении улиц.

Поистине сказочное зрелище представляет собою наш город в ночную пору. Подниметесь на Канакерское плато, посмотрите на горящую мириадами огней столицу. Говорят, нет ничего прекраснее звездного неба. Но право же, красота его меркнет перед сиянием ночного Еревана.

• • •

...Смуглолицый человек с густой белоснежной шевелюрой, наклонившись над глыбой базальта, сосредоточенно обтесывал камень.

Как зачарованный, смотрел я на

скупые и четкие движения его больших, огрубевших рук, искусно выводящих тончайший узор орнамента.

Человек работал увлеченно, молот в его руке пел-звенел, каменная пыль оседала вокруг.

Вдруг он поднял голову и посмотрел на меня неожиданно молодыми глазами.

— Вы мастер Хачик? — спросил я.

— Да, это я...

Так состоялось мое знакомство с прославленным каменщиком, Героем Социалистического Труда Хачиком Кошкакаряном. Позже я с ним встречался не один раз, и постепенно вся жизнь варпета¹ Хачика, как его называют все, раскрылась передо мной. Это была обычная жизнь армянина-труженика, почувствовавшего себя полноправным человеком лишь после Великого Октября.

Его отец тоже был каменщиком. Но переходя в поисках работы с места на место, сложив десятки домов на турецкой земле, он не смог построить свой собственный очаг. И когда юный Хачик однажды сказал ему, что и он хочет строить дома, старый Саргис покачал головой. Он хотел для сына иной, более счастливой судьбы.

Прошли годы. Разразилась первая мировая война. Спасаясь от ужасов резни, учиненной турецкими янычарами, Кошкакаряны вместе с десятками тысяч армянских семей бежали в Россию. Грянула Октябрьская революция, и началась новая жизнь. Саргис получил работу, поставил на ноги семью, а в 1929 году переехал в Советскую Армению.

Тогда Ереван только начинал строиться. Повсюду нужны были строители, и Хачик стал каменщиком. Он работал с отцом на строительстве первой Ереванской ГЭС. На первых порах — в качестве чернорабочего, как и его младший брат Геворк. Братья трудились и одновременно учились. Через год Хачик стал строить табачную фабрику.

Шли годы, росло мастерство. Рос и счет построенных Кошкакаряном домов. Высоко оценила Родина самоотверженный труд Хачика Кошкакаряна, человека неисчерпаемой энергии и пылливой мысли. Он первым среди строителей республики получил звание Героя Социалистического Труда.

Мог ли мечтать о таком его отец?

¹ Варпет переводится на русский язык как «мастер». Однако у армян это слово означает нечто большее, чем просто мастер. Варпетом, например, народ называл при жизни и продолжает называть и теперь великого армянского поэта Аветика Исаакяна.

Немало в Ереване и его окрестностях можно насчитать зданий, построенных варпетом Кошкакьяном. И немало строителей, обученных и воспитанных им, можно встретить в разных уголках республики.

Золотыми руками таких людей, как варпет Хачик, усилиями тысяч подобных ему искусных мастеров строительного дела воздвигнут красавец Ереван, построены многочисленные новые города и села Армении.

Всенародным почетом и уважением окружен у нас труд строителя.

* * *

В северной части города за последние два года возникла одна из прекраснейших магистралей столицы — Тбилисский проспект. Плавно поднимается к Канакерским высотам широкая улица с тремя рядами газонов — у тротуаров и посреди мостовой, с кварталами пяти-шестиэтажных домов по сторонам.

Я иду по проспекту, люблю его оживлением. Потоки сверкающих лаком и никелем легковых автомашин, огромные автобусы, толпы людей на тротуарах... А ведь совсем недавно вокруг было открытое каменистое пространство, пустота, безмолвие.

Строительство на новом проспекте продолжается. Вот еще одна площадка. Я спрашиваю рабочего:

— Друг, что строите?

— Высотный дом! В двенадцать этажей...

Итак, началось строительство высотных зданий. Мы ждали этого. Их будет в Ереване немало — девяти, двенадцати, четырнадцатиэтажных домов. Они запроектированы, «привязаны» к месту.

Это — завтрашний день Еревана и, чтобы заглянуть в него, давайте обратимся к главному архитектору армянской столицы Э. А. Сарапяну.

От Эдуарда Аветовича мы узнаем, что действовавший до настоящего времени генеральный план развития Еревана пересматривается в соответствии с решениями XXII съезда КПСС. Город будет развиваться темпами, принятыми для всей страны и всего народного хозяйства, в две очереди — первая до 1970 и вторая — до 1980 года.

* * *

Дальнейшее развитие города будет осуществляться по принципу создания микрорайонов, обеспеченных всеми видами обслуживания населения. Основой жилого микрорайона является школа. Типовое школьное здание рассчитано на 960 учащихся. На каждую тысячу ереванцев в среднем приходит-

ся около 150—160 школьников. Микрорайоны проектируются с таким расчетом, чтобы дети могли пройти к школе озелененными дворами, не пересекая улиц с оживленным транспортным движением.

В зону обслуживания микрорайонов входят предприятия, торгующие предметами первой необходимости, спортивная площадка, открытый плавательный бассейн, кинотеатр. Группа таких микрорайонов составит один жилой район.

В новых районах не будет улиц в нашем сегодняшнем представлении — со сплошной линией домов. Напротив, дома будут стоять свободно, окруженные зеленью, как бы вкрапленные в пятна парков и садов.

Строительство микрорайонов — это, в некотором роде, отдаленное будущее, перспектива, заканчивающаяся семидесятыми годами. Вернемся к тому, что будет сделано, так сказать, завтра — в ближайшие год-два. Для этого нам надо вновь отправиться в прогулку по городу, в качестве путеводителя взяв сведения, полученные у главного архитектора.

Куда пойти, с чего начать? Маршрутов много — ведь реконструкция и строительство охватывают весь город.

Вы слышали о Северном проспекте? Так назвал автор первого генплана развития Еревана академик Таманян улицу, которая должна была соединить центральную площадь города с площадью театра оперы. А о Северном каскаде, продолжающем линию этого проспекта за театром? Так вот, Северный каскад частично готов. Это улица Таманяна, обращенная в сторону оперы двумя десятиэтажными зданиями-башнями. Она представляет собою широкий бульвар с тремя бассейнами и фонтанами. Сейчас бульвар упирается в подножие склона, где построен четвертый, самый большой, бассейн с искусственным водопадом. За ним, по склону и будет продолжен Северный каскад. Бесшумные эскалаторы,двигающиеся в крытых галереях, защищенных от зноя и холода, быстро поднимут вас на Канакерское плато, где раскинулся замечательный парк и откуда открывается чарующая панорама столицы Армении.

Что же касается Северного проспекта, то наши градостроители теперь окончательно отказались от него как от обычной улицы-коридора. Будет создана анфилада скверов, связанных друг с другом широкой центральной аллеей. В центре города появится новый зеленый массив с бассейнами и фонтанами — чудесное место для прогулок.

Пройдя на восток от здания оперы, вы окажетесь еще на одной строительной площадке, вытянувшейся на добрый километр. Совсем недавно здесь пыль стояла столбом — сносились сразу десятки отживших свой век домов, еще уцелевших среди новой застройки. Исчезли они, и как-то сразу, на всем своем протяжении проступила новая улица. Великолепно оформленная, она теперь носит имя великого поэта и ашуга Саят-Новы, юбилей которого на днях отметило все прогрессивное человечество.

Улица Саят-Новы пересекает так называемый кольцевой бульвар. Здесь тоже ведется большое наступление. Плавной полутораклометровой дугой вытянулась вдоль правого берега Гедара (помните вторую из двух ереванских рек?) новая магистраль — улица Ханджяна, вступившая в строй в минувшем году. Параллельно ей, по другую сторону реки пробивается улица Мравяна. Между ними — широкая полоса старых домов с индивидуальными садами. Эти дома сносятся, на их месте, среди зелени, сооружаются кафе, теннисные корты и плавательные бассейны. Русло Гедара выпрямляется, возводятся стены набережных. Со временем невысокие плотины перегородят его, поднимут уровень немногочисленного сейчас Гедара, образовав красивые водные ступени. А в конце бульвара, там, где он упирается в Октябрьский проспект, будет создано еще одно большое озеро.

Пойдем по кольцевому бульвару назад, к Северному каскаду. Здесь его окаймляет уже не улица Ханджяна, а Московская. Следуя по ней, вы вновь оказываетесь в районе интенсивного строительства. Скоро Московская улица пробьется сквозь хаос старинной застройки у подножья Кондской возвышенности, пройдет по мосту над входами в туннели, ведущие в Разданское ущелье, и соединится с улицей Маркса. У строящегося панорамного кинотеатра кольцо замкнется. Город получит удобную транспортную артерию: Московская—Ханджяна—Маркса, опоясывающую центральное ядро столицы.

О многом можно было бы еще рассказать. Например, о строительстве комплекса высотных домов между пло-

щадью имени С. Шаумяна и улицей 26 комиссаров, о предстоящей в будущем году коренной перестройке одного из стариннейших районов города — Конда, где на смену глинобитным лачугам и лабиринту узких улочек придут опять же высотные дома, улицы-бульвары, зеленый театр.

А новый парк на противоположных Конду склонах Саритага, к которому протянется канатная дорога? А проект использования части трассы железной дороги Ереван—Севан в качестве внутригородской транспортной связи (поезда пойдут в обход города, по новой трассе)?..

Кипучей культурной жизнью живет Ереван — город вузов и многочисленных научно-исследовательских учреждений, талантливых театральных коллективов и богатейших музеев, клубов и библиотек, среди которых — мировая сокровищница культуры, хранилище древних рукописей Матенадаран. В Ереване живут и трудятся ученые, артисты и художники с мировым именем, и рядом с ними растет молодая талантливая поросль деятелей науки и культуры.

Культурные будни Еревана богаты событиями: научными съездами и конференциями, часто всесоюзного и закавказского масштаба, художественными фестивалями, крупными спортивными состязаниями, гастрольными концертами, творческими встречами, выставками и конкурсами.

Наш город привлекает тысячу гостей, и с каждым годом растет поток туристов, приезжающих к нам из советских республик и зарубежных государств. Достаточно сказать, что только в одном международном молодежном туристском лагере «Ласточка», открытом этим летом, побывало свыше трех тысяч юношей и девушек из многих стран мира.

Таков нынче Ереван.

В ближайшие годы город отметит свое 2750-летие. В необычайном расцвете, в непрестанном росте и обновлении, в победоносном движении к коммунизму встречает эту дату древний Ереван — молодая столица возрожденного армянского народа.

Грант БАГРАЗЯН

Голубые артерии плодородия

Первое, что открывается взору человека, попавшего в Армению, — это далекий силуэт величественного Арарата, голубой Севан, юные города и молодая промышленность, это сдержанная строгость архитектуры Эчмиадзина и виноградники Арташата, мудрость Матенадарана и сады Аштарака. Но мало кто знает, что в Армении есть еще и киры.

Севан, Кармир-блур, Матенадаран, Эчмиадзин и Звартноц — это романтика страны, её поэзия. Киры же — сама проза, будни её. Романтическое всегда было на виду. Им гордились. А вот прозу порой несправедливо замалчивали. Однако киры — это тяжкий, упорный труд людей, их доблесть и мужество, в которых утверждался характер народа.

В окне автобуса — унылый, однообразный пейзаж. Зыбкий, неустойчивый, подрагивающий — вверх, вниз, в стороны. Мы едем в Талинский район. Жарко. Вокруг голо, пустынно, мертво. В автобусе установилась тягостная тишина: смолкли все разговоры. И виной тому, думается, угрюмый вид местности, по которой мы проезжаем.

За окном — камни, пустошь. Жаркое солнце крепко поработало здесь, чтобы выжечь всю растительность до последней травинки. На склонах этих гор не услышать журчания родников, шума лесов, ласкового шелеста трав. Край нехоженых земель, непуганой тишины: и птица не пролетит, и зверь не пробежит. Недобрая земля! — говорят в народе.

Представляется мне первый труженик на этой земле. Пришел он в этот край жадный до работы, со страстным желанием пахать, сеять, растить, строить. Пришел и увидел землю, испепеленную огнем солнца, покореженную. Но не возроптал на свою судьбу человек, а взялся за работу. И начал переделывать свой край — скупой, неласковый.

Неравная, не затихающая ни на один день многотрудная борьба! И пролегли в каменной пустыне оросительные каналы. Появились оазисы, все шире растекались островки жизни, все дальше отступали камни перед упорством человека. Там же, где они не отступали, — вырастали крепости, храмы, города и веси.

Таковы киры. Бесплодные, лишённые влаги каменистые земли. Площадь их и поныне очень велика. Борьба за землю продолжается. В «бой» вступают новые и новые армии покорителей каменной целины. Им придается могучая современная техника. Работы развернулись на промадной территории. Талин, Веди, Октемберян, Аштарак, Котайк, Арташат, Ноемберян. Сотни тысяч гектаров пустующих земель. Много винограда, хлеба, плодов могли бы они дать. Но не дают. А все потому, что нет воды. Есть солнце, много солнца, но нет воды.

В Армении каждый школьник знает цену воде. И неспроста наши мудрые прадеды оставили после себя наивный, как лепет ребенка, искрометный Вардевар — праздник воды и плодородия.

Вода ныне пришла во многие места, где в ней нуждались. Не во все, правда, но пришла. Заплескались легкие волны Ширакской, Нижне-Разданской, Октемберянской, Агрличской, Котайской и Арзни-Шамирамской оросительных систем. Около двухсот каналов. Общая протяженность их почти 10 тысяч километров. Построены десятки насосных станций. Они подают воду на большую высоту, которая достигает 300—400 метров. Все это позволило освоить до 250 тысяч гектаров пустующих земель!

250 тысяч! Это почти столько же пахотной земли, сколько имеют четыре района. Вот где, оказывается, скрыты резервы сельского хозяйства горной малоземельной Армении!

А автобус все мчит и кружит нас по

горным дорогам. Изрядно помучив однообразием видов, он неожиданно вывез нас к землям одного из хозяйств, о которых говорилось выше.

Шоссе пересекает уголья совхоза на две части: по одну сторону — поселок, по другую — радующие глаз изумрудные прямоугольники виноградников, массивы садов и зеленых насаждений. Это и есть совхоз Артени, что в Талинском районе, одно из тридцати девяти мощных государственных хозяйств, заложенных на кирах.

Артени! Мало кому, даже в республике, было известно это слово менее чем 10 лет назад. И только на одном небольшом полустанке пассажир поезда Ереван — Тбилиси мог прочесть — «Артени». Но сейчас здесь торжествует жизнь. Сады и виноградники, взяв разбег, перемахнули по правую сторону шоссе, зелеными волнами остановились вдали. Земля, в щедрости и радости своей не имея предела, одаряет тысячами красок и запахов.

— Наши виноградники плодоносят уже третий сезон. В прошлом году сняли 700 тонн винограда, вместо 250 по плану. В этом году ожидаем много больше прошлогоднего, — рассказывает главный агроном совхоза Рафаэль Хачатурович Бабаян. Это человек средних лет, небольшого роста, с крупными выразительными черными глазами, густо облитый шоколадом загара, в порыжелой соломенной шляпе, в легких парусиновых стоптанных туфлях. Биография его очень проста. Учился и окончил среднюю школу в Ереване. Семья сугубо городская. Никогда не помышлял об агрономии. Больше мечтал об архитектуре. Но получилось так, что пошел в биологию, в агрономию. Пошел и увлекся, полюбил новую профессию. Окончив Ереванский сельскохозяйственный институт в 1955 году, почти в первые дни основания совхоза приехал сюда главным агрономом.

И сейчас рассказ Рафаэля Хачатуровича звучит как живая летопись освоения каменной целины. Говорит он спокойно, но в голосе его чувствуется усталость. Она угадывается и по его обугленному на солнце лицу, и по глазам, и даже по запыленной обуви. Видно, не легко ему.

— Нам только вода и нужна. А земля у нас добрая. Ведь плодородие ее копилось тысячелетиями, — продолжает Бабаян.

Плантации виноградников, поднятые на проволоку шпалер, стоят по обе стороны, как войска в каре на параде. Дорога сворачивает влево. Неожиданно навстречу из-за кустов появляется колхозный сторож. Сторож молодой, загоревший. Рубашка расстегнута. Он весело сверкает белыми зубами, приглашает в сторонку.

— Отведайте нашего маджара! Маджар! В Араратской равнине, где-нибудь в Эчмиадзинском, Арташатском или Октемберянском районе это звучало бы естественно и даже прозаично. Здесь же, в Талине, где дети никогда прежде не знали, как вообще растет виноград, слышать слово маджар несколько необычно. Но через минуту мое удивление возросло еще больше. Замечаю — сторож курд. Курд — и вдруг... виноградарство.

Курды — это народность, которая облюбовала себе «местожительство» на альпийских лугах, по соседству с прозрачными родниками. Курда редко можно было встретить в долине, а все больше в горах, ближе к солнцу. До революции курды не имели даже письменности, вели полукочевой образ жизни. Занятие их составляло главным образом скотоводство, а еще точнее — овцеводство. И когда произносилось слово курд, перед глазами вставал образ человека гордого и сильного — нечто от орла, — стерегущего отару овец, с покорно лежащим у ног волкодавом. А в вышине — яркое солнце и близко ползущие облака, и ветер, шуршащий в густом травостое.

Рафаэль Хачатурович перехватывает мой взгляд, разъясняет: из 300 семейств, живущих в совхозе, 40 семейств — курды. Они оказались хорошими виноградарями и садоводами.

Словом, все это тоже было одной из неожиданностей освоения киров.

Сторожка, куда мы вошли, встретила нас приятной прохладой. Гостеприимный хозяин-курд, расхваливая маджар собственного производства, достал со сколоченной из досок полки граненый стакан зеленого стекла, полез в небольшой бочонок, стоящий в углу, и, купая пальцы в шипящем, еще не перебродившем вине, вытянул оттуда розовато-мутный напиток. До чего же он хорош! И так как это был маджар талинский, то казался лучше многих тех, что приходилось мне пробовать в колхозах виноградарских районов. А сколько было разговоров вокруг закладки совхоза в этих местах. Многие, даже специалисты, авторитетно предрекали неудачу. Но разговоры так и остались разговорами, а дело живет.

— Урожай отменный. И не только виноград. Хорошо идут персики, груши, яблоки, разные овощи, — звучит рядом голос главного агронома.

А добрый наш хозяин-курд тем временем заглядывает нам в лица, осторожно справляется:

— Ну как? — Это относится к напитку. — Может, еще по одной?

Мы с Рафаэлем Хачатуровичем переглядываемся, соглашаемся:

— Еще по одной.

И в стакане снова шипит маджар.

— Вот и мы с виноградом! А как

трудно было учить горцев искусству садоводов и виноградарей, невозможно даже представить.

Люди нелегко приживались, рондлись с новыми местами, учились «приручать» дикую непокорную землю. И надо сказать, научились.

Вот общая характеристика совхоза. Площадь угодий — более чем 3 500 гектаров. Более половины ее — полезная площадь. Под виноградники и плодовые сады освоено более тысячи гектаров.

И глядя на эти обжитые места, на цветущие сады и виноградники, нельзя не удивляться смелости людей, рискнувших «поднять руку» на суровую стихию, их упрямству и дерзанию.

— Вот, оказывается, что могут сделать с землей человек и вода.

Вода! Память невольно подсказывает слова Владимира Ильича Ленина, адресованные коммунистам Кавказа: «Орошение прежде всего!»

В книге этот добрый совет воспринимается разумом: хорошо! Здесь же рядом с кудрявыми виноградниками, рядом с туго налитыми колосьями нив, рядом с нежным лепетом серебристых тополей они воспринимаются еще и сердцем. Материализуясь на глазах, ленинские слова приобретают значение величайшей мудрости, человечности и бесконечной доброты к людям.

Проблема освоения новых земель в Армении не ограничивается кирами. В республике (на Приараксийской низине) раскинулись громадные площади солончаков — более 30 тысяч гектаров. 30 тысяч гектаров удобной, плодородной земли убито солями! Громадная потеря для сельского хозяйства.

А можно ли освоить их?

— Можно! — отвечают сотрудники недавно созданного Республиканского института почвоведения и агрохимии.

— А как?

— Для этого придется побывать на наших опытных участках.

Это говорит директор института, кандидат сельскохозяйственных наук Грант Петрович Петросян.

— А они далеко?

— В разных районах республики. В селах Ерасхаун и Ареви Октемберянского района, в совхозах «Раздан» и «Советакан», в колхозе села Мецамор.

Итак, снова дорога. Впереди — до блеска накатанная полоса асфальта. Люди, грузы, автомашины, повозки. Живой поток. Все это течет и движется. Без остановки, как хорошо налаженный конвейер. Конвейер-дорога несет богатства южной природы. Полосатые арбузы, налитые тугие проздя винограда, румяные яблоки, кроваво-красные помидоры, желтые дыни, раз-

ные овощи. Живому конвейеру, садам и виноградникам по обе стороны дороги чудится, нет конца и края. Какое растительство, какая щедрость в природе! Мы пребываем в самом центре мощного зеленого «цикла». Какая еще пора года может сравниться с осенью Араратской долины — золотой, с ароматом фруктов, настороженной тишиной и хорошей грустью.

И неожиданно все великолепие осени куда-то исчезает, точно сквозь землю проваливается. Машина замедляет свой бег и сходит с асфальта. Перед глазами — вид, от которого больно сжимается сердце.

Грустная картина: умирающая земля. Она навсегда была вычеркнута из понятия «культурная». Одно слово — солончаки. И все это в центре благодатной Араратской равнины. Буквально в километре отсюда торжествует жизнь, а здесь на громадной площади расплозились бело-грязные пятна. Серые выцветы земли, будто парша, поразили лицо равнины.

— Оспа земли, недуг, который требует лечения, — так сказал о солончаках основоположник отечественного почвоведения Докучаев.

Голая, унылая равнина. Только кусты солянок и тамариска — белесых солелюбивых растений наводят на мысль о том, что и на этой почве может что-то произрастать. Может! Но сколько бы вы ни старались, как бы ни обрабатывали такую землю, ни ухаживали за ней, она уже не зацветет, не обрадует плодами. Солончаки — смерть для всего, что растет, что тянется вверх, живет.

— Вот на этих землях мы и работаем, — Грант Петрович достает платок, проводит им по шее, некоторое время молча обзревает поле: — Солончаки бывают различных типов, а наши — самые тяжелые. Они трудно промываемые.

...Еще десять минут езды — и перед нами неожиданно, словно видение, предстают пышно цветущие островки — оазисы среди солончаковой пустыни. Настоящие сады, виноградники, бахчи, поля.

Такими выглядят подопытные участки института. Они плодоносят уже несколько лет. И урожаи дают неплохие. Испытывается до 40 видов сельскохозяйственных культур — злаковые, овощные, пропашные. Ежегодно собирают свыше тридцати центнеров пшеницы с гектара. Процент содержания сахара в свекле, выращенной на этих землях, достигает двадцати девяти, тогда как на обычном поле он не превышает и восемнадцати. Хорошие урожаи дают плодовые и виноград.

Небольшой, но дружный коллектив

института после долгих лет изысканий предложил два новых эффективных метода «лечения» солончаков, которые оправдали себя. Первый состоит в том, что в засоленные земли вводится серная кислота. Кислота нейтрализует соли, после чего почва промывается. При втором — на засоленном участке роют траншею, насыпают или высевают нужную сельскохозяйственную культуру.

В нынешнем году в широких масштабах начались работы по освоению солончаков. Создан специальный мелиора-

тивный трест. Все засоленные земли республики будут освоены за 10—12 лет. Сколько плодов, винограда, овощей дополнительно получит страна, трудящиеся Москвы, Ленинграда, республик Прибалтики.

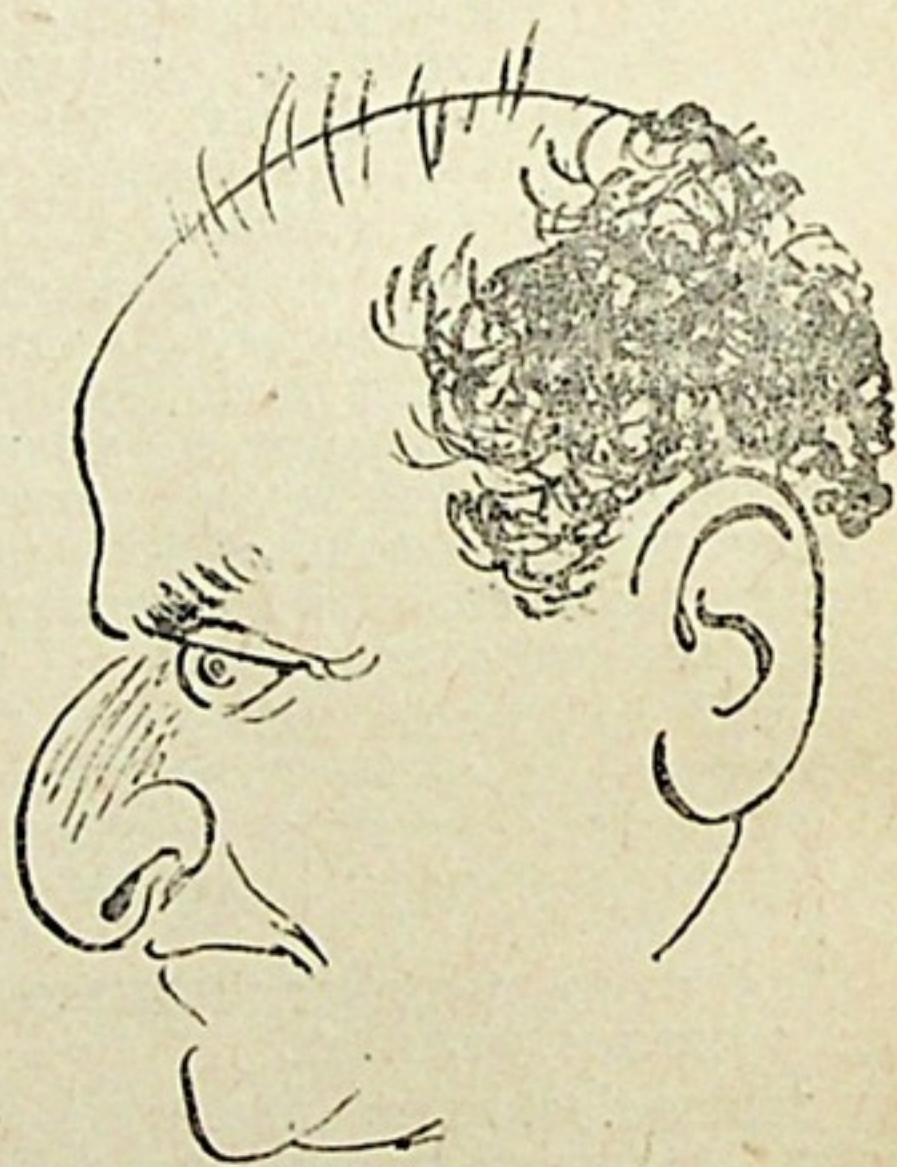
Год от года все теснее становится пустыне, все шире—пространство жизни. И глядя на эту картину возрождения, хочется торопить время, чтобы земля как можно скорее зацвела всеми красками жизни.

Зеленое наступление ширится.

Друзья о друзьях

Народный художник Армении
Габриэл Гюрджян.
Худ. С. Арутчьян

Гурген Маари.

Наш город—Кировакан...

«Караклис — большое село на берегу реки Чичхан, славящееся медом и яблоками».

«Караклис. Небольшое местечко, центр Лори-Бамбакского у. (имеются русские селения), славящегося первоклассным медом и недурным сыром».

«КИРОВАКАН (б. Караклис), город в Армянской ССР, ж.-д. станция. За годы Советской власти создана химич., текст. и пищ. пром-сть. Сельскохозяйственный техникум, педагогич., муз. и лесотехнич. училища».

Это, готовясь написать очерк о Кировакане, я роюсь во всевозможных справочниках, отыскиваю сведения об интересующем меня городе. В справочнике 1910 года он вовсе не упоминается; справочник 1922 года называет его большим селом, путеводитель по Кавказу 1927 года деликатно именует бывший Караклис небольшим местечком, энциклопедический словарь 1954 года уже называет его городом Кироваканом. И еще я знаю, что там есть первоклассный мед, яблоки и недурной сыр, а за годы Советской власти появилась «химич., текст., и пищ. пром-сть».

Каков же Кировакан сегодня?

Точка зрения старожила

Летний вечер. Мы сидим на балконе и пьем чай. Мы — это механик карбидного цеха Кироваканского химкомбината Артавазд Аракелян и я. Мои цитаты из справочников вызывают у Артавазда улыбку.

— Да, это верно, когда-то наш Кировакан был большим селом, потом его стали называть курортным местечком. Потом приехали изыскатели. Ходили, что-то осматривали, что-то измеряли. Началась подготовка к строительству карбидного завода. Тогда мы даже не знали, что такое карбид. И смешно было, когда пришельцы говорили о промышленности Караклиса. В моем лично представлении промышленностью Караклиса была мастерская усты Акопа. Он

ремонтировал замки, примусы, керосинки, сам делал кровати и плуги. Я был у него учеником. Потом уста Акоп дал мне справку, что я имею право работать слесарем. На этом «дипломе» никакой печати не было, но документ был веским: усту Акопа все хорошо знали не только в самом Караклисе, но и в соседних селах.

Когда началось сооружение карбидного завода, меня потянуло на эту стройку. Приняли. Сначала чернорабочим. Потом, когда открылась слесарная мастерская, перевели туда. Помогла справка усты Акопа. В мастерской делали болты, оттяжки, крюки. Плоховато было с техникой. Помню, был у нас на стройке могучий бык Алеша. Перевозил он камни, столбы, доски. И вот однажды заболел наш Алеша. А как назло срочно нужно было перевезти со станции трансформатор. Вызвали ветеринара. Тот сказал, что у быка испортились зубы и от этого животное может подохнуть. Было решено вставить Алеше зубы. После этого Алеша продолжал работать. Его многие помнят, он как бы вошел в историю строительства комбината.

Трудностей тогда, конечно, было много. Болты делали сами, камни возили на арбе; жили строители во временных бараках, туго было с материалами. Тогда никого не удивлял такой, например, приказ по стройке: «Технику такому-то выделить двух рабочих для сбора гвоздей на стройплощадке. Гвозди сдать в материальный склад». Но нас увлекала романтика созидания. Мы знали, что сами создаем промышленность нашего города и сами будет работать на первом заводе.

В тридцать втором году состоялся пуск первой карбидной и первой известковой печей. Газеты писали, что вступила в строй одна из пятисот восемнадцати ударных строек пятилетки, первенец химической промышленности Закавказья. Потом, еще через год, пустили вторую карбидную и вторую известковую печи, закончили монтаж цианамид-

ного цеха, сдали в эксплуатацию первые жилые дома. С тех пор комбинат растет, увеличивает количество выпускаемой продукции, расширяет ее ассортимент. Цех искусственного корунда воспроизводит волшебный камень, заменяющий рубины, топазы, сапфиры, александриты, очень нужные приборостроению, часовой промышленности, для изготовления патефонных игл и ювелирных изделий. Искусственный корунд ничем не уступает натуральному. Даже превосходит его по разнообразию окраски.

А теперь неподалеку от комбината построен завод ацетатного шелка. Тоже химическое предприятие — крупное, самостоятельное. Комбинат и завод ацетатного шелка неузнаваемо изменили Кировакан. Вместе с производственными корпусами строились кварталы жилых домов, роскошный дворец культуры, целый больничный городок и многое другое. Так возник город «большой химии» — Кировакан.

Дополняющая точка зрения

— Если вас интересует наше производство, — говорит директор завода искусственного волокна Лазарь Ахназаров, — побеседуйте с начальником цеха регенерации ацетона Михаилом Казаряном. Он с самого первого дня здесь и как бы является живой историей завода.

Начальник цеха — коренастый мужчина с доброй улыбкой на широком лице — оказался интересным собеседником. Вот его рассказ.

— Сперва Советское правительство купило у английской фирмы «Куртолдс» оборудование завода и технологию производства ацетатного волокна. Это был как бы взмах флага стартера, после которого начался новый ритм в жизни Кировакана. Многие молодые строители до этого даже не слышали о существовании ацетатного шелка. Но вот услышали и со свойственным юности пылом воодушевились идеей создания в родном городе крупнейшего предприятия так называемой «большой химии» страны.

Обычный график рождения нового предприятия предусматривает последовательно проектирование, строительство, монтаж, эксплуатацию. Но так же как современная квантовая механика разбила вековые законы классической механики, так и молодые ацетатники решили разбить традиционные методы и темпы рождения предприятия — работать по совмещенному графику. Это значит: еще проектировщики не закончили последние чертежи, а уже началось строительство; еще строители не закончили работ, уже начался монтаж; еще монтажники работают в це-

хах, а опытное производство дало первую продукцию; еще только объявлен официальный пуск завода, а творческая мысль членов коллектива уже работает над усовершенствованием технологии; еще...

Дальше идут цифры. Гордые цифры. Михаил Казарян пишет их на пачке от сигарет и комментирует.

248. Это число советских заводов, помогавших стройке. Москва и Краснодар, Ростов и Грозный, Баку и Рустави. Ленинград и Иваново посылали на стройку своих специалистов и консультантов, инструменты и аппаратуру, материалы и станки.

39. Это количество выстроенных за короткое время на территории завода основных и вспомогательных производственных объектов. Если к ним еще прибавить построенную рядом и связанную технологией с заводом тепловую электростанцию на газе, то число 39 возрастет до 62.

— Хватит цифр, — говорит Михаил Казарян. — Пошли на территорию.

Но и на территории предприятия он не может обойтись без цифр: 25 гектаров занимает завод, только один главный корпус — 4,6 гектара!.. Мы совершаем путешествие по этим двадцати пяти гектарам, и, как в волшебной сказке, для меня открываются двери тайников рождения чудесного волокна.

Современная химия — это сложная цепь «колдовских манипуляций». Так и здесь. Из Ереванского завода «Поливинилацетат» поступает ацетилцеллюлоза. Странное вещество, похожее на хлопья кукурузы. Приняв сырье, завод закладывает его в огромные силосные башни. Затем транспортировка. Затем перемешивание и разбавление ацетоном с водой. Затем фильтрация. Одна, другая, третья... Переход по горизонтальным и вертикальным трубам из бака в бак и одновременно сложные химические превращения. И прядение...

Паутиными струйками толщиной в одну двадцатую миллиметра течет белая жидкость. Течет и застывает. Двадцать пять таких волоконцев скручиваются в одно. Этим заняты 34 машины, на которых с бешеной скоростью вращаются 3 400 веретен. Для прочности волокна завивают потуже. Затем дальнейшая обработка, и — продукция готова, родилась ацетатная нить.

Я не хотел прерывать рассказ о технологии рождения нитей и теперь вынужден дополнить его несколькими отступлениями.

Во-первых: в цепочку технологии производства нитей не входят подсобные цехи. Но их много и в них работают такие же энтузиасты армянского ацетатного шелка, как и в основных цехах.

Во-вторых — ходишь по цехам и лю-

дей почти не видно. Пульты управления, кнопки, вспыхивающие красные и зеленые лампочки, стрелки записывающих приборов. Человеку остается лишь командовать.

В-третьих. Я не химик, и мое представление о химическом заводе ассоциировалось с дымом, газами, взрывами, туберкулезом, ранней смертью... Но здесь ничего похожего! Белые халаты. Безукоризненно чистые полы и стены. Специальные установки постоянно поддерживают нужную температуру и влажность воздуха, его чистоту. И дополняют все это веселые и здоровые лица людей, фруктовые деревья на территории завода, цветы на окнах цехов. Рабочий поселок, выстроенный вместе с заводом и рядом с ним, сегодня составляет двадцать многоэтажных домов с просторными и светлыми квартирами, со всем комплексом учреждений современного культурно-бытового обслуживания. Не так уж плохо для начала.

И наконец, последнее — о людях. В начале нашей беседы Михаил Казарян говорил о тех, кто строил завод, монтировал оборудование и теперь эксплуатирует предприятие. Это и прядильщик Ашот Вартанян, и упаковщица Вартуш Гаспарян, и аппаратчики Вардкес Василян и Генрих Папанян, и техник-лаборант Джемиля Манукян, и помощник мастера Габриел Донапетян...

Так же, как ацетатные волокна скручиваются здесь в одно прочное волокно, завод собрал в одну дружную семью этих непохожих друг на друга людей.

О будущем Михаил Казарян говорит с еще большим волнением. Сейчас завод дает только белое волокно, скоро станет давать и цветное, сорока двух тонов. Сейчас продукция завода отправляется на трикотажные и ткацкие фабрики соседних республик, но скоро ее примут фабрики тут же в Кировакане и в Шаумянском районе Еревана; почти половина продукции уже в Армении превратится в белье, ткани, одежду. Уже сейчас на заводе много машин и оборудования. Но в цехах оставлены свободные места для новых машин и аппаратов. Скоро начнется строительство еще более мощной второй очереди. Сейчас завод дает ацетатные нити, ткани из которых мягки и почти не мнутся, а скоро будет давать и триацетатные — еще красивее и выше качеством...

Итак, материал для очерка есть. Ясна и тема очерка: Кировакан — город химии. Но...

Не только химия

Но через час все меняется. Молодая научная сотрудница Кироваканского научно-исследовательского института «Ав-

томатика» Офелия Аветисян безжалостно сокрушает все мои авторские замыслы.

— Когда-то и я считала, — говорит она, — что Кировакан — город химии. Поэтому, окончив здесь среднюю школу, поступила в Ереванский политехнический институт и именно на химико-технологический факультет. Окончила, вернулась сюда, три года работала начальником смены на комбинате имени Мясникяна. А теперь уже пятый год тружусь в научно-исследовательском институте «Автоматика» и имею все основания утверждать, что за последние годы «профиль» Кировакана значительно изменился. Ведь теперь у нас не только химия. Два больших, отлично оборудованных научно-исследовательских института. Один проектирует и ведет исследовательскую работу в химической промышленности. Второй — «Автоматика» — занимается автоматизацией производственных процессов на предприятиях химической промышленности и цветной металлургии. Коллектив у нас молодежный, полный энтузиазма и желания внести свой вклад в современный технический прогресс. Оба института в какой-то мере связаны с химией, но название нашего — «Автоматика» — не случайно. Кроме нашего научно-исследовательского института, в городе действуют самостоятельное конструкторское бюро «Автоматика», завод «Автоматика» и техникум, готовящий кадры для приборостроительной промышленности, который мы тоже называем «Автоматика». Есть теперь у нас и филиал Ереванского политехнического института; Кировакан сам готовит для себя инженеров. Ведь семья заводов становится все больше. В нее вошел и молодой завод прецизионных станков (таких в стране — единицы); он выпускает малогабаритные и очень точные станки для предприятий часовой промышленности и приборостроения. Если взять еще машиностроительный, механический и авторемонтный заводы, станет ясным, что определение «Кировакан — город химии» теперь не совсем точное. Я бы сказала, что современный Кировакан — это город новой технической мысли, город автоматике.

В спор вступает архитектор

— Нет, не согласен...

Это уже спорит со мной главный архитектор Кировакана Карлен Карапетян.

— Артавазд Аракелян и Офелия Аветисян говорили вам о Кировакане субъективно, каждый со своей профессиональной точки зрения. Если вы спросили бы меня, то я...

— Ответили бы совершенно объективно?

Пауза. Потом Карлен Карапетян улыбается и говорит:

— Боюсь, что мне трудно быть объективным. Архитектора, естественно, больше всего интересуют вопросы градостроительства. Да и вообще, новый человек, приезжая в город, первым делом видит не цеха заводов и лаборатории институтов, а его здания, улицы, площади, парки. И Кировакану теперь, конечно, не приходится краснеть. Город буквально преобразился. Прекрасна площадь с памятником Кирову, окруженная зданиями горкома партии, горсовета, новой гостиницы «Гугарк» и двумя жилыми корпусами из армянских туфов. Отсюда разбегаются во все стороны широкие улицы и проспекты, застроенные многоэтажными домами, большими магазинами, и всюду скверы и парки, зелень и цветы. Бурный размах приняло жилищное строительство на окраинах. В любой части города вы увидите башенные краны. Иначе и не может быть. Ведь в девятнадцатом году в городе было четыре тысячи жителей, в тридцать девятом стало восемнадцать тысяч, а еще через двадцать лет, в пятьдесят девятом — пятьдесят тысяч жителей. Но и эта цифра устарела — сейчас в Кировакане шестьдесят тысяч жителей.

Однажды журнал «Огонек» взялся составить любопытную таблицу. Речь шла о жилищном строительстве. По всем городам страны редакция сравнила две цифры жилищного строительства: с 1956 по 1958 год и с 1959 по 1961 год. Два трехлетия подряд. И что вы думаете? На первое место по стране вышел наш Кировакан. В 1959—61 годах 545 процентов по сравнению с предыдущими тремя годами. В пять с половиной раз больше построено!

Говоря о ближайшем будущем, Карлен Карапетян разворачивает на столе генеральный план застройки Кировакана. Квадратики, круги, прямые и изгибающиеся сплошные и пунктирные линии. Какой-то хаос, нагроможденный чертежником... Но под острием карандаша архитектора, условные знаки оживают, превращаются в дома и мосты, улицы и скверы.

Новые кварталы жилых домов и культурно-бытовых учреждений образуют через несколько лет административный центр города. Поднимутся жилые дома в десять-двенадцать этажей. Это будет еще одна новая площадь. Тут — четыре новых моста и между ними красивая набережная. Здесь рестораны, кафе, кинотеатры. Вот парк. Вот искусственное озеро. Город станет еще более зеленым. По улицам пойдут троллейбусы. На горе возникнет телевизионная ретрансляционная башня. Одним словом, взять ли сегодняшний или завтрашний

Кировакан, его следует назвать городом красивых домов, светлых квартир и своеобразной архитектуры, городом, смело шагающим в будущее...

Корректив вносит Эдвард Кзартмян

Химкомбинат, заводы и технические институты, архитектура города и его будущее — все это типично. Но ведь ничего нет в очерке о музыке, о песнях Кировакана. А без них представление о нашем городе будет далеко неполным.

Основатель и бессменный директор Кироваканской музыкальной школы, композитор Эдвард Кзартмян, водит меня по классным комнатам и залам, говорит с энтузиазмом:

— Эта музыкальная школа — одна из самых старых в республике. Она создана почти тридцать лет назад. Больше десяти лет существует и музыкальное училище. В созданной у нас первой в республике музыкальной общественной школе занимаются инженеры и рабочие, служащие и домохозяйки. Скоро будет и педагогический музыкальный институт. Кстати, преподаватели музыкальных школ Степанавана, Алаверди и Спитака обучались у нас в Кировакане.

Кироваканцы — народ очень музыкальный, любители песен. Хор есть не только в музыкальной школе и училище. Хоровые кружки созданы при дворцах и домах культуры, в клубах, в институтах, в учреждениях. Не случайно восемь лет назад был проведен в Кировакане первый в республике массовый праздник песни. Готовились к нему тщательно: в домах и в клубах, в школах и дворцах культуры — всюду разучивались песни классиков, современных армянских и русских композиторов, песни о родном Кировакане, созданные местными композиторами. И ясным сентябрьским воскресным утром в живописном сосновом бору в Ванадзорском ущелье собрались сотни, тысячи горожан. По зеленому ущелью поплыла песня двадцатитысячногосого хора. Праздники песни стали традицией. Они проводятся ежегодно в последнее воскресенье сентября с участием гостей из Еревана и Москвы, из столиц Прибалтики и соседних республик, поющих вместе с кироваканцами. И если в городе с населением в шестьдесят пять тысяч человек есть хор из двадцати тысяч певцов, это значит, что Кировакан — город песен. Об этом нельзя не сказать в очерке.

Потом, подумав немного, композитор спрашивает:

— А с писателями вы беседовали?

— Нет... пока.

— Как же вы можете писать о Киро-

вакане, ничего не сказав о наших литераторах?!

Заподозрив неладное, я спешу к председателю Кироваканского литературного объединения, писателю Нор-Айру. Тот протягивает мне рукописные страницы.

— Вот только что написал статью для газеты о нашем объединении.

Листаю рукопись. Необходимое выписываю в свой блокнот. Объединение уже существует пять лет, тут не только кироваканцы, но и молодые литераторы Алаверди, Дилижана, Степанавана, Спитака, Ноемберяна и прилегающих к ним сел. Члены объединения — это рабочие и инженеры, колхозники и служащие, врачи и юристы. Они пишут стихи и басни, рассказы и повести, поэмы и романы. Объединение уже издало альманах «Лори», а сейчас готовит сборник «Зеленый город». Молодая поэтесса Грета Мкртчян имеет свой небольшой сборник стихов. Рабочий завода прецизионных станков Бениамин Исаакян написал повесть из жизни своего предприятия. Юрист Мкртыч Зейтагян заканчивает документальный историко-революционный роман о жизни легендарного героя Г. Гая (Гайка Бжишкяна). Дочь Гая была приглашена в Кировакан, она встретила с членами литературного объединения и рассказала им об опубликованных и не увидевших света рассказах, очерках и трудах по военному делу, написанных ее отцом.

Литераторы Кировакана поддержива-

ют связь со многими городами страны. К ним часто приезжают в гости и помогают в творческом росте писатели и критики из Еревана. В свою очередь, кироваканцы выезжали в Батуми, Сухуми и Сумгаит, побывали в Челябинске, Свердловске и Ленинграде; укрепив связь с объединениями молодых литераторов этих городов, они налаживают творческие контакты с литературным объединением Харьковского тракторного завода...

Итак, профиль очерка определился. Это будет рассказ о городе химии и автоматике, городе архитектуры и песен, городе труда и учебы, отдыха и веселья!

Что сказал бывший киприот

Довольный, полный ярких воспоминаний, покидаю я Кировакан. И вдруг вспоминаю, что этот город принял недавно более шестисот репатриантов из Египта и Ирана, из Турции и Сирии, из Ливана и с Кипра.

Что скажут они о городе, принявшем их в свои объятия.

Мой новый собеседник — Каро Токатлян. Родился и до восемнадцати лет жил в столице Кипра Никозии. С прошлого года живет в Кировакане. Я ему передал содержание сведений о Кировакане из старых справочников, рассказал о беседах с кироваканцами. Внимательно выслушав меня, Каро задумался, помолчал и произнес только одно слово:

— Родина...

Друзья о друзьях

Сурен Кочарян.

А. Ш. Мелик-Пашаев.

Худ. С. Арутчьян

Друзья о друзьях

Ладо ГУДИАШВИЛИ

Большой художник

Мартiros Сергеевич Сарьян прошел огромный, можно сказать, доблестный творческий путь, и как радостно сознавать, что этот путь увенчался победой. Сегодня мы знаем Сарьяна как лучшего представителя советского армянского изобразительного искусства, как автора прекрасных художественных полотен, обогативших сокровищницу советской культуры.

Мартiros Сарьян. Автопортрет.

Мне вспоминается выставка произведений Сарьяна несколько лет назад в Тбилиси. Это был большой праздник для всех нас. Мы словно прикоснулись к яркой, полной света природе Армении, ожившей в полотнах этого мастера кисти.

И ранние картины Сарьяна константинопольского периода как «Константинополь. Улица. Полдень», и «Идущая феллахская женщина» и пейзажи современной Армении — «Арагатская долина из Двина», «Колхоз села Кариндж в горах Туманяна», «Сбор винограда», удостоенные высокой награды — Ленинской премии, — это неповторимый красочный мир, оживший на полотнах художника.

Перед нами вновь предстал истинный, большой художник и гражданин. Его жизнь и творчество, я думаю, лучший пример служения своей родине и искусству.

Волшебство колорита, оригинальность формы и глубокая эмоциональность делают творения Сарьяна, согреты любовью к родине, близкими и понятными людям.

Ярко выраженная индивидуальность, присущая его творчеству, способствовала расцвету таланта целых поколений одаренных художников.

Своеобразный и разумный взгляд Сарьяна на современное советское искусство, реально отображающее нашу великую действительность, явился одной из основ на пути развития живописи братских республик.

Я высоко ценю и безгранично люблю прекрасное жизнеутверждающее искусство Мартirosа Сарьяна и от всей души желаю ему дальнейших творческих побед.

Горячее сердце писателя

Из жизни Мариэтты Шагинян мне вспоминается один эпизод, который, думается, не нуждаясь в комментариях, раскрывает неоченимое качество Гражданина — веру, веру в человека.

Работая над своим романом «Гидро-центральный», Мариэтта в 1921 году приехала в Алаверди изучать медеплавильный завод и Кафанские рудники в Зангезурских горах. Алавердская металлургическая промышленность — в прошлом французская концессия, во время революции, господства дашнаков и дашнакомуссаватистских междоусобиц была полностью разорена. Прибыв туда вскоре после установления в Армении Советской власти, Шагинян смогла увидеть, на что способны люди, освобожденные от иностранного и буржуазно-национального рабства.

Она попала в Зангезур зимой, продрогшая, смертельно усталая, в сапогах и ватных штанах. Увидев единственный уцелевший здесь дом, Мариэтта постучала в дверь и без колебаний попросила приют. Хозяином дома оказался Вахтанг Христофорович Зарапишвили, в 1906 году окончивший Петербургский политехнический Институт и с тех пор работающий на Алавердских рудниках главным инженером. Мариэтта представилась ему. Хозяйка с детьми в это время находилась в эвакуации в Тбилиси. Через несколько минут Мариэтта вышла из ванны, освеженная, облаченная в белье и халат хозяйки дома, и тут же за чашкой горячего чая начала описывать удивленному хозяину внешность, характер, привычки, положительные и отрицательные качества его жены.

— Довольно точно, — как потом утверждал Вахтанг Христофорович.

Мариэтта вжилась в те рудники, в тот завод, в окрестности Алаверди и Зангезура; она жадно, ненасытно вбирала в себя богатейшие залежи образов, характеров, изумительные краски окружающей природы. Без усталости, без сна, потеряв счет времени, бродила она, знакомилась с людьми, наблюдала, беседовала. Ночевала там, где ее застигала ночь: в палатках, в хижинах, даже в шахте. У нее были уже свои любимые места, был особенно понравившийся ей холмик.

Приехавшей вскоре жене Вахтанг Христофорович столько и с таким жаром рассказывал о Мариэтте, что между женщинами завязалась оживленная дру-

жеская переписка, за которой последовали радостные, теплые встречи.

Проходили годы. Это было в период «разоблачения вредителей». Их искали, конечно, и в Закавказье. Арестованного Вахтанга Христофоровича привезли в Метехи. Он объявил голодовку. Несмотря на уговоры товарищей, мольбы жены, он отказывался принимать пищу и погибал от истощения. Тогда Марта, жена Зарапишвили, сообщила об этом Мариэтте в Москву, и та сейчас же прибыла в Тбилиси. Она незамедлительно начала действовать, но пробить брешь в глухом молчании руководства Закавказья не удавалось. Мариэтта выехала в Кисловодск. Там находился в ту пору Серго Орджоникидзе. Он все еще был слаб и болен после удаления почки. Преодолев всяческие запреты, Мариэтта ворвалась к нему со словами: «Вы тут отлеживаетесь, вам это необходимо, я знаю, но там человек гибнет, вы не знаете, какой честный, нужный человек!»

Серго Орджоникидзе вынужден был тут же позвонить в Тбилиси. Просил передать в Метехи инженеру Зарапишви-

Мариэтта Шагинян с грузинскими писательницами Мариджан и М. Бараташвили

ли, чтобы он прекратил голодовку и что его делом он займется лично.

Вскоре инженер был оправдан и восстановлен на работе в той же должности, на которой и проработал до пенсионного возраста.

И сейчас Мариэтта такая же. Преклонный возраст ей не помеха. Поверив в человека, в его честность и преданность делу, советским людям, она не признает преград и, если это нужно, без колебаний становится на его защиту.

Андрей БАЛАНЧИВАДЗЕ

Певец своей страны

Об Араме Хачатуряне я всегда могу сказать много хорошего и от чистого сердца, и не потому только, что он является уроженцем Тбилиси, моим старым другом и коллегой. О том, что он прославленный композитор и крупный общественный деятель, знает весь мир и каждый из нас. Но вряд ли многие могут знать Арама Ильича как музыканта, в широком смысле этого слова, и как человека, гражданина со всеми его достоинствами. Для этого нужно быть человеком одного с ним поколения, ближайшим свидетелем его жизни, соратником в творчестве, в стремлениях, в борьбе, победах и неудачах. Ведь этому поколению музыкантов потребовалось немало труда, энергии и забот, чтобы добиться внимания всего культурного мира к несравненному своеобразию, красоте и значению национального музыкального искусства народов нашей страны.

Профессиональный уровень музыкального творчества у некоторых народов до установления Советской власти был недостаточно высок. Требовалось найти

новые художественные средства, переосмыслить принципы воплощения национального языка в форму, соответствующую требованиям времени, поднять ее до уровня лучших образцов современного мирового музыкального творчества. Нужно было за каких-нибудь два десятка лет преодолеть то расстояние, которое отделяло изначальные, хоть и во многом драгоценные, но национально ограниченные принципы музыкального творчества, от высочайшего, идейно-обобщенного художественного мастерства лучших композиторов всего мира. Арам Хачатурян оказался одним из тех творцов нашего поколения, который блестяще справился с этой задачей, и его замечательные симфонии, балеты, концерты, все его творчество в целом, его неиссякаемая энергия общественного деятеля подняли наше искусство до общечеловеческого звучания и завоевали миллионную аудиторию слушателей. Сейчас Арам Хачатурян находится в расцвете сил, и я хочу от всей души пожелать ему дальнейших творческих успехов и счастья в жизни.

Георгий ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ,
доктор геолого-минералогических наук, профессор

Годы, встречи, дружба

Передо мной на письменном столе лежит горстка любительских фотографий и скромная выписка из журнала «Советская геология» № 7 за 1962 год со статьей И. Г. Магакьяна и Г. А. Твал-

чрелидзе «Первое уральское петрографическое совещание». Перебираю снимки, и отчетливо встают в памяти теплые дни уральского лета 1961 года, теплые не только благодаря действи-

тельно редкой для этих мест солнечной погоде, но и в силу дружеских отношений, обычно возникающих у геологов, даже не знакомых друг с другом, съехавшихся из самых различных частей Союза.

Особенно приятны воспоминания о моих совместных с Иваном Георгиевичем Магакьяном поездках по окрестностям Свердловска, а также геологической экскурсии по Среднему и Северному Уралу. Мы здесь обследовали уникальные железорудные и медные месторождения, которые изучали по учебникам еще в студенческие годы.

Легко было путешествовать с Иваном Георгиевичем не только потому, что нас связывает принадлежность к многочисленному племени геологов и общность путей в обширной науке геологии, но и потому, что он исключительно легок в совместной жизни. Такая легкость создается личными качествами человека, глубокой культурой и деликатностью, воспитываемыми с детства.

Мы знакомы с Иваном Георгиевичем давно; оба уроженцы Тбилиси, мы долгие годы жили в одном районе города, учились в одной школе, которую окончили с разницей в два года. Прочувшись два года в Грузинском политехническом институте, Иван Георгиевич (тогда просто Ваня Магакьян) переехал в Ленинград продолжать учебу. Проводы Вани были торжественны: присутствовали наши отцы, и раньше хорошо знавшие друг друга, а также молодежь — студенты, перешедшие на третий курс. Среди них я чувствовал себя мальчиком — только-только сдал экзамены в институт — и с уважением поглядывал на старших коллег.

Разница в два года заметна в детстве — ученик 10 класса вряд ли вспомнит соученика из 8-го, мало общего у студентов третьего и первого курсов. Поэтому настоящая дружба с Ваней Магакьяном у нас возникла в более зрелые годы, когда Ваня (теперь уже давно Иван Георгиевич) из дальних странствий вернулся на родной ему Кавказ. Но это произошло позже, а пока Ваня уехал, и я на долгие годы потерял его из виду.

До нас в Тбилиси доходили вести о блестящем окончании Магакьяном Ленинградского Горного института, о выдающихся исследованиях полезных ископаемых Памира, ряд месторождений которого был открыт им, наконец, о защите кандидатской диссертации. Тут грянула война, и Ваня Магакьян — молодой скромный ученый, талантливый преподаватель Горного института, чьи лекции всегда собирали полные аудитории, одним из первых в Ленин-

граде надел солдатскую форму и занял место в шеренгах защитников Родины.

Первые, самые тяжелые годы войны провел Ваня на фронте. Лишь в 1944 году я встретил его в Тбилиси в потрепанной солдатской шинели, на костылях — его откопали, тяжело раненого, с поврежденным позвоночником в разрушенном бомбой блиндаже. Не вполне оправившись от ранения, И. Г. Магакьян вновь с головой уходит в любимую науку — геологию рудных месторождений. Он работает в Тбилиси, Ереване, а после прорыва блокады Ленинграда возобновляет свои творческие связи с Горным институтом. В 1947 году успешно завершает обширную монографию по месторождениям Армении и защищает ее в качестве докторской диссертации.

Затем молодой профессор с исключительной интенсивностью работает в Академии наук Армянской ССР, где его избирают академиком первого состава, и в ленинградском Горном институте. Сюда до самого последнего времени, несмотря на крайнюю занятость, Иван Георгиевич приезжает читать лекции. Он идет навстречу студентам, не желающим расставаться с любимым профессором, и использует свой отпуск, прочитывая за месяц годичный курс лекций. Я часто встречаю зрелых ученых, воспитанников ленинградского Горного института, с горячей признательностью вспоминая лекции И. Г. Магакьяна — всегда предельно четкие, насыщенные фактическим материалом, полные вдохновения.

Естественно, что дети Ивана Георгиевича разделили его привязанность к трем городам: старшие его дочери с семьями проживают — одна в Ленинграде, другая в Тбилиси, а четверо младших ребят — с родителями в Ереване.

Деятельность академика И. Г. Магакьяна поражает своей многогранностью. Широкие полевые геологические исследования ведут к открытию в Армении новых месторождений цветных металлов, что отмечено присуждением Ивану Георгиевичу Государственной премии. Не так давно созданный геологический институт получает научного руководителя, а в последние годы — директора. В институте растут кадры научных работников, пользующиеся сейчас авторитетом и уважением далеко за пределами Кавказа. В Ереванский университет и Политехнический институт приходит талантливый ученый, чьи учебники с русского и армянского языков переводятся во многих зарубежных странах. Сейчас, например, они выходят из печати в США.

Трудно в короткой заметке перечис-

лечь все научные достижения И. Г. Магакьяна и охарактеризовать его роль в росте отечественной науки — да и не эту цель я себе здесь ставлю, — я хочу лишь рассказать о дружбе, искренней и естественной, которая всегда будет связывать грузинских геологов с Иваном Георгиевичем. В январе 1959 года он, верный и внимательный друг, прибыл в Москву и принял самое непосредственное участие в защите моей диссертации в Московском Государственном университете, выступая в качестве моего официального оппонента. Через некоторое время с той же отзывчивостью И. Г. Магакьян приезжает в Тбилиси, где дает крещение очередному грузинскому доктору наук Тенгизу Вахтанговичу Иваницкому.

Большие совместные работы были выполнены за последние годы нашими творческими коллективами. Эти сов-

местные исследования по полезным ископаемым Кавказа скоро увидят свет, а сейчас они уже взяты на вооружение производителями. Я не зря сказал «Кавказ», потому что наложения горных пород, рудные пояса и районы не подчиняются административным границам, а свободно пересекают их, переходя из Южной Грузии в Северную Армению и Азербайджан, из Краснодарского края в Абхазию!

Так же не подвластны этим границам чувства искренней привязанности и сердечной дружбы, которая объединяет геологов республик Закавказья. Одним из самых надежных столпов этой традиционной дружбы является академик Академии наук Армянской ССР, профессор Иван Георгиевич Магакьян — талантливый ученый, большой гражданин, человек широкой души и горячего сердца.

Нона ГАПРИНДАШВИЛИ,
чемпионка мира по шахматам

Мой друг — чемпион мира

Нона Гаприндашвили и Тигран Петросян у тбилисского Дворца пионеров и школьников.

Я не привыкла писать статьи, тем более о выдающихся личностях. Мне кажется, что я лучше играю в шахматы, чем пишу. Но несмотря на это, не могу не написать о моем шахматном друге Тигране Вартановиче Петросяне.

Никогда не забыть мне утро 17 октября 1962 года. В этот день я родилась второй раз — став чемпионкой мира. Не прошло и получаса после того, как Елизавета Ивановна Быкова сообщила о сдаче завершающей наш матч партии, как в гостиницу «Москва», в мою «резиденцию», буквально прилетел Тигран Вартанович. Не считая моих близких и друзей, приехавших со мной из Грузии, он одним из первых разделил мою большую радость. И первым попросил автограф, как у чемпионки. Но это еще не все. На следующий день я получила поздравительную телеграмму от его семьи, а через газету «Правда» он поведал стране о моем успехе.

Мне рассказывали, как Тигран Вартанович интересовался ходом моей борьбы с Е. И. Быковой в Болгарии, где он находился во время матча в составе сборной команды Советского Союза на XV шахматной олимпиаде. Он, оказывается, каждый вечер засиживался у радиоприемника, слушая спортивные вести из Москвы, и с не-

терпением ждал свежих московских газет, чтоб узнать о ходе поединка. Вернувшись в Москву, навестил меня, расспрашивал о перипетиях борьбы. Ведь через полгода ему самому предстояла нелегкая встреча с М. Ботвинником.

Дружеское внимание и сочувствие Тиграна Вартановича Петросяна радовало и трогало меня.

Мы с Тиграном Вартановичем подружились летом 1962 года на подмосковной даче Мозжинке, где я готовилась к матчу на первенство мира, а он в составе сборной нашей страны — к XV шахматной олимпиаде. Все мы жили в одном коттедже и, естественно, встречались каждый день. Тигран Вартанович, как и я, оказался большим любителем настольного тенниса. До его приезда в Мозжинку мне удалось «расправиться» с М. Талем и Б. Спасским. «Обиженные» гроссмейстеры возлагали надежды на мщение на сильнейшего среди них — Тиграна Петросяна. Вскоре состоялась наша встреча. Против ожидания она закончилась вничью. По этому случаю родилось много шуток и острот. Между прочим Тигран Вартанович оказался «злопамятным». Он решил наказать меня и вызвал на соревнование по «двоеборью» — шахматам (молниеносной игре) и настольному теннису. Я приняла вызов, но сразиться нам до сих пор не удалось.

В Мозжинке, разумеется, мы не раз встречались и за шахматной доской. Приятно играть с Тиграном Вартановичем молниеносные партии. Во время игры он остроумно ведет «репортаж» с поля боя, много шутит. Здесь, конечно, его одолеть невозможно. Не только мне, но и многим именитым гроссмейстерам это оказалось не под силу.

Все обитатели «шахматного коттеджа» гуляли в душистом подмосковном лесу, ходили на Москва-реку. И не раз Тигран Вартанович с любовью вспоминал Тбилиси, друзей детства, товарищей по школе и шахматам.

В шахматном кабинете тбилисского Дворца пионеров он всегда был желанным гостем. Педагог кабинета Арчил Силованович Эбралидзе разрешил маленькому Санчику, как его любовно называли друзья, присутствовать на своих занятиях. Мастер готовился к соревнованиям, просматривал шахматную литературу, разыгрывал партии мастеров и гроссмейстеров, а мальчик, усевшись поудобнее и затаив дыхание, с неподдельной увлеченностью и интересом следил за творческой работой наставника. «Это была настоящая школа», — говорит Тигран Вартанович. В этом шахматном кабинете впоследствии выросла и я.

Затем, разумеется, Тигран Вартанович развил свой большой шахматный

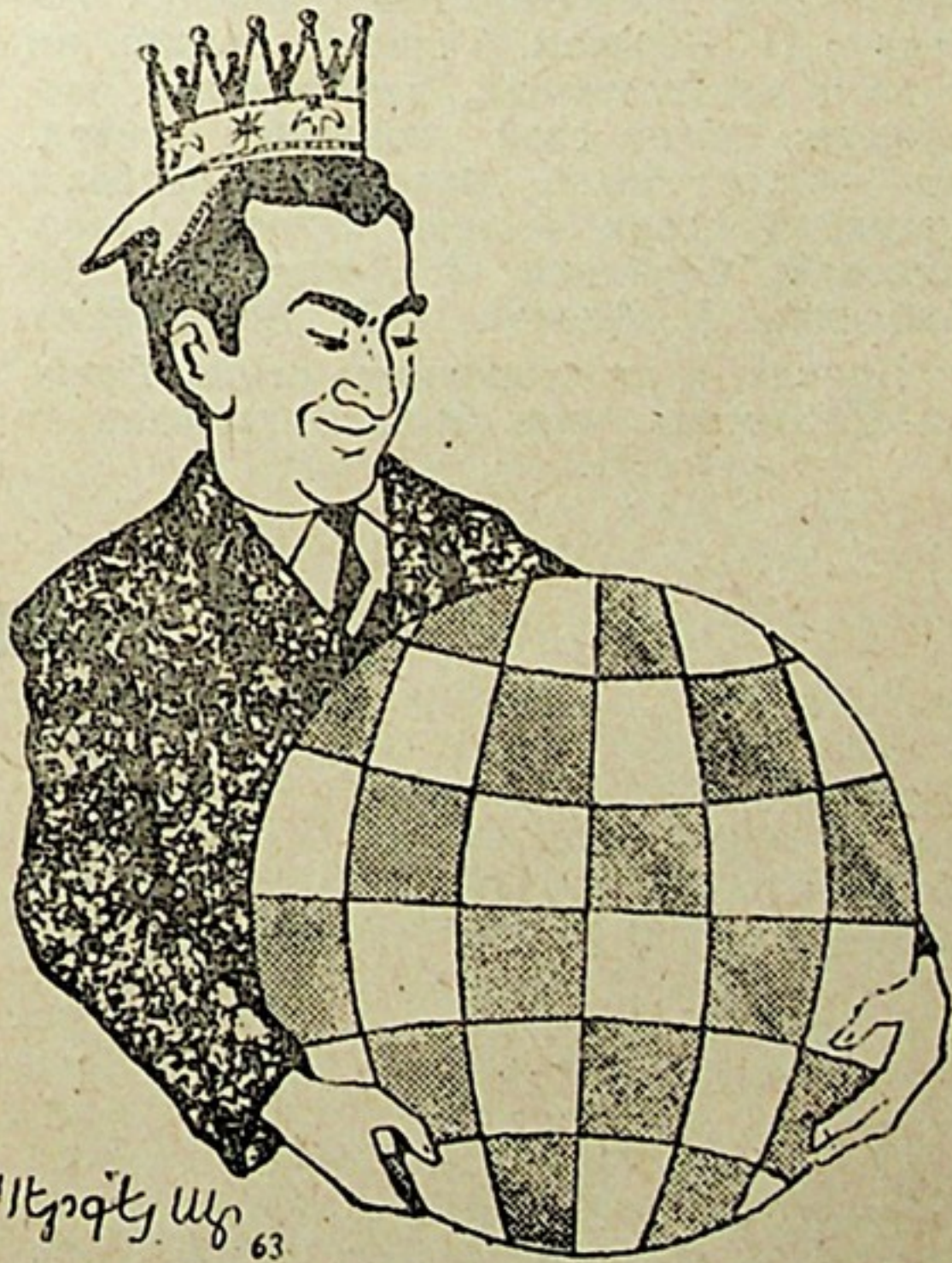
талант, переехав в Москву, центр шахматной мысли мира. Но он хорошо помнит, что именно в Тбилиси стал кандидатом в мастера, в первый раз встретился за доской с гроссмейстером (это был П. Керес) и впервые завоевал золотую медаль чемпиона Советского Союза.

И сейчас в Тбилиси у Тиграна Вартановича много друзей. Здесь живут его сестры, близкие родственники.

И как после всего этого не «болеть» ему за тбилисцев, за грузинских шахматистов, в семье которых он делал первые шахматные ходы? И Тигран Вартанович «болеет»! Но и мы «болеем» за него!

В Мозжинке мы оба были еще претендентами. Журналисты и фотокорреспонденты не давали нам покоя: бесчисленные вопросы в связи с предстоящим матчем интересовали всех. Что могли мы сказать? Хотя в душе и надеялись на успех, мы оба воздерживались от прогнозов.

И вот после того, как я первой вышла на «орбиту» и сумела победить, очередь была за Тиграном Вартановичем. Я желала ему победы, но хорошо понимала, как трудно её добиться. Ведь Михаил Моисеевич Ботвинник — великий шахматист, которому удалось победить немеркнущих корифеев Э. Ласкера, Х. Капабланку и А. Алехина. Победить М. Ботвинника было задачей весьма сложной. Сможет ли Тигран Вартанович противостоять ему? Не раз думала я над этим. Он рос, изучая творче-

Тигран Петросян.

Худ. С. Арутчян

ство М. Ботвинника, играл с ним. Но все же...

И вот матч начался. Первая победа М. Ботвинника обескуражила меня, но не Тиграна Вартановича. Он выстоял. Затем, как известно, чаша весов склонилась на сторону Тиграна Петросяна. Это было логическим следствием его правильной тактики. Добившись превосходства в очках, он вынудил М. Ботвинника играть на атаку, что оказалось не легким делом для маститого чемпиона, которому больше приходилось защищаться в матчах с М. Талем, чем атаковать. Тигран Вартанович, как великолепный мастер цепкой защиты и контратаки, успешно отражал бурное наступление М. Ботвинника. И он победил.

Как только радио передало эту вест, я телеграфно поздравила Тиграна Петросяна с выдающимся успехом. Через несколько дней, уже будучи в Москве, у него дома, в кругу его семьи, была свидетелем его счастья, а на следующий день присутствовала в Театре эстрады, где состоялась его коронация на «престол» шахматного короля земного шара.

Победа Тиграна Вартановича у некоторых вызвала скептическую улыбку. Мол, матч был неинтересным, партии скучными и результат неубедительным. Но новый чемпион мира сразу же после утомительного матча участвовал в турнире сильнейших современных гроссмейстеров в Лос-Анжелесе, где он показал свое превосходство, разделив победу с П. Кересом. Теперь, наверно, ни у кого нет сомнений, что чемпион заслуженно носит свой почетный титул. Он — достойный преемник славных традиций своих великих предшественников В. Стейница, Э. Ласкера, Х. Капабланки, А. Алехина и М. Ботвинника.

Правда, я не сторонница стиля Тиграна Петросяна, мне больше импонирует

стиль Михаила Таля, но я не могу не отметить, что Петросян не менее зорок, умеет разглядеть всю глубину комбинаций. Он пресекает их осуществление, предпочитая ясную, маневренную, позиционную борьбу, а при случае и сам идет на обострение игры.

Таким я знаю Тиграна Петросяна как шахматиста. Как человек он очень жизнерадостен, гостеприимен. Его дом всегда открыт для друзей. Он, да и вся его семья: супруга Рона Яковлевна и сыновья Вартанчик и Миша очень любят музыку. У них всегда можно послушать интересные записи в прекрасном исполнении. Шахматы не мешают Тиграну Вартановичу много работать над собой. И поэтому неудивительно, что после окончания Ереванского педагогического института по курсу философии он там же поступил в аспирантуру. Сейчас он приступил к работе над кандидатской диссертацией.

И в заключение — о «слабости» Тиграна Вартановича к футболу. Он неуемный, с 15-летним стажем болельщик московской команды «Спартак». Между прочим, футбол и моя «слабость». Я почти никогда не пропускаю матчи моей любимой команды тбилисского «Динамо». Так поступает и Тигран Вартанович. Находясь за рубежом, он посещает также матчи всемирно известных футбольных коллективов. Слушая его рассказы о футболе и футболистах, невольно думаешь, что перед тобой — маститый футбольный обозреватель, так глубоко и всесторонне сведущ он в одном из самых популярных видов современного спорта.

Я не ставила себе целью написать статью с подробным разбором стиля игры Тиграна Петросяна, это дело шахматных теоретиков и историков. Мне просто хотелось рассказать о нескольких своих встречах с одним из моих близких шахматных друзей.

Вазген МНАЦАКАНЯН

Поэзия правды

Поэтическое исследование времени, раздумья о прошлом и настоящем, вера в беспощадную силу правды, стремление к новым вершинам гуманизма, отказ от устаревших средств искусства, поиски новых весомых слов, борьба за большое содержание в рамках жизнестойких форм — вот те проблемы, которыми продолжает заниматься советская армянская поэзия. Мы говорим — продолжает, так как поэзия наша никогда не изменяла своего русла, хотя и встречала на пути немало препятствий. И каждый поэт стремился выразить свое самое сокровенное, говоря о радостном — с гордостью, о печальном — с болью. И чем своеобразнее и потому интереснее был каждый из поэтов, тем богаче становилась духовная сокровищница народа — поэзия. Совсем недавно стали достоянием читателя не публиковавшиеся ранее стихи Егише Чаренца. В этих стихах Чаренц вновь предстал перед нами как величайший поэт современной армянской поэзии. В них мы нашли знакомые нам переживания, мысли, большую человеческую любовь, каковую воинствующую правду в думах о родине, о народе, а также чувство тревоги, боль и сожаление.

Исполненный непоколебимой веры в грядущее, Чаренц вновь напоминает, что путь к этому грядущему не легок, что в наш великий век есть еще люди мелких страстей и стремлений.

Прошли годы, преобразившие как саму жизнь, так и поэзию. Произошло ли это вследствие абсолютного отрицания прошлого или же на основе прошлого, понятого по-новому? Прыжок ли это через пустоту или же новая ступень в закономерном развитии жизни и литературы? Пока мы не будем иметь точного, исторически достоверного представ-

ления о нашей действительности, мы не сможем правильно оценить недавние события. Можно смело утверждать, что никогда еще наша поэзия не была такой активной, не проявляла такого страстного интереса к истории народа, к его героическому пути, не была так тесно связана с жизнью, как в последние два года. Эту глубину и идейную целенаправленность она приобрела после двадцать второго съезда партии, который с позиции высокой партийности помог правильно понять, что изменилось в нашей жизни, куда ведут эти перемены, что отбрасывает история со своего пути как чуждое и умирающее.

В одном из своих стихотворений поэт Ваагн Давтян говорит о судьбе героя, который воевал, прошел через лишения, через множество испытаний; и все это —

Ради славы?... О нет, передо мной мой век
И мир—взволнованный, мятущийся,
Но передо мной и высокая вершина мечты,
Зажженная огнем нашей яркой веры.

(Подстрочный перевод)

Вглядываясь в прошлое, поэт должен искать и находить то хорошее, что в свое время почему-либо осталось незамеченным и неузнанным. Ведь не секрет, что в прошлом поэтическая мысль часто витала в суеде парадно-праздничных площадей и улиц. И потому зачастую она не касалась тех простых людей, которые и есть жизнь, ее цвет и радость.

Есть такое горное растение — «разрыв-камень». Своими густыми и цепкими корнями оно вгрызается в камень, дробит его, делает мягче, податливее. И вот на склоне каменистой скалы рождаются алые маки и благоухающие фиалки. Думается, что в жизни каждого

поэта есть такой камень, который ему предстоит одолеть, есть препятствия, которые ему надо победить.

Только до конца осознав эту истину, можно открыть миру свою душу:

Весь мир как бы взял с собой—и пришел.
Пришел и ступил на знакомый порог...
Я с кем-то был груб, на кого-то был зол,
Теперь терпелив и не столь уже строг.

Он мой, этот мир, — не беда, что я мал,—
И разговорились мы с ним по душам.
И нет никого, кто бы нас прервал,
И нет ничего, что мешало бы нам.

(Перевод В. Баласана)

Таково идейное и эстетическое кредо поэта Амо Сагияна. Сагиян — один из тех поэтов, самобытность которых сложилась в чаренцевской школе поэзии. Чистая вера, страстная убежденность, непримиримость в борьбе против мелочей жизни — все это, несомненно, идет от «Эпического рассвета» Чаренца. Именно у Чаренца научился Сагиян человеческому искусству с открытой душой говорить правду миру.

В свое время Саят-Нова сказал: «Хоть огнем пали, правде смерти нет». Это слова человека, мужественно боровшегося против сил мрака и рабства. Времена изменились, а с ними вместе изменилось и соотношение истины и лжи. В наши дни ложь предается огню, и духовный подвиг — не только в создании прекрасного, но и в борьбе с ложью и злом.

В последние годы ведутся жаркие споры вокруг проблемы традиций и новаторства. Некоторые писатели, в том числе молодые, считают, что создание новой поэзии невозможно без отказа от наследия «отцов». Другие же признают только традиционную литературу, как единственно жизнестойкую. Есть и третья группа, которая видит жизнь лишь в ее очень мелких проявлениях и в этом мелком (мелком, а не малом) пытается найти величие человека. Это своего рода реакция на засилие парадной поэзии, которая царила у нас еще несколько лет назад. Столкновение этих точек зрения не дало плодотворных результатов, а напротив, привело к идейным срывам и формалистическим вывертам, которые были справедливо осуждены нашей партией.

Новаторство, как поиск в искусстве, не может существовать без использования богатейшего опыта классической литературы, без овладения теми средствами, которые были найдены и утверждены великими мастерами слова в области формы и содержания, их единства. Ведь если бы художественная правда, добытая каждым поколением, умирала вместе с этим поколением, вряд ли существовало бы понятие истории и идея

прекрасного вообще. Именно исторический опыт обязывает нас не повторять то, что было уже однажды сказано, а создавать новое, еще более совершенное.

Сейчас у нас делаются серьезные попытки определить, что нового внесло в литературу наследие Чаренца и Бакунца, какие новые тенденции породило оно, тенденции, которые ранее или не существовали вовсе или проявлялись в очень ограниченной сфере. Это еще более повысило ответственность поэтов перед временем и собственным творчеством, направило их на путь больших мыслей и чувств. Неправильно было бы, конечно, эту эстетическую связь поколений искать в схожести каких-то строчек или образов. Традицию надо чувствовать, надо уметь жить в той художественной атмосфере, где новое и старое существуют не в простом соседстве, а в едином сплаве. Вот строки Ваагна Давтяна:

Круча, камни, сплошные камни.
Но на круче, из камня серого
Бьют и брызжут зеленые капли
Цвета меди рослого дерева.
Гром толкнет его — не качнется:
Крепло в муках—рождалось медленно,
С виду тихое, а коснешься —
Что ударишь медным по медному!

(Перевод В. Баласана)

В этом аллегорическом стихотворении — раздумье о судьбе человека. Но не того человека, чей жизненный путь был легок и прост, а того, чья воля, дух и вера прошли через горнило испытаний и стали крепкими, как сталь. Невольно вспоминаешь героев «Судьбы человека» М. Шолохова, повестей «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Черный человек» Гургена Марари, рассказа «Моя буква» Мкртича Армена.

Но не было ли таким же понимание страдания в поэзии Чаренца? Разве не призывал он всегда, даже в минуту горя и печали, сохранять стойкость души, разве не в страданиях закалилась его душа и его звонкая лира?

Вспомните слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что художник должен уметь увидеть положительное, радоваться этому положительному, составляющему существо нашей действительности, поддержать его и в то же время, разумеется, не проходить мимо отрицательных явлений, мимо всего того, что мешает рождению нового в жизни.

Каждое, даже самое хорошее дело, — говорит далее товарищ Хрущев, — имеет свои теневые стороны. И самый красивый человек может иметь свои изъяны: все дело в том, как подходить к жизненным явлениям и с каких позиций их оценивать.

Советские поэты, воспевая все лучшее, светлое, что есть в нашей жизни, не вправе проходить равнодушно мимо теневых, отрицательных сторон ее.

Армянские поэты все свое внимание обращают на рядового человека и подвергают беспристрастному суду его жизнь и дела. Каждый из них по-своему, в соответствии со своим талантом и мироощущением подходил к истории, стремясь понять, что он взял от жизни и как он выполнил свой долг художника. Это то благородное стремление к самопознанию, глубина которого измеряется степенью гражданской и духовной ответственности писателя перед своим временем, его умением правду времени сделать своей правдой.

Сильный талант, по выражению Аветика Исаакяна, это орел, которого стыдно кормить мошками (мелкотемьем). И непонятно, по какой логике некоторые считают, что заполнять свои произведения ничтожным, мелким, преходящим или только отрицательным — своего рода кутузовское отступление перед решительным наступлением. Но ведь пространства искусства очень невелики — они размером в человеческое сердце. Отступать здесь некуда, и отданное трудно вернуть обратно.

Что и говорить, на пути поисков хорошего, красивого возникают и заблуждения. Плохо, когда писатель пытается освятить свои идейные ошибки, выдавая их за крупницы неправильно понятой сегодня правды, адресованной грядущим поколениям.

Человека надо рассматривать в созданной им же истории. Тогда нетрудно убедиться, что жизнь не может состоять из одних теней. Понятие тени уже само собой предполагает наличие света. Только тот, кто вдохновлен этим светом, может бороться против мрака и победить.

Мы еще помним то время, когда сновившихся людей-винтиков заменяли другими и делали это так спокойно и бездумно, словно «не целый мир исчезал». Между тем людей не меняют, а сменяют, и те, кто приходит на смену, должны гордиться наследием своих предшественников. Отвергая теорию «винтика», Геворг Эмин в стихотворении «Гимн человеку» пишет:

Первую славу,
Первое слово
Рукам людским возглашаю я снова.
Пахали, сеяли, бороили,
Гранит для всех дворцов огранили,
Ковали цепи, томилась в цепях,
Взяли дворцы,
Разбили оковы
И повели трактора в степях.
Руки! Вам мое первое слово.
Сколько сработал,
Как воевал

Этими вот руками натруженными
Человек, сжимающий сегодня штурвал,
Правящий ракетами, в космос
обрушенными

(Перевод Б. Слуцкого)

Свое собственное воплощение этой идеи мы видим и в стихотворении Ваагна Давтяна «В ореоле света».

Смело можно утверждать, что у современной армянской поэзии, продолжающей традиции великого искусства прошлого, свой путь, свой долг перед веком и, конечно, свой герой. Если бы не было этого своего, самобытного, не имело бы смысла говорить о продолжении традиций.

Нередко у нас новаторами провозглашаются также и те поэты, которые черпают вдохновение из своих же старых произведений. Если даже это и большой талант, он не может проникнуть в дух времени, оно неизбежно сбросит его с седла. Нельзя, закинув седло на собственную спину, воображать, что ты и есть время. В таком случае свобода творчества превращается в прихоть, а на смену чувству ответственности приходит измелъчание поэтического «я». У такого поэта не искренни ни грусть, ни радость, хоть он и удостаивается иногда аплодисментов обывателей. Радость и печаль — это высокие человеческие чувства, а не тень от дерева, которой вправе пользоваться любой прохожий. Он не дар, а завоеванное богатство. В этом смысле мы признаем лириком лишь того поэта, который поднимает своих современников на новую духовную высоту и делает это посредством выражения своего неисчерпаемого «я», своих раздумий о времени, об обществе, о личности. В этом и заключается то индивидуальное, без которого трудно представить народность поэзии. Глубоко индивидуальны и своеобразны в своих новых произведениях Гурген Маарри, Вагаршак Норенц, Сармен, Паруйр Севак, Сильва Капутикян, Геворг Эмин, Рачия Ованесян, Ваагн Давтян. И тот, кто хочет понять, в чем их народность, должен в первую очередь почувствовать их богатую индивидуальность. Народность — категория не только идейная, но и художественная. Ведь не ради же красного словца Рачия Ованесян говорит:

Я хотел бы, чтобы жизнь моя бурной была.
Словно дождь, благотворной прохладой текла,
Чтоб поила грядущей весны семена,
Словно дождь, и чиста и ясна!

Чтобы смерть моя, радугой светлой взойдя:
Расцвела после шумного жизни дождя,
Чтоб, росой увлажненные, вновь проросли
Молодые побеги земли!

(Перевод Н. Алибеговой)

Тем же чувством окрашены следующие строки Сармена:

Жить я хочу, жить и жить,
Но не так, как живет одинокий отшельник.
На пути людей я хочу гореть,
Хочу я гореть и гореть.

(Подстрочный перевод)

Здесь говорится о самоотверженном служении человеку — самому величественному и светлому творению природы, о том, что нет счастья вне борьбы за счастье человека. Это не просто декларация, а эстетический принцип, принцип видения истории через меру человеческих свершений. И если все это — есть, совершенно естественно рождается потребность писать языком, понятным каждому. Но быть понятным — это еще не значит быть народным. Можно привести множество стихов, которые понятны, но которые не имеют ни малейшего отношения к литературе. Произведение искусства должно быть не только понятно народу, ему надлежит обогащать художественное сознание народа, углублять его знание о жизни. Следовательно, народность присуща лишь искусству, которое служит человеку, питается дыханием истории и способствует движению вперед.

Как в жизни, так и в литературе, свободное творчество немыслимо без внутренней дисциплины, без полной и бескорыстной преданности народу. Свобода — это оружие, которым вправе владеть лишь тот, чья цель — благородное служение народу, чье перо питается из чистых истоков большого сердца, а не из омута обывательщины.

Свобода, от имени которой выступает советский писатель, — это завоеванная ценой крови душевная чистота, совесть и, конечно, строгая дисциплина мысли. Яркое выражение этого можно найти в лучших произведениях армянских поэтов. Сильва Капутикян в своей новой книге «Размышления на полпути» подвергает строжайшему суду пройденный ею поэтический путь, желая проверить, насколько оправдала она своим творчеством доверенную ей свободу, что дала народу взамен щедро дарованной ей любви, славы, доброты и что из отданного ею выдержало испытание временем. Не зная цену полученному, невозможно определить меру отдачи. А для этого необходимо знать, что дали народу твои предшественники. И вот поэтесса вспоминает тех знаменосцев поэзии, чья жизнь была подвигом, тех, кто сгорел, истаял во имя того, чтобы никогда не таяли богатства духовной сокровищницы народа, не испепелялись его мечты. Оценивая свой труд, поэтесса принимает за критерий великое искусство, завещанное нам прошлым и служащее настоящему.

О, как ничтожно, как постыдно мало
Тебе я помогала, мой народ,
Как часто к сердцу я не принимала
Твоих печалей и твоих невзгод...

Настоящий поэт может заблуждаться, может ошибаться, но никогда — фальшивить. Было время — аплодисменты, о которых говорит Капутикян, воспринимались как достойная оценка творчества поэта. Не сразу пришло понимание того, что эти аплодисменты сковывали поэтов, мешали им. Но с годами чаще стало тревожить ее чувство недовольства собой — заклятый враг самоуспокоения. И еще яснее стала мысль, что нет ничего выше счастья Родины и что судьба поэта неотделима от судьбы Родины.

Хоть с лучшими и не равняйся мне,
Суди меня лишь с ними наравне!..

(Перевод М. Петрова)

Это значит, что в искусстве никому нельзя делать скидок. Всем предъявлены равные требования. И только на пути осуществления этих требований раскрывается талант писателя.

В современной армянской поэзии немало строк посвящено прошлому народа. И это понятно. На пути слияния социалистических культур, обогащения жизни и литератур различных народов общими интернациональными интересами не могут быть преданы забвению те лишения и трудности, пройдя через которые мы достигли счастливого настоящего.

Нельзя не отметить с радостью одно очень важное обстоятельство: советской армянской поэзии чуждо отношение к истории народа, как к предмету вечных жалоб, стонов и слез, отношение, которое в свое время резко критиковал Степан Шаумян. История для наших поэтов — это в первую очередь страдания и борьба трудящегося народа, его светлые идеалы. Правильно сказал Геворг Эмин, что армянский народ —

Веками с песней на устах
Умирал, но не умер...

И вот теперь эта обогащенная жизнь, пройдя через бесчисленное количество смертей и утрат, дошла до нас, озаренная мечтами и идеалами многих поколений.

Есть стихи, о которых трудно рассуждать вслух: их надо читать в одиночестве, когда делаешься более чутким и восприимчивым, когда все человеческие горести находят отклик в твоей душе, когда ты видишь дальше и чувствуешь глубже, чем обычно. К таким произведениям принадлежит стихотворение Сильвы Капутикян «Голуби». Армянские голуби, всегда ютившиеся под куполами церквей, взлетавшие в испуге от малейшего шороха, теперь смело опустились

на площадь Ленина, а вокруг — веселый шум и смех, бьют фонтаны, мчатся машины...

Голуби тревожные Армении!..
Ныне на асфальт слетели вы,
Затопили площади весенние.
Шум вокруг —
Кипение листвы,
Гул толпы, машинное гудение, —
Но, тугими крыльями шурша,
Вы плывете к нам без опасения,
И зерно с ладони малыша
Вы клюёте, голуби Армении!..

В этих строках — судьба армянского народа, трагичная — вчера, счастливая — сегодня.

Когда время выдвигает требование завоевать новые рубежи общественной мысли, поэзия первая откликается на этот призыв. Совершенно естественно, что после двадцатого и двадцать второго съездов партии поэты проявляют активный интерес также и к теме национальной гордости. В целом можно утверждать, что армянские поэты правильно понимают тенденции нового этапа развития наций; они разглядели и отразили в поэзии те пути, которые ведут к общечеловеческому, к интернациональному.

О, моя родина!
Ты — моя тысячелетняя фамилия,
Я —
Так прожить хотел бы,
Чтобы ты не пожалела никогда
О фамилии, которую ты подарила мне...

(Подстрочный перевод)

Это чувство — заветное не только для армянского поэта Паруйра Севака. О том же пишут поэты других братских народов.

Когда Амо Сагиян заявляет:

Мир для меня только что засеянная пашня,
Я жду, чтоб она зазеленела,

неужели это не выражение истинно интернациональных чувств, родившихся на национальной почве?

Выше мы говорили о здоровом, чистом восприятии национального, о средствах его художественного воплощения. Но есть и узость национального чувства, которая чужда нашему гражданскому духу и той миссии, которую история возложила на нас, строителей коммунизма.

Рядом с произведениями, которые открывают читателю нескончаемую глубину мысли и чувства, встречаются и такие стихи, которые, кажется, только для того и созданы, чтобы терзать человеческое сердце, испытывать его страданием. Мы против песен боли и грусти, мы не призываем окутать розовым флером все человеческие чувства. В одной из своих бесед Луначарский сказал, что все личные радости и страдания приобретают особый смысл в том случае, когда жизнь

посвящена общим интересам, высшей цели.

Отвечать своему времени может только поэзия больших мыслей и чувств. Отмечая это качество подлинной поэзии и важность общественно-политической позиции писателя, Энгельс писал: «Какое дело литературе до того, что у того или другого писателя есть крупица таланта, что он временами создает безделицы, если вообще-то он никчем, если все его направление, литературный его характер, все его творчество в целом ничего не стоят? В литературе всякий ценен не сам по себе, но лишь в своем взаимоотношении с целью». Эти слова Энгельса особенно актуально звучат в наши дни, когда сторонники формализма пытаются отделить талант от идеи, лишить человеческие чувства их истинного смысла.

Именно с высоких позиций реалистического искусства подходят армянские поэты к герою сегодняшнего дня, стремясь увидеть в нем то, что истинно прекрасно.

Твой путь тяжел.
Не задохнуться бы, пройти б еще немного,
Ты разве зря весь день к седой
вершине шел?

Вот облачко у локтя твоего.
Порозовевшим краешком его
Ты вытри пот с лица,
И двигай, двигай, брат,
Чтобы не там, где тень твоя косая,
А на вершине встретить свой закат.
День на вершине позже угасает.

(Перевод В. Баласана)

Хоть в этих строчках Амо Сагиян речь идет о закате, но цель героя — пожертвовать собой во имя вечного восхода, уйти из жизни с песней вершин. Такие поэтические строки могут стать верным другом на трудном пути.

В одном из своих стихотворений Ваагн Давтян пишет о маке, черно-алым пламенем рассекающем скалу.

И думал я:
Откуда столько цветов.
Таких зеленых и нежных
На каменной, твердой груди
Этой огромной скалы?
Я коснулся ее рукой...
О, до чего же тепла она!
Тепла — как доброе сердце.

(Подстрочный перевод)

Доброе и прекрасное таит в себе нежность, но эта нежность сильная, раскалывающая скалы. Если же вспомнить строки Амо Сагияна:

Как море, мы умеем стенать,
Журчать, как прозрачный ручей,

то становится ясным один из принципов нашей эстетики — добро не должно быть

безоружным. В этом правда нашего времени — добрая правда и беспощадная доброта. Эта правда сильнее у тех поэтов, которые глубже других ощущают пульс века, строки которых, «умирают как рядовые», а не тают на губах мещан.

Кстати, о пульсе времени. Как-то раз зашел разговор о литературе. Аветик Исаакян высказал мысль, что у поэта доброта должна иметь вечные истоки, ясное направление и непреходящую цель. Даже в несчастьи высшей заботой поэта должна быть любовь к человеку, окрепшая в бурях.

— А как же поэт Н.? — спросил я.

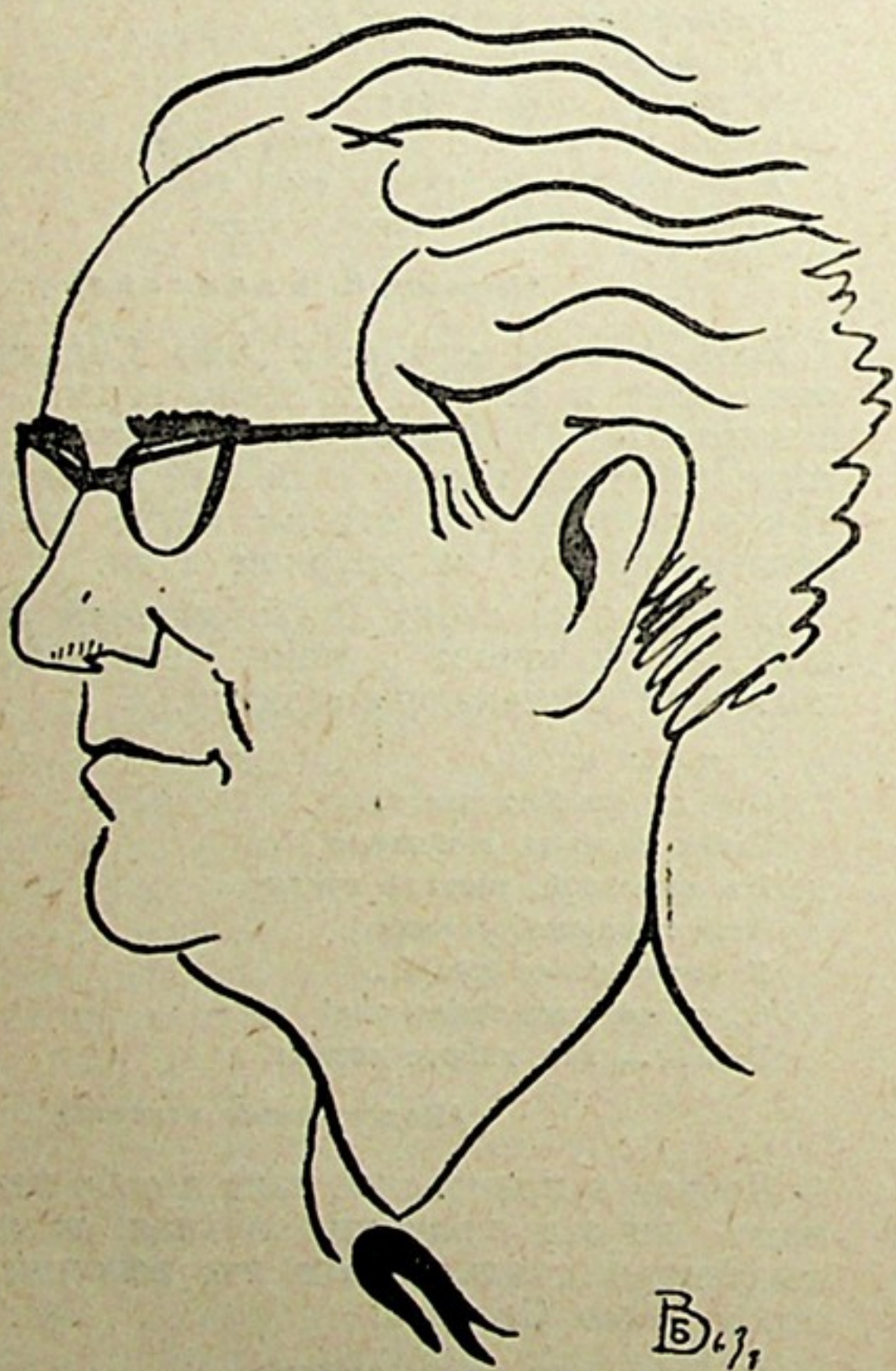
— Твой поэт о буре пишет после бури. Его произведения играют ту же роль, что и капилляры в организме человека. Они питают глаза, сердце, мозг, но для определения состояния художественной мысли эпохи нужен пульс. Туманян, Терьян, Чаренц.

Лучше не скажешь. Исаакян не мог думать иначе о литературе.

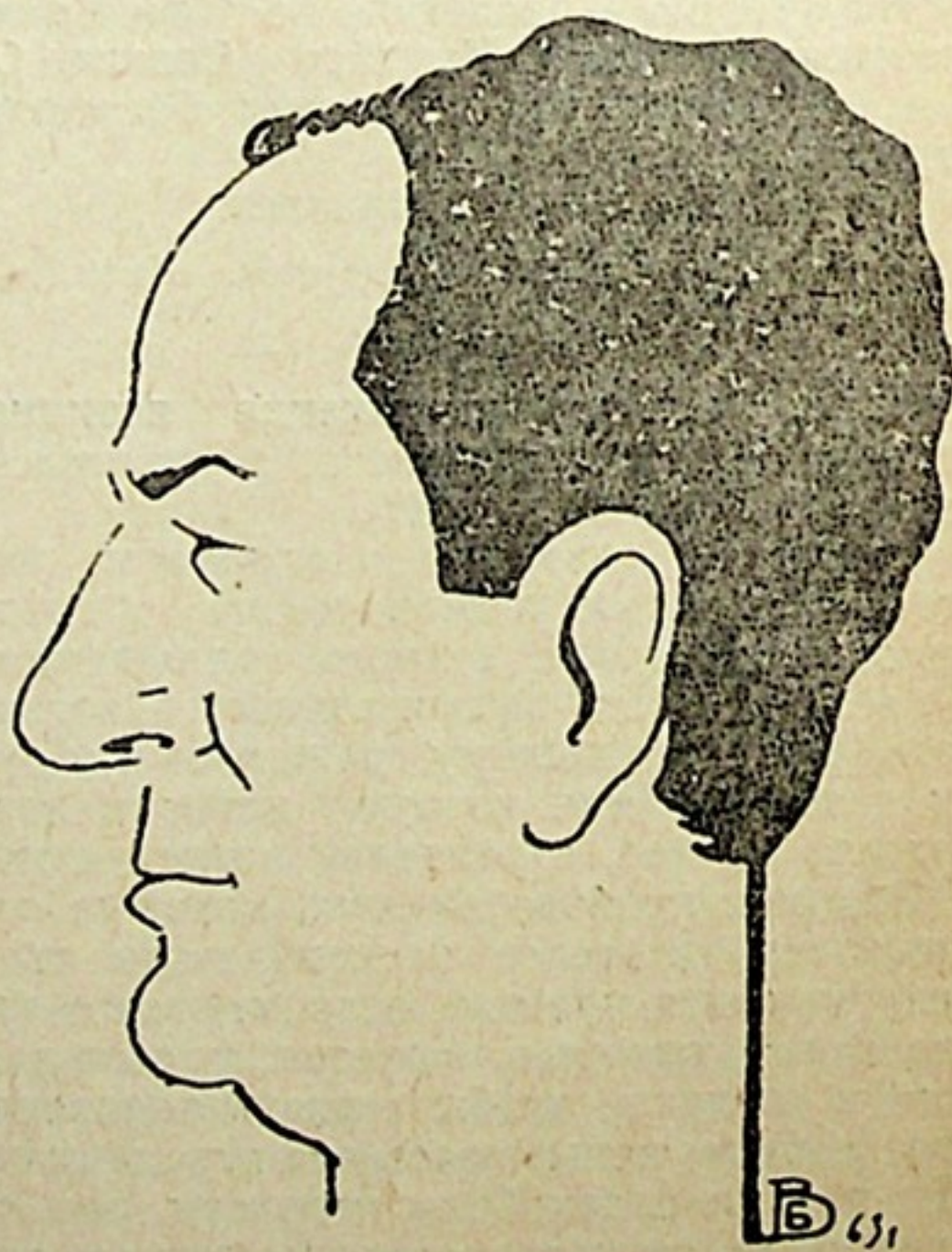
Если поэт не владеет искусством отбора, не видит, какие явления выражают дух времени, он не может сказать то весомое слово, которое призвано воздействовать на ум и сердце читателя. Здесь мало одного таланта. Здесь успех решает партийность, та идейная сила, которая питает талант. Только такое слияние может привести к созданию настоящих литературных ценностей, не изменяя духу времени и индивидуальности писателя. И талант, и поэзию, и правду нельзя рассматривать вне живучих проблем современности.

Величие жизни в правде, а величие человека в борьбе за эту правду. Советская армянская поэзия всегда была верна партийной правде, она всегда видела и отображала то новое, которым наш народ гордится сегодня, которым он будет гордиться завтра и вечно.

Друзья о друзьях

Мкртыч Асланян.

Беник Сейранян.
Худ. В. Бегларян

Эмма КАНАНОВА

Молодость, поиск, дерзание

Последние годы, отмеченные большой активизацией художественной жизни нашей республики, вызвали, естественно, повышенный интерес к творчеству художников, и особенно молодых.

Каким должен быть «язык» художника, идущего в авангарде эпохи? Как борется молодежь за утверждение искусства социалистического реализма? Эти, да и многие другие вопросы, вызывают множество споров — ведь в республике сейчас живет и творит большой отряд молодых художников, непохожих друг на друга по степени одаренности, манере письма, художественному видению окружающего мира, но одержимых единым стремлением к наиболее полнокровному отображению нашей действительности, к «современному» в самом полном, самом лучшем понимании этого слова.

Пожалуй, наиболее остро полемизируют о произведениях Минаса Аветисяна. Это и понятно. Работами Минаса можно восхищаться, работы Минаса можно не принимать, но оставаться к ним равнодушными — нельзя. Яростные, знойные, они словно рвутся к вам навстречу, заставляют остановиться, приглядеться, задуматься, еще и еще раз проверить свое отношение к живописи.

Не потому ли, что, тяготея к образам символического плана, молодой художник вносит в каждую картину глубоко прочувствованное, свое, в каждой картине (особенно в пейзажах) мечтает?

Не потому ли, что щедро использует эмоциональные возможности живописи?

И разве можно пройти равнодушно мимо «Джаджурского пейзажа»?

...Палящие лучи солнца окрасили дома, деревья, землю в огненно-красный цвет.

Это непривычно, это кажется стран-

ным в первую минуту — но ведь большое искусство всегда требует сосредоточенного восприятия. И чем дольше смотришь на этот пейзаж, тем больше чувствуешь, почти физически ощущаешь силу обжигающего знойного солнца.

Солнцем насыщена и картина «Лето», написанная слепящими, бьющими красками. Зноем дышит природа, зноем дышит и фигура женщины, словно вобравшая в себя пламень солнечных лучей и соки земли, органически вписанная в пейзаж, как бы слившаяся с ним.

На первый взгляд может показаться, что художник злоупотребляет красным цветом. Однако стоит приглядеться получше, и становится ясно — в каждой картине красный цвет по-разному служит решению различных живописных задач.

Интересна по колориту и выразительности, по своей лирической настроенности картина «Думы», написанная иначе, чем вышеназванные работы. В ней есть и тихая грусть, и задумчивая мечтательность, и трепетное ожидание чего-то неведомого, светлого...

Очень хороши такие произведения художника, как «Автопортрет», «Здесь мы жили», «Портрет переводчицы Милы», «Портрет жены», «Портрет музыковеда Эллы», «Девушка с голубыми глазами»...

В этих полотнах, как и во многих других работах художника, привлекает яркий насыщенный колорит, развитое чувство ритма, умение использовать цвет для наиболее полного раскрытия образа.

Кстати сказать — эти же качества плюс блестящее чувство сценической площадки определили огромный успех Минаса Аветисяна — театрального художника. И если в оценке живописных качеств художника мнения порой расхо-

дятся, то декорации, выполненные им к таким спектаклям Ереванского театра оперы и балета имени Спендиарова, как «Три новеллы» и «Золушка», ни у кого не оставляют сомнений ни в блестящем мастерстве Минаса — театрального художника, ни в том, какую роль играет оформление в общем решении, в успехе спектакля в целом.

Большой интерес вызывают и произведения другого молодого художника — Рубена Адаляна, напряженно работающего над новыми оригинальными решениями волнующих его тем, прекрасно понимающего, что произведение, лишенное гармонического сочетания формы и содержания, теряет фактически всякий смысл.

Если в произведениях Минаса Аветисяна на первый план прорывается мечтатель, поэт, то Рубен Адалян раскрывается в своем творчестве как мыслитель, философ. Обратимся хотя бы к «Автопортрету» художника. Решительно сжатые губы, взгляд — сосредоточенный и дерзкий, словно пытающийся проникнуть в неизвестное, сорвать покровы с тайн. И во всем облике — гордость, страстность, волевым — решимость, дерзание, сила. Здесь художник стремился не к передаче портретного сходства, а к раскрытию своего внутреннего мира. Жизненную концепцию художника как нельзя лучше подтверждает также серия работ под общим названием «Неоседланные лошади». В этих работах — буйный ветер, необузданная воля, наслаждение свободой, радость жизни, радость слияния с природой. И каждая из работ этого цикла имеет самостоятельную ценность.

Оригинально по живописному решению произведение «Фехтовальщица». Последний момент перед боем. Девушка — очень юная, женственная, чистая — опустила руку на эфес шпаги, закрыла глаза... Страх? Может быть, немножечко и страх, но в то же время — решимость к поединку, воля к победе.

Рубен Адалян интересен и в живописи, и в графике. Решенные, в основном, в серебристо-серой гамме тихие уголки старого Еревана, с домиками, лепящимися друг к другу, узкими, кривыми улочками, и графические рисунки Москвы, насыщенные напряженным ритмом большого города, композиционное полотно на индустриальную тему («Жажда»), передающее могучую силу трудового человека, и удивительно лиричный, ясный портрет сестры, Дон-Кихот, воплотивший в себе извечное стремление человека к любви, красоте, справедливости, и Гамлет — одинокий, скорбный, мудрый...

Разные темы, разные жанры, и во всем — активное отношение автора к изображаемому.

В последнее время нет-нет да и вы-

сказывались опасения — не грозит ли проникновение абстракционистских тенденций в искусство молодых художников? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Весь ход развития глубоко реалистического по своим традициям армянского изобразительного искусства исключает хотя бы нечто подобное, а молодые художники, продолжая народные традиции, современны в самом настоящем, правильном смысле этого понятия. Для многих из них учителем, примером стал замечательный мастер кисти Мартирос Сергеевич Сарьян.

О Мартиросе Сарьяне нередко говорят, что на палитре его реют все краски армянской земли, и солнце лучится с его полотен, согревая сердца людей.

...Воздух глубокий и прозрачный, оранжевые, точно опаленные горы, холодные ветры, дующие над полями и долинами, земля в весеннем цвету, розовая кипень деревьев и солнце, солнце, солнце — таким открывается зрителям сарьяновский мир, и даже тем, кто никогда не бывал в Армении, становится близким и понятным этот край. Понятным, а следовательно — и любимым... Естественно, что молодые художники нашей республики не могли не «заразиться» его творческим горением, страстной влюбленностью в родной край. Одни занялись подражательством, копированием. Другие, более талантливые, основываясь на творческих принципах мастера, пошли своим путем, еще и еще раз подтверждая старую истину о том, что большое, вдохновенное искусство — результат яркого природного дарования, умноженного на кропотливый труд, связанный с неустанными поисками невысказанного, нового, своего...

Учеником Сарьяна можно считать художника Генриха Сиравяна, лирика, влюбленного в родную страну. Художник известен в нашей республике своими пейзажами, интересным как по замыслу, так и по решению полотну «Месроп Маштоц» и триптиху «Комитас» — хорошо скомпонованному, тонкому по цветовому решению (особенно в правом крыле триптиха).

В последнее время художник посвятил много пейзажей Горису — величественному и суровому краю, воспетому народом в песнях и легендах. Край этот дорог сердцу художника, и он много варьирует, отбирает и обобщает виденное. Горисские пейзажи пронизаны певучестью, музыкальностью художественного видения, в них нет резких светотеней, краски звучат мягко, доверчиво. В пейзажах Сиравяна, как правило, нет человека. Художник словно стремится остаться наедине с природой, вслушаться в нее, слиться с ней.

Из горисских полотен наиболее интересен пейзаж «Родное село Хндзо-

реск». Высокая точка, избранная Сиравяном, помогает художнику развернуть сразу несколько планов, создать ощущение большого пространства, служит оригинальности композиции.

Несколько особняком стоит небольшое полотно «Зима в Армении». Приглушенный голубой, лиловый и белый цвета тонко варьируются, создавая богатство цветовых оттенков, нежных светотеневых переходов. Пожалуй, в этой небольшой, но очень поэтичной работе наиболее полно выразилось и лирическое «я» художника, и сарьяновское влияние на него.

Говоря о молодых пейзажистах Армении, нельзя не упомянуть и имени Левона Коджояна, художника правдивого и искреннего, обладающего умением даже самым, казалось бы, простым, непримечательным мотивам природы или, на первый взгляд, сухим индустриальным пейзажам придавать необычайно привлекательный, волнующий облик. Палитре его свойственна гармония очень чистых, теплых и холодных тонов. Любимые мотивы живописца весна, природа в ярком цветущем наряде. В отличие от Г. Сиравяна, Л. Коджоян в своих пейзажах стремится показать человека, его труд, преобразующий природу («Мост в Шатине», «Первые борозды», «Весной в садах» и др.). В последние годы молодой художник стал обращаться и к композиционным работам, в которых пейзажу отведено подчиненное место.

Интересные работы привез Л. Коджоян из поездок по ряду зарубежных стран.

На состоявшейся год назад выставке пяти художников (кстати, организация групповых и индивидуальных выставок молодых художников становится в нашей республике хорошей традицией) внимание многих посетителей привлек «Автопортрет» Александра Григоряна. Пристальный прищур глаз — внимательных, изучающих, как бы оценивающих. Задумчивое лицо кажется спокойным. Но нет, спокойствие это обманчиво. Словно охваченный языками пламени, тревожный, мятежный фон выдает внутреннюю взволнованность, смятение чувств. Такова творческая сущность художника — беспокойного, ищущего, думающего. Своеобразное видение мира и чувство современного переданы в его полотнах с большим мастерством. В таких работах, как «Мать и дитя», «Автопортрет с сыном», «Портрет Эдварда Ходжика», «Портрет художника Э. Исабекияна», «Портрет С. Гуллакян» художник проявил умение глубоко проникать в психологию человека. Радует в этих полотнах цветовая насыщенность, экспрессия.

Тонкая градация зеленовато-серебристых тонов, положенных короткими уда-

рами кисти, создает спокойно-лирическое настроение в «Портрете Зигрид»
Создавая художественный образ, А. Григорян умело использует выразительную композицию, яркие и смелые сочетания красок.

Не только в нашей республике, но и за ее пределами известно имя Лавинии Башбеук-Меликян, многие работы которой, экспонировавшиеся в Москве, снискали ей славу талантливого и зрелого художника. К числу их относятся отличающиеся декоративностью цвета и композиции натюрморты «Кактусы», «Египетский натюрморт», замечательное полотно «Кувшины».

«Портреты трудны, — писал Мольер, — они требуют глубокого ума». Но портреты требуют и большой искренности, честности, правдивости художника. Именно честностью, правдивостью видения радуют такие работы Л. Башбеук-Меликян, как «Портрет художника Г. Сиравяна», несколько незавершенный, но интересный «Портрет Оли и Рубена Овнатаян», где разные характеры портретируемых невольно продиктовали разную манеру письма. Очень честно, правдиво раскрывает художника внутренний мир, характер людей и в полотнах «Старуха села Кучак», «Семейный портрет», «Рабочие совхоза села Хнаберт».

Тонкое чувство цвета, обобщенность, поэтичность характерны для пейзажей художника О. Минасяна. Но пейзаж не стал основным жанром его творчества. Художник много и упорно ищет, пробует свои силы в различных жанрах, на разном материале. Еще три года назад в очень светлом, жизнерадостном, хорошо скомпанованном триптихе «Времена года» проявилась тяга О. Минасяна к монументальному, эпическому выражению чувств, к созданию масштабных полотен. В этом направлении и пошли дальнейшие творческие поиски художника, результатом которых явились работы, отмеченные продуманной, четкой композицией, большой эмоциональной насыщенностью, интересные по колориту. Это — представленные на весенней выставке молодых художников полотна «Жатва», «Плодородие», «Пробуждение», выполненная темперой роспись стены вестибюля Дома культуры имени Кирова, созданная в творческом содружестве с художниками С. Степаняном и Э. Закаряном роспись стен в помещении Ереванского вокзала.

Стремление к монументальному, обобщенному осмыслению художественного образа характерно и для О. Хачатряна. В графике, живописи, архитектуре, скульптуре он показал себя художником, обладающим острым чувством современности, развивающим традиции национального армянского искусства.

И не случайно именно ему была пору-

чена роспись стен Матенадарана — хранилища древних рукописей Армении. Каждый, кто входит сюда, невольно задерживает взор на замечательной мозаике «Битва при Аварайре».

Кроваво-красная гамма, в которой решена эта работа, придает ей напряженность, словно подчеркивает трагическую судьбу народа, на протяжении всей своей истории боровшегося за свободу и независимость.

...Битва яростная, не на жизнь, а на смерть. Стеной стоят перед врагом армянские воины, как бы слившиеся воедино в своей решимости отстаивать свободу родины. Слово взнесенная волною ярости над врагом — фигура полководца Вардана Мамиконяна, вдохновляющего, зовущего к победе. Искраженные лица иноземцев, на первом плане — поверженная фигура одного из них, черная, хищная рука, протянутая к чужой земле, чужому счастью.

В этой работе художнику удалось передать накал страстей, стремительный ритм боя, умение найти правдивое и выразительное решение исторического материала.

Эти качества сказались и во всех остальных работах по внутреннему оформлению Матенадарана, выполненных молодым художником.

В конкурсе на лучший памятник Аветику Исаакяну, в котором участвовали выдающиеся скульпторы республики, О. Хачатрян была присуждена вторая премия (первую никому не присудили). Художнику удалось создать яркий, обобщенный образ великого поэта, передать его мудрость, любовь к родному народу. Лицо поэта высечено в огромной, пятиметровой гранитной глыбе, похожей на скалу, вросшую в землю. Подобным решением О. Хачатрян стремился подчеркнуть неразрывную связь поэта с родной страной, могучую силу, которую черпал Исаакян в народе.

Это — лишь несколько представителей большого отряда молодых художников Армении, поиски которых — искренние, увлеченные, иногда не лишены ошибок, но в основе своей опирающиеся на метод социалистического реализма, свидетельствуют о высокой творческой настроенности, являющейся залогом будущих побед.

Подписано к печати 25 ноября 1963 г. 5 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 2730

Тираж 2200

УД 12235

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Отпечатано в типографии издательства ЦК КП Грузии
«Комунисти» — ул. Ленина, 14.

68/342

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

04M35320
8083010133

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
«ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ» на 1964 год**

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Литературная Армения» печатает лучшие произведения армянских поэтов и прозаиков, новые переводы из произведений классиков армянской литературы, воспоминания, очерки о жизни республики, о людях наших дней, о творчестве выдающихся деятелей советского искусства, путевые заметки, а также статьи и публикации, освещающие прошлое армянского народа, его историю и культуру; в разделах литературной критики и книжного обозрения печатаются статьи, посвященные проблемам современной армянской литературы. Новым книгам наших писателей.

В 1964 году журнал будет печатать новые произведения Ст. Зорьяна, М. Шагинян, Г. Маари, С. Ханзадяна, Г. Севунца, Н. Адамян, Л. Гурунца; новые стихи и поэмы Г. Саряна, Н. Заряна, П. Севака, С. Капутикян, Г. Эмина, В. Давтяна, М. Маркарян и других.

Широко будет представлено творчество молодых прозаиков и поэтов.

В разделах иностранной и зарубежной армянской литературы будут помещаться переводы произведений Вильяма Сарояна, Шаана Шахнура, Ваге Кача, Андраника Андреасяна, Ваге Айка, Армена Даряна и других. Регулярно будет публиковаться хроника жизни зарубежных армянских колоний.

Читатель найдет в журнале цветные репродукции лучших картин художников Армении.

Подписная цена: на 12 месяцев — 4 руб. 80 коп.
на 6 месяцев — 2 руб. 40 коп.